УДК 902/904
DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00005

М.Ю. Трейстер

БУСЫ И ЭЛЕМЕНТЫ ДЕКОРА ИЗ ЯНТАРЯ В ЮВЕЛИРНЫХ ИЗДЕЛИЯХ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ КОЧЕВНИКОВ АЗИАТСКОЙ САРМАТИИ В КОНТЕКСТЕ ТОРГОВЛИ ЭКЗОТИЧЕСКИМИ МАТЕРИАЛАМИ В ЕВРАЗИИ*

Если распространение янтаря в Европе исследовано довольно полно, то представление о распространение янтаря в Евразии изобилует белыми пятнами. Это касается, в том числе, и украшений из янтаря у кочевников. В центре внимания этой работы — украшения из янтаря у кочевников Азиатской Сарматии в контексте их распространения на территории Евразии в эпоху раннего железного века. В этой связи рассматривается распространение янтарных бус в Центральной Европе, в Италии, на Балканах, в Скифии в VII—IV вв. до н.э., в некрополях античных городов Северного Причерноморья VI—IV вв. до н.э., Колхиды V—IV вв. до н.э., на Переднем Востоке, в Центральной Азии, в Сибири и Монголии.

Не позднее IV в. до н.э. изделия из янтаря, преимущественно происходящего с территории Украины, а также Прибалтики, редкие в этот период в Северном Причерноморье и неизвестные в Скифии, появляются в сарматских погребениях Южного Приуралья, где встречаются чаще и в большем количестве в комплексах III и III—II вв. до н.э. Рассматриваются два возможных пути ихраспространения. Один — через Северное и Восточное Причерноморье, далее через Кавказ, Каспийское море и по старому руслу Узбоя, которое представляется более вероятным, и второй — через Переднюю Азию. Это предположение, однако, вряд ли коррелируется с выводом о происхождении материала большей части бус из Прохоровки с территории Украины.

В погребальных комплексах Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. янтарные бусы чрезвычайно редки и представлены в единичных количествах как в Заволжье, так и на Нижнем Дону. Не исключено попадание таких бус, как через Переднюю Азию, так и из Центральной Европы через Танаис. Не позднее I в. до н.э. янтарные бусы начинают использоваться как в Индостане и Центральной Азии, так и на востоке Сибири и в Китае. Обращает на себя внимание их довольно широкое распространение в погребениях хунну в Монголии конца I в. до н.э. — I в. н.э. В этом регионе и, вероятно, в Бактрии, судя по находкам из некрополя Тилля-тепе, янтарь начинают использовать и как материал для инкрустации ювелирных изделий и поясных пряжек. Несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), тот факт, что этот янтарь мог иметь не обязательно балтийское происхождение, а происходить из Бирмы, подтвердило исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге.

В I — первой половине II в. н.э. бусы из янтаря получают широкое распространение как в некрополях античных городов и поселений Северного Причерноморья, так и варварских погребениях Крыма, сарматских погребениях Побужья, Приднепровья. Их относительно немного в погребениях кочевников Нижнего Подонья — чаще они встречаются в междуречье Волги и Дона. Особенно часто встречаются янтарные бусы в погребениях позднесарматского времени, когда они известны практически на всей территории Сарматии от Карпато-Дунайского бассейна до степей Южного Приуралья. В Азиатской Сарматии выделяются три кластера: в первую очередь — Нижнее Подонье и южная часть Волго-Донского междуречья, а также — Южное Приуралье и междуречье Хопра и Волги. В этот период получает распространение и использование янтаря для изготовления наверший мечей и кинжалов.

Начиная со II—I вв. до н.э. янтарные бусы в погребениях довольно часто сочетаются с бусами и подвесками из коралла (в 40—47% случаев). Возможно, это указывает на общие источники поступления бус из этих экзотических материалов. В IV—III вв. до н.э., когда украшения из янтаря и

* Статья поступила в номер 18 октября 2020 г.
Принята к печати 02 ноября 2020 г.

© М.Ю. Трейстер, 2020.

коралла появляются у сармат Южного Приуралья, вероятно, пути их поступления были различные. Кораллы с большей вероятностью поступали через Переднюю Азию.

Ключевые слова: янтарь, «Янтарный путь», бусы, элементы декора ювелирных украшений, кельты, скифы, сарматы, хунну, кочевники, Средиземноморье, Причерноморье, Центральная Азия, Китай, Сибирь, Монголия, Евразия.

Сведения об авторе: Трейстер Михаил Юрьевич, Dr. phil. habil. (RUS), научный сотрудник, Германский археологический институт.

Контактная информация: 14195, Федеративная республика Германия, г. Берлин, Германский археологический институт, Подбельскиаллее 69—71; e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Mikhail Treister

BEADS AND DECORATION ELEMENTS MADE OF AMBER IN ITEMS OF JEWELRY FROM THE BURIALS OF THE NOMADS OF ASIAN SARMATIA IN THE CONTEXT OF TRADE IN EXOTIC MATERIALS IN EURASIA

If the distribution of amber in Europe has been studied quite fully, then the study of the distribution of amber in Eurasia is replete with white spots. This also applies to amber jewelry among the nomads. The focus of the present article is amber jewelry among the nomads of Asian Sarmatia in the context of its distribution in Eurasia in the Early Iron Age. In this regard, the distribution of amber beads in Central Europe, Italy, the Balkans, and Scythia in the 7th — 4th centuries BCE, in the necropoleis of the ancient cities of the North Pontic region of the 6th — 4th centuries BCE, Colchis — of the 5th — 4th centuries BCE, in the Near East, Central Asia, in Siberia and Mongolia is considered.

No later than the 4th century BCE items made of amber, mainly originating from the territory of Ukraine and the Baltics, rare in this period in the North Pontic area and unknown in Scythia, appear in the Sarmatian burials of the Southern Urals, where they are found more often and in larger numbers in the complexes of the 3rd and 3rd — 2nd centuries BCE. Two possible ways of distribution are considered. One — across the Northern and Eastern Black Sea regions, further on via Caucasus, Caspian Sea and the old bed of Uzboy, which seems preferable, and the second — via Western Asia, which hardly correlates with the provenance of the material of the majority of beads from Prokhorovka in the Urals.

In the burial complexes of Asian Sarmatia of the 2nd — 1st centuries BCE amber beads are extremely rare and are presented in single quantities both in the Trans-Volga region and in the Lower Don. It is not excluded that such beads found their way via both Western Asia and Central Europe (through Tanais). No later than the 1st century BCE amber beads are beginning to be used both in Hindustan and Central Asia, as well as in Eastern Siberia and China. Attention is drawn to their rather wide distribution in the burials of the Xiongnu in Mongolia in the late 1st century BCE — 1st century CE. In this region and probably in Bactria, judging by the finds from the Tillya-tepe, amber was also used as a material of inlays in jewelry and belt buckles. Despite the fact that it is obvious that amber beads could have come to the Xiongnu and China from the west (as Baltic amber was used to make beads from the early Scythian Burial-mound Arzhan-2 in Tuva), the fact that it may not have necessarily been of Baltic origin, but originate from Burma, was confirmed by the study of amber objects from the 1st century CE tomb M18 in Nanyang.

In the 1st — first half of the 2nd century CE amber beads are widespread both in the necropoleis of ancient cities and settlements of the North Pontic region, as well as in the barbarian burials of the Crimea, Sarmatian burials in the Bug and Dnieper regions. There are relatively few of them in the burials of the nomads of the Lower Don region — they are more often found in the interfluve of the Volga and Don. Amber beads are especially common in burials of the Late Sarmatian period, when they are known practically throughout the territory of Sarmatia from the Carpathian-Danube basin to the steppes of the Southern Urals. In Asian Sarmatia, three clusters are distinguished: first of all — the Lower Don region and the southern part of the Volga-Don interfluve, as well as — the South Urals and the interfluve of the Khoper and Volga. During this period amber was widely used for the manufacture of pommels of swords and daggers.

Starting from the 2nd — 1st centuries BCE amber beads in burials are quite often found together with coral beads and pendants (in 40—47% of cases). This may indicate a common source of beads made from these exotic materials. In the 4th — 3rd centuries BCE, when jewelry made of amber and coral appeared among the Sarmatians of the Southern Urals, it is likely that the ways of their distribution were different. Corals were more likely to arrive through Western Asia.

Key words: amber, “Amber Road”, beads, elements of jewelry decoration, Celts, Scythians, Sarmatians, Xiongnu, nomads, Mediterranean, Black Sea area, Central Asia, China, Siberia, Mongolia, Eurasia.

About the author: Mikhail Treister, Dr. phil. habil. (RUS), Researcher at the German Archaeological Institute.

Contact information: 14195, Federal Republic of Germany, Berlin, German Archaeological Institute, Podbielskiallee 69—71; e-mail: mikhail.treister@dainst.de, mikhailtreister@yahoo.de.

Введение. Янтарные украшения в Европе, Малой Азии и Восточном Средиземноморье в эпоху бронзового и железного века

Уже в эпоху бронзы бусы из балтийский янтаря (*succinite*) получают широкое распространение в Европе (от Иберийского полуострова (Murillo-Barroso et al. 2018: 1—36) на западе — до Балканского полуострова (Maran 2013: 147—169; Sgouritsa Polychronakou, Nikolentzos 2016: 233—246; Zygouris 2019: 177—189)), достигая и степи Северного Причерноморья (см. в целом: Czebreszuk 2009: 87—102. — Гордеевка: Berezanskaja, Kločko 1998: 13—15, Taf. 7: *6*; 10: *4*; 13: *9*; 18: *1*; 20: *1*; 21: *2*; 23: *5*; 24: *2*; 31; 34: *4*; 37: *2*; 43: *1*; 54: *2*; 77; 78: *2*; Клочко 2008: 233—243), Южный Кавказ (Триалети, Ананаури (Cultraro 2016: 52—53)), Малую Азию (см. в целом обзор: Pieniążek 2020: 131—132) (в частности, Троя (Трейстер 1996: 213; Кат. Москва 1996: 175, № 226—227; Sazcı 2007, 285, 403—404; Pieniążek 2016, 52—53, fig. 1), Алалах (Pieniążek 2020: 123, 125, fig. 7), кораблекрушение у Улубуруна (Kat. Bochum 2005: 588—589, Nr. 94)), Ближний Восток (Todd 1985: 292—301; Mukherjee et al. 2008: 55—57; Gestoso Singer 2008: 17—19; 2016: 251—264) и Междуречье (Moorey 1999: 79—81).

В частности, в царском склепе второй четверти — середины II тыс. до н.э. в Кватне в Сирии были найдены не только янтарные бусы (Roßberger 2011: 123, 128, 129, Abb. 17; 132—133; 2015: 141—143, 172), но и изготовленный, вероятнее всего в Сирии, сосуд из балтийского янтаря в форме головы льва (Mukherjee et al. 2008: 49—55; Pfälzner 2011: 139, 142, Abb. 7; 146—149, Abb. 11; 12a—b; Rahmstorf 2014: 26), и часть музыкального инструмента в форме кисти человеческой руки (Pfälzner 2011: 179—180, Abb. 45). По оценкам специалистов, начиная от эпохи бронзы и до раннего средневековья, — 80—90% исследованных янтарных изделий, найденных на Ближнем Востоке, изготовлены из балтийского янтаря (Eger, Khalil 2013: 164). Также балтийское происхождение имеет янтарь из Угарита (Pieniążek 2020: 132, note 102).

Столь широкое распространение янтаря и изделий из него уже давно привели к возникновению гипотез о существовании трансъевропейских янтарных путей (amber road/s, Bernsteinstraße (см. об этом термине, например, Madejski 2014: 48—52, с лит.)), при этом образовавшиеся еще в эпоху бронзы центры обработки янтаря в северной Адриатике продолжали с перерывами работать, по крайней мере, вплоть до римской эпохи, а пути распространения янтаря, если их и можно рассматривать в таком качестве, функционировали пусть и с перебоями, более-менее регулярно уже начиная со II тыс. до н.э., особенно XVII в. до н.э. (Cat. Belgrade 2006: 38—44; Palavestra 2007: 349—355; Czebreszuk 2007: 363—369; Cwaliński 2014: 183—199; Ernée 2017: 111—131).

На рубеже II—I тысячелетий и до VIII—VII вв. до н.э., а затем с IV в. до н.э. и до I в. н.э. янтарь перестает попадать из Северной Европы на Балканы (Cat. Belgrade 2006: 43—44; Gergova 2009: 184; Ivanova, Kuleff 2009: 35—36), при этом на Апеннинском полуострове перерыв на рубеже эпохи бронзы и раннего железа был несколько короче и украшения из

янтаря появляются здесь в VIII в. до н.э. (Strong 1966: 24; Cat. Belgrade 2006: 44; Cat. Napoli 2007: 112—251; Naso 2013: 260; Quast 2014: 29—33).

В Малой Азии изделия из янтаря появляются вновь в VII в. до н.э., прежде всего в святилищах (Strong 1966: 22—23; Naso 2013, 260—261; Prêtre 2016, 69, nos. 426—429, pl. II). Так, в Эфесском Артемисионе многочисленные изделия из янтаря представлены не только бусами и подвесками, зачастую образующими сложные украшения, но и фигурками, вырезанными из янтаря. Этот материал использовался также для инкрустации фибул и ювелирных изделий (Cat. Istanbul 2008: 186—190, Nr. 165—191; Naso 2013: 261—278). Исследования подтвердили балтийское происхождение янтаря 85 из 87 проб (Kaur et al. 2012: 39—43).

Янтарь получил широкое распространение в VI — начале V в. до н.э. как в Центральной и Западной Европе (Waldhauser 1996: 80—85, 88—92; Echt 1999: 90—95; Stahl 2006), так и на Западных и Центральных Балканах (Palavestra 2018: 115—121) и в Македонии (Синдос: Cat. Thessaloniki 1985: 90—91, no. 136; 267, no. 434; Despini 2016: vol. III, 125—127, nos. 198—199, 583, figs. 219—220. — Пелла, Архонтико: Chrysostomou, Chrysostomou 2002: 467—469; 2012: 369; Chrysostomou 2016: 98—99, pl. 7: *3*; Del Socorro 2017: 52, 64, notes 275, 280). Однако в более позднее время изделия из янтаря на Балканах, вплоть до I в. н.э., очень редки, хотя янтарные бусы и известны в комплексах вплоть до второй половины IV — первой четверти III в. до н.э. (Ljuština 2013: 99; Rustoiu 2015: 365, 366, fig. 2: *1*; 368—370; 371, figs. 5: *16*; 6; 373, list 1; 2017: 185, 187, fig. 4: *3*; 199—200; Blečić Kavur, Kavur 2017: 102—105; Horváth 2017: 54, 55, fig. 3: *2—3*; 2019: 109, 110, pls. II: *3*, IV: *7*, VI: *8*).

Чрезвычайно редки они в эллинистический период в Италии, где они практически неизвестны с последней четверти IV в. до н.э. (Strong 1966: 24—25; Causey 2011: 72; Montanaro 2015b: 191)[1], хотя в кельтско-этрусских некрополях второй половины IV — начала III в. до н.э. в районе Болоньи янтарные бусы, в основном дисковидной формы и округлые, поперечно-сжатые, были довольно распространены (Cat. Bologna 2010: 130—134, nos. 5—11; 214, no. 1).

Редки были украшения из янтаря в этот период и в Восточном Средиземноморье. Подвеска в форме астрагала из янтаря, обтянутая серебряной проволокой, образующей петлю, с двух сторон обрамленную спиральной обмоткой проволоки, — элемент ожерелья из подвесок, происходит из трупосожжения начала IV в. до н.э. S-D на о. Фазос (Sgourou, Agelarakis 2001: 343, 344, fig. 29; 345, fig. 31; 355, no. 55a; см. также Dasen 2015: 196: здесь астрагал ошибочно обозначен как золотой). Три украшения в форме астрагалов из янтаря происходят также из Артемисиона на Фазосе — их точная датировка не известна, в целом они относятся к материалам, датирующимся от архаического до позднеэллинистического времени (Prêtre 2016: 69, nos. 427—429, pl. II). Интересно, что подвеска из янтаря в форме астрагала с отверстием в центре была найдена и в датирующемся второй половиной I — первой половиной II в. н.э. погребении в катакомбе К27/1976 некрополя Нимфея (Грач 1999: 172, № 9, табл. 178: *12*).

Головки негров, лицо которых вырезано из граната или янтаря, украшали серьги, получившие особенно широкое распространение на севере Балканского полуострова и в Италии, главным образом, с конца III до середины II в. до н.э., хотя наиболее ранние образцы, относящиеся к середине III в. до н.э., происходят из Македонии и Иллирии. При этом прослеживается довольно четкая закономерность — серьги с головками, вырезанными

[1] См. в частности, янтарные подвески из гробниц № 28 и 51 певкетского некрополя в Гравина в Апулии, которые надежно датируются, соответственно ок. 380—370 гг. до н.э. (Lojacono 2019: 184—194, fig. 5) и началом IV в. до н.э. (Pulinetti 2019: 195—203, fig. 5: слева).

из янтаря, происходят из Центральной Италии и Иллирии (Pfrommer 1990: 185—187, Abb. 36 (карта распространения); 387—389; ср. Themelis 1994: 154—155, pl. 88; Causey 2011: 72). О том, что в раннеэллинистическую эпоху изделия из янтаря все еще, пусть и редко, использовались в Италии, свидетельствует дисковидная янтарная бусина из датирующегося началом III в. до н.э. клада на поселении Поджио Кола в районе Флоренции (Castor 2009: 257, no. 10, fig. 12). Бусина из янтаря была найдена и в погребении второй половины II в. до н.э. некрополя Адрии (Mangani 1982: 55, fig. 41g; 86, no. 10; Cool 2016: 42).

Вероятнее всего, по крайней мере, до середины I в. н.э. янтарный путь в Центральной Европе контролировался кельтами, начиная после их возвращения с Балканского полуострова в 279 г. до н.э. (Oculicz-Kozaryn, Nowakowski 1996: 161; Cat. Belgrade 2006: 68; Rudnicki 2009: 292; Bochnak 2010: 391, 394—395; 2015: 361—363; Łuczkiewicz 2012: 112; Bochnak, Harasim 2012: 79; Harasim 2013: 28—29; Maciałowicz et al. 2016: 141, 153—154; Quast 2017: 66; Karwowski 2018: 269—270). Довольно значительное количество бус из янтаря, а также кусков необработанного янтаря было найдено в позднелатенских некрополях и оппидумах (Wielowiejski 1996: 47—56; Waldhauser 1996: 81, 85, Abb. 3: *17—29*; 91, Nr. 25, 27; Bozic 1998: 141—156, особенно 151—152, list 4, Abb. 18 (карта)) в Центральное Европе, в частности, в Старе Градишко в Моравии (Čižmárová 1996: 173—182) и Страдонице в Богемии (Rybová, Drda 1994: 48, 100, fig. 35: *5—9*; 109, 114; Drda, Rybová 1995: 603—605, fig. 7; Waldhauser 1996: 81, 85, Abb. 3: *19—29*; 91, Nr. 25), а также в Манхинге в Баварии (Lorenz 2004: 72; Nüsse 2011: 236—237; Sievers 2013: 170), Тительберге в Люксембурге (Metzler, Gaeng 2009: 230). Янтарные бусы в количестве 103 экз. и 25 фрагм., в основном цилиндрической формы, входили и в состав клада, найденного в Жидоваре в Сербии и датируемого первой половиной I в. до н.э. (Jevtić et al. 2006: 17, fig. 13; 59, figs. 57—62; 92—93, 127—134; Cat. Belgrade 2006: 62—63, fig. 33). В Иллирии количество янтарных украшений, редких в раннелатенское время, значительно увеличивается именно в III—I вв. до н.э. (Oculicz-Kozaryn, Nowakowski 1996: 158—161, figs. 1—2).

С I в. н.э. янтарь получает широкое распространение в Римской империи, будучи чрезвычайно дорогим материалом, о чем пишет Плиний Старший, сравнивая стоимость фигурки из янтаря со стоимостью раба («Taxatio in deliciis tanta ut hominis quamvis parva effigies vivorum hominum vegentium que pretia ex superet, prosus ut castigation una non sit satis») (Pliny. Nat. Hist. XXXVII, 12). Он также сообщает (Pliny. Nat. Hist. XXXVII, XI, 45—51) об экспедиции, предпринятой при правлении Нерона, за янтарем, которой руководил всадник Юлиан (Kolendo 1981: 13—29, 59—74; Cat. Belgrade 2006: 69; Quast 2017: 59). Есть основания считать, что янтарь перевозился как сырье, обрабатывающееся непосредственно потребителями (Quast 2017: 63—65). В середине столетия массовый выпуск украшений из янтаря начали мастерские в Аквилее (Strong 1966: 33—35; Gagetti 2000: 194—250; 2001: 191—485; Calvi 2005; Cat. Belgrade 2006: 70—77; Cat. Napoli 2007: 254—267; Buora 2014: 56—63: Koster 2014: 65—71). Можно предполагать, что пути поступления янтаря меняются после Маркоманнских войн и с конца II в. н.э. основным центром изготовления изделий из янтаря в Империи становится совр. Кельн (La Baume 1968: 108—114; Nüsse 2011: 238; Buora 2014: 63; Koster 2014: 66; Quast 2017: 66—67).

Далеко не всегда естественно-научные исследования материала однозначно указывают на балтийское происхождения янтаря, в том числе потому, что месторождения сукцинита, пусть и более низкого качества известны на Украине — в частности, высказывались различные точки зрения о происхождении материала бус из Гордеевки (Berezanskaja, Kločko 1998: 13—14). Исследования также показали, что, по крайней мере, некоторые изделия из янтаря из энеолитического некрополя в районе Тарента в Южной Италии из толоса

позднеэлладского периода в Пелопоннесе — сицилийского происхождения (Beck, Hartnett 1993: 36—43; Naso 2013: 259); при этом начиная с эпохи поздней бронзы и на Сицилии преобладали бусы из балтийского янтаря (Cultraro 2007: 386—388).

Если распределение янтаря в эпоху бронзы, в раннем железном веке и в императорское время в Европе относительно хорошо исследовано, то значительно больше белых пятен в истории поступления и обработки янтаря на территории Евразии. И здесь мы имеем лучшее представление о формах и распространении янтарных бус, начиная с позднеантичного времени. Наша же задача — дать обзор находок янтарных предметов и элементов декора в украшениях, предметах одежды и оружии кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. Для этого представляется необходимым кроме находок из погребений Азиатской Сарматии рассмотреть распространение янтаря и изделий из него на Ближнем Востоке и в Центральной Азии в ахеменидскую и парфянскую эпохи, в некрополях античных городов и поселений Северного и Восточного Причерноморья, в скифских памятниках Северного Причерноморья и Кавказа, а также в памятниках хунну в Сибири и Монголии, и в Китае.

1. Ближний Восток и Центральная Азия в ахеменидскую и парфянскую эпохи

В некрополе ахеменидского времени (ок. 450—370 гг. до н.э.) Камид-эль-Лоз в Ливане янтарные бусы известны, но чрезвычайно редки и представлены экземпляром удлиненно-биконической формы из погребения 72 (Poppa 1978: 65, 119, Nr. 7, Taf. 21, 72: *1*). Бусина округлой формы, предположительно из местного янтаря плохого качества происходит из погребения 76 (Poppa 1978: 122, Nr. 5c, Taf. 23, 76: *56*). А в Навкратисе ожерелье, состоящее из 53 стеклянных, янтарных и каменных бус, датируется периодом от 50 г. до н.э. до 337 г. н.э.: все 22 янтарные бусины представлены экземплярами нерегулярных форм (Thomas, Acosta 2018: 22—23, fig. 51). Появление здесь янтаря связывают с римской экспансией и торговлей балтийским янтарем (Thomas, Acosta 2018: 29). Впрочем, до позднеантичного периода, янтарные бусы в Египте и Мерое практически не известны (Then-Obłuska, Pleşa 2019: 52, 55).

Среди разнообразных материалов, найденных в сокровищнице Персеполя, была обнаружена дисковидная бусина из янтаря (Schmidt 1939: 73; 1957: 76, 77, tab. III, pl. 43: *41*), а при раскопках Ападаны непосредственно под каменным ящиком, в котором хранились золотые и серебряная закладные таблички Дария, вместе с четырьмя золотыми статерами Креза и двумя греческими серебряными монетами (Эгины и Абдеры) были найдены куски янтаря (Krefter 1971: 53; Henkelman 2012: 944), предполагающие местное производство из привозного сырья уже в конце VI в. до н.э. Кроме того, на эламской табличке V в. до н.э. из раскопок в районе крепостной стены Персеполя написано имя производное от персидского обозначения янтаря (Gersevich 1969: 201; см. также Бубнова, Половникова 2001: 127).

Украшения из янтаря, в том числе бусы, амулет, и такие уникальные предметы, как две броши в форме щитов пельтовидной формы, фигурки собаки и Теллесфора в плаще, были найдены в саркофаге в аристократической гробнице в Кочакизларе в районе Эскишехира в Малой Азии, датирующейся в рамках I в. до н.э. — начала I в. н.э. (Atasoy 1974: 261, 263, nos. 25—29, pl 52: *8—10*; Shedrinsky, Lightfoot 2012: 452; Rice 2016: 439; Demirer 2019: 58).

Бусы из янтаря чрезвычайно редки в некрополе Дура-Эвропос — все девять экземпляров происходят из одного погребения (Tomb VI. Loc IV) и относятся к одному типу — крупные уплощенные бусы неправильной формы (Toll 1946: 31, nos. 29—36; 128; Baird 2016: 45. Yale,

1938.5211, 5224)[2]. В Селевкии янтарные бусы были найдены в датирующемся в рамках середины I — начала II в. н.э. склепе № 131 (Yeivin 1933: 51, 52, pl. XIX: *4*; Musche 1988: 125, Nr. 2.2.13, Taf. XXVI)[3]. В Таксиле были найдены девять янтарных бусин, в том числе две — в слое эпохи Маурьев, и семь — в сако-парфянском слое (Marshall 1951: 740). Особое внимание привлекает использование янтаря для инкрустации золотых браслетов, найденных в кладе в помещении D, датирующемся ок. 19—70 гг. н.э. (Marshall 1951: 634, nos. 137—138, pl. 196; Seyrig 1952: 232, fig. 12; Musche 1988: 210, тип 8.1.1; 212—213, Taf. LXXV). Дж. Маршалл предполагал, что янтарь бус и инкрустаций из Таксилы — балтийский (Marshall 1951: 740). Исследование янтарных бус и подвесок из пещер в Вешнавех в Иране, где были найдены 62 бусины и три подвески, значительная часть которых может быть отнесена к парфянскому периоду, показало, что они изготовлены из балтийского янтаря (Bagherpour Kashani 2011: 19, 133—139, 160—162, 223—227, 243—244, pls. 20, 21, 26; Bagherpour Kashani et al. 2011: 71—77).

По мнению К. Рапэна, янтарь мог поступать на территорию Индостана и далее в Центральную Азию, тем же путем, что и коралл, через порты Индии (Rapin 1992: 181; 1996: 37).

Среди ювелирных изделий из царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане встречены украшения из янтаря и со вставками из янтаря (Calligaro 2010: 278—279): перстень — из гробницы II (Sarianidi 1985: 231, no. 2.3; Kat. Bonn 2010: 167, Nr. 57), пронизи браслета — из гробницы V (Sarianidi 1985: 160—161, ills. 102—103; 252, no. 5.1; Kat. Bonn 2010: 212—213, Nr. 127). Особый же интерес вызывает подвеска в форме фигурки льва из гробницы V (Sarianidi 1985: 131, ill. 76; 253, no. 5.7; Kat. Bonn 2010: 215, Nr. 131; Rapin 1996: 18, note 29). Фигурные подвески из янтаря, в том числе с изображением львов и львиных голов, получили широкое распространение в Этрурии в VI—V вв. до н.э. (см., например, Causey 2011: 214—217, no. 31 с аналогиями). На их фоне, однако, подвеска из Тилля-тепе отличается схематизмом и условностью изображения. Ее можно было бы сопоставить по иконографии и стилю изображения с фигурками львов, вырезанных из сердолика, аметиста и лазурита, найденных в кладе в Пасаргадах (Stronach 1978: 169—170, nos. 7—9; 177, pl. 152: *c—d*), или скорее, с фигурками львов — амулетами из Таксилы, вырезанными из сердолика, кварца, граната и лазурита (Beck 1941: 17—18, pls. I: *9*; VII: *3—8*; Deo 2000: 84, fig. 16: *115—118*), подвесками из разных материалов из других памятников Индостана (Deo 2000: 84—85; Yotsna 2000: 44—45, fig. 1: *27—28*), сердоликовой фигуркой — из Афганистана (Rienjang et al. 2017: 53, 54, fig. 22: *3*), а также с бронзовыми подвесками-амулетами, предположительно индийского происхождения, из погребений конца I в. до н.э. — начала II в. н.э. некрополя первых веков н.э. в Эд-Дур в ОАЭ (de Waele 2007: 298, fig. 1: *9—12*; 304). Хотя янтарь как материал для изготовления бус в Индии и редко использовался (Deo 2000: 32; Yotsna 2000: 105), тем не менее, приведенные аналогии достаточно убедительно свидетельствуют в пользу возможности изготовления янтарной подвески из Тилля-тепе в Индии. Т. Каллигаро отмечает присутствие в составе янтаря из Тилля-тепе серы и поташа, но ответа на вопрос о происхождении материала не дает (Calligaro 2010: 279).

Намечая пути распространения янтаря в Центральной Азии, М.А. Бубнова и И.А. Половникова указывали на его появление в середине I тыс. до н.э. и особенно широкое распространение в первые века нашей эры в памятниках Джетыасарской культуры в Приаралье, предполагая, что оттуда янтарь, следуя вдоль Сыр-Дарьи, попадал на восток в Ферганскую долину и далее распространялся на Восток вплоть до Китая (Бубнова,

[2] Кроме того — Tomb 40. Loc. VI, 1938.5192.18—21. В списке находок, см. Toll 1946: 77—78, — их нет.
[3] Ошибочно отнесены ко II—I вв. до н.э. (Bagherpour Kashani et al. 2011: 71).

Половникова 2001: 125). Эта схематично намеченная картина, лишенная каких-либо хронологических реперов, оставляет очень много вопросов, одним из которых является происхождение материала янтарных бус из мавзолея № 4 в Северном Тагизкене эпохи поздней бронзы, датированного X—VIII вв. до н.э. (Итина 1998: 164—167, рис. 1: *6—7*). М.А. Итина связывает эти дисковидные бусы с янтарем, открытым в лигнитах олигоцена и современных пляжных отложения Западного и Северо-Западного Приаралья, при этом известно, что приаральский янтарь сходен по составу с сукцинитом, что, по мнению исследовательницы, ставит под вопрос определение материала этих бус предположительно как балтийского янтаря, сделанного М.А. Бубновой и И.А. Половниковой (Бубнова, Половникова 2001: 127, 128, № 1).

Насколько мне известно, древнейшими находками являются предположительно янтарная бусина из городища Калалы Гыр 2, датирующаяся в рамках IV—II вв. до н.э. (Калалы Гыр 2, 2004: 163) и бусы, найденные в погребениях Чирикрабатской культуры, мавзолее Бабиш-Мулла 2 (Толстов 1962: 166, рис. 94: вверху в центре; Вайнберг, Левина 1992: 59; 1993: 87; Байпаков, Таймагамбетов 2006: 179) в Восточном Приаралье. Значительно шире представлены бусы из янтаря в памятниках джетыасарской культуры первых веков н.э.; они составляли 8,2% всех бус из могильников (Левина, Довгалюк 1995: 205, 213, табл. I, рис. 1: *1—6. 45—63*; Левина 1996: 117—118, 218, 224, 340, рис. 145: *1—6. 45—63*; 342, рис. 147: *9*; Байпаков, Таймагамбетов 2006: 202). Исследованные бусы из городища Джеты-Асар 2 и могильника Джеты-Асар 12 изготовлены из сукцинита (Бубнова, Половникова 2001: 128, № 3—4). Небольшая янтарная бусина «чечевицеобразной формы» найдена на городище Топрак-кала (Трудновская 1952: 124, табл. II: *4*).

В Бишкентской долине Таджикистана янтарные бусы были найдены в погребениях Тулхарского и Аруктаусского могильника. В Тулхарском могильнике последней трети II—I вв. до н.э. было найдено 11 бус, девять из которых относятся к эллипсоидно-призматическому типа, одна — плоская ромбическая и еще одна — плоская квадратная (Мандельштам 1966: 129, № 12, табл. 7; LXI: *13*; Бубнова, Половникова 2001: 132, № 24). Шесть бус эллипсоидно-призматического типа были найдены в Арактаусском могильнике, датирующемся в рамках последней трети II в. до н.э. — II—III вв. н.э. (Мандельштам 1975: 52, № 6, табл. 6; Бубнова, Половникова 2001: 132, № 23).

Из бус, найденных в Арактаусском могильнике, два — образцы «типичного сукцинита», по химико-структурному облику сходны с ископаемой смолой типа моравского волховита и смолами из нижнемеловых отложений на территории Болгарии. Еще один образец — «спектр небалтийского происхождения, или материал взят из корковой части балтийского янтаря» (Бубнова, Половникова 2001: 132, № 23).

На поселении Ак-Тепе II в Кобадиане в комплексе позднекушанского времени (погребальная яма № 2) было найдено ожерелье из 78 бусин из янтаря и раковины, в том числе крупная янтарная прямоугольная бусины сегментовидного сечения, и несколько янтарных подвесок (Седов 1987: 46, 73—74, табл. XI: *7*). Янтарные бусы округлой поперечно-сжатой и дисковидной формы представлены находками из могильников и поселений Южного Казахстана, Ферганы и Притяньшанья первых веков н.э.[4] и III—VII вв. н.э.[5]

[4] См. в целом: Ягодин, Ходжайов 1970: 107. — Культобе, восточная группа, катакомба № 1: Подушкин 2018: 71—72, рис. 8: *8* (вставка в железный перстень); катакомба № 9: Подушкин 2018: 76, рис. 11: *15* (амулет); катакомба № 18: Подушкин 2014: 122, 123, 127, рис. 6: *5* (вставка в бронзовый перстень). Цитадель Культобе: подвеска в золотых торцевых обоймах: Смагулов, Ержигитова 2019: 15, рис. 14: *3*. — Могильник Хангиз I: Горбунова 1990: 192—194, рис. 9: *36*; 10: *18, 20*.

[5] Коныртобе I—II: Смагулов 2001: 92, 96, 98; Байпаков и др. 2005: 55—56, фото 1.17. — Могильник Красная речка в Чуйской долине: Торгоев, Кольченко 2017: 169, 170, ил. 4: *24—25*.

2. Северное и Восточное Причерноморье

По наблюдениям Е.М. Алексеевой, до рубежа н.э. янтарные бусы поступали в Северное Причерноморье в ограниченном количестве, хотя они и известны, начиная со второй половины VI — V в. до н.э. Такие бусы единичны в IV—I вв. до н.э., а основное количество бус происходит из комплексов I—II вв. н.э., несколько сокращаясь в позднеантичную эпоху, когда, напротив, получают широкое распространение янтарные грибовидные подвески (Алексеева 1978: 22—23, рис. 9, табл. 23—25).

Положение о распространении янтарных бус во второй половине VI — в первой половине V в. до н.э. основано лишь на одной находке маленькой янтарной реберчатой бусины в комплексе ольвийского некрополя — могиле № 29/1909 (Алексеева 1978: 24, тип 18, табл. 25: *24*; Скуднова 1988: 47, № 37.2) третьей четверти VI в. до н.э. Таким образом, предположение о том, что один из путей распространения янтаря в Восточное Средиземноморье в архаическую эпоху был путь через Северное Причерноморье, откуда янтарь мог попадать в Милет (Naso 2007: 32; Baughan 2013: 77, note 363), представляется мне необоснованным.

Отметим, что в Восточном Причерноморье в V в. до н.э. янтарные бусы были распространены шире, о чем свидетельствуют их находки в погребениях второй четверти — середины этого столетия некрополя Пичвнари (шесть бусин прямоугольной формы (Turmanidze 2005: 284—285, pl. II: *1*; Kakhidze 2007: 223, figs. 16: *8*; 31: *10*), а также довольно многочисленные бусы в форме призм, бочонковидные и две крупные, уплощенные, в форме трапеций[6] и погребения № 11/1969 в Вани (две бусины: сферическая и уплощенная в форме трапеции с выпуклыми боковыми сторонами) (Гиголашвили 1983: 98—99, 151, № 449—450, табл. 48). Кроме того, янтарные бусы найдены в Вани в двух погребениях середины — третьей четверти IV в. до н.э. (№ 22/2003 (Kacharava, Kvirkvelia 2009: 248, 251, 256)[7] и 24/2004 (Kacharava 2005: 296—297; Kacharava, Kvirkvelia 2009: 248, 251, 256, 273, 285, 286, 288)[8]) (рис. 1), а инкрустации из плоских пластин янтаря в форме кружков и половинок кружков были найдены в погребении начала III в. до н.э. № 16 (Качарава, Мжаванадзе 1986: 21, № 69, рис. 14: *10*). Особенно многочисленны янтарные бусы из погребения № 24/2004, где было найдено 318 уплощенных и полигональных экземпляров и 274 «малые» бусины (Kacharava 2005: 297).

Для конца IV — начала III в. до н.э., когда янтарных бус в Скифии нет, они зафиксированы по находкам из богатых захоронений на Боспоре: датируемой концом IV в. до н.э. (Полин 2014: 609) плитовой могилы «В» Зеленского кургана (Шкорпил 1916: 25—26; Алексеева 1978: 24, тип 7 (16 экз.); Власова 2010: 246) и погребения некрополя Пантикапея (земляная гробница № 25/1907 на горе Митридат (Шкорпил 1910: 18; Алексеева 1978: 23—25, типы 1—2, 5, 33, 37)) конца IV — начала III в. до н.э.[9] В погребении на г. Митридат были найдены не только три янтарные бусины, но и две подвески: в форме лапы грифона и

[6] См.: commons.wikimedia.org: 1.

[7] О датировке погребения № 22, см. Трейстер 2012а: 48 (ок. середины IV в. до н.э.); Kacharava, Kvirkvelia 2008: 206 (ок. 330 г. до н.э.); Kacharava, Kvirkvelia 2009: 262; Sens 2009: 182 (вторая половина IV в. до н.э.).

[8] О датировке погребения № 24, см. Kacharava 2005: 303; Kacharava, Kvirkvelia 2009: 305 (третья четверть IV в. до н.э.). С учетом того, что в погребении была найдена серебряная монет Пантикапея 340—330-х гг. до н.э., погребения может быть и несколько более поздним, например, 330—320-хх гг. до н.э.

[9] См. о датировке Treister 2010: 254, no. 8. По мнению Е.М. Алексеевой, комплекс датируется второй половиной IV — III вв. до н.э. (Алексеева 1975: 76; 1978: 79, П 200).

возлежащего человека (с утраченной головой), по определению В.В. Шкорпила (Шкорпил 1910: 18; Алексеева 1978: 25, тип 33, 37, табл. 25: *7—8*)[10].

Большая округлая янтарная бусина в золотой оплетке была найдена в плитовой гробнице III в. до н.э. в Среднем кургане № 1 на Васюриной горе (Таманский полуостров) (рис. 2: *2*) (Власова 2004: 168, 170, рис. 33; 2010: 240, 243, рис. 105). Форма оплетки бусины находит параллели в украшениях из Македонии, Малой Азии и Северного Причерноморья III—II вв. до н.э. (см. подробнее наш анализ: Sevinç, Treister 2003: 238). Одна янтарная бусина была найдена в каменном ящике № 1/1964 западного некрополя Фанагории (вторая половина III — II в. до н.э.) (Алексеева 1978: 24, тип 5). Обращает на себя внимание и тот факт, что янтарь в виде круглых выпуклых вставок использовался в украшении боспорских деревянных саркофагов этого времени, в частности, саркофага из гробницы № 3 кургана № 2/1967 Трехбратних курганов (рис. 2: *3—6*) (Лоренц, Трейстер 2008: 43—44, № 84, табл. 121: *6*). Использования янтаря в качестве вставок в мебель зафиксировано в Греции еще в архаическую эпоху, особенно клине типа B, по классификации Э. Боуген (Baughan 2013: 30, 38, 49, 61—65, 77) — деревянное ложе, украшенное слоновой костью и вставками янтаря, происходит из погребения третьей четверти VI в. до н.э. на Афинском Керамике (Knigge 1976: 60—83, 84—85, Nr. 3, Taf. 18: *1*; 101—111; Fischer 1990: 115—116, Beil. 1: слева; Ignatiadou 2007: 477; Naso 2007: 16—17).

Значительно больше комплексов с янтарными бусами, датирующихся II—I вв. до н.э. В погребении 261/1969 некрополя Танаиса II в. до н.э. было найдено 8 округлых и полуцилиндрических янтарных бусин (Алексеева 1978: 24, типы 5, 7; Арсеньева 1977: 80, 138, табл. XLIV: *1*) (янтарные бусы встречены и в других погребениях некрополя Танаиса эллинистического времени (Глебов и др. 2005: 64)), одна бусина — в погребении № 259/1965 некрополя Фанагории II в. до н.э. (Алексеева 1978: 24, тип 7), серия бус — в склепе II в. до н.э. некрополя Виноградный-7 на Таманском полуострове (Лимберис, Марченко 2010: 156, рис. 2: *9*; 8: *2*). Обращает на себя внимание золотая подвеска с овальной вставкой из янтаря, происходящая из разрушенной гробницы с парным погребением у д. Мерджаны в районе ст. Благовещенской (рис. 2: *1*) (Ростовцев 1913: 138, табл. XII: *1*; Ebert 1929: 82, Taf. 29b: *1*; Виноградов 1998: 63, рис. 1: *4*; Трейстер 2007a: 71; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123, № B23.4, табл. 54) — есть все основания для датировки этого погребения в рамках середины — второй половины II в. до н.э. (Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 123, № B23). Из округлых янтарных бус изготовлены элементы наконечников с головками ланей ожерелья из гранатовых бус в золотых оправах из гробницы I Артюховского кургана (Максимова 1979: 28, (рис.), 57, № 4, прим. 160: здесь как головки бычков, материал янтарь как элемент окончаний не указан; Pfrommer 1990: 89—90; 92; 262; 321 TK 10; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 7, № A6.9; Калашник 2014: 252—253). В погребении позднеэллинистического времени некрополя Горгиппии был найден серебряный перстень с янтарной вставкой в форме фигурки льва (Алексеева 2010: 367). Из погребения могильника Куру-Баш на окраине Феодосии, датирующегося II—I вв. до н.э., происходят янтарные продольно-сжатые овальные пронизи и пронизи неправильной формы (Гаврилов, Труфанов 2012: 46, 52, 59, 66, рис. 3: *1д*; 5: *4и—л*; 10: 6з).

Разнообразные янтарные бусы были найдены в датируемой II—I вв. до н.э. могиле № 1/1968 некрополя Беляус (Алексеева 1978: 25, тип 25; Дашевская 2014: 13, табл. 6: *13—14*). В последние десятилетия появилось больше информации об относительно широком распространении украшений из янтаря во II—I вв. до н.э., в частности, в элитных варварских

[10] По мнению Е.М. Алексеевой (1978: 25, тип 33, табл. 25: *7*), это стилизованная головка животного, возможно, лошади) и когтистая лапа хищника (1978: 25, тип 37, табл. 25: *8*).

погребениях Крыма и Кубани. Так, довольно много разнообразных бус и подвесок из янтаря происходит из погребений указанного времени Тенгинского могильника в Закубанье (Беглова 2005: 169, рис. 6: *1. 10. 41—52*; Beglova 2005: 67, fig. 13: *27—29*; 75; Беглова, Эрлих 2018: 166, рис. 192: *17—28*). Янтарные бусы различных форм входили также в состав ожерелья погребенной в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 67—68, рис. 4: *22*; 73—75, рис. 8: *28—29. 31—32. 39—41*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 201—202, fig. 4: *22*; 212—214, fig. 8: *28—29. 31—32. 39—41*).

Публикации последних лет материалов некрополей Херсонеса и его округи[11], европейского (Грач 1999: 41, № 5, табл. 18: *4*; 130, № 16, табл. 161: *1*; Хршановский 2010: 255; Винокуров 2014: 25, 28, 31, 37, 40, 47, 48, 55, 73, 81, 86, 103, 104, рис. 60: *3*; 71: *17*; 175: *15*; 213: *8*; 373: *2*; Федосеев, Пономарев 2017: 91, 93, рис. 8—9; 13: *4—6*) и азиатского (Довгалюк 2008: 206, рис. 117: *33—42*; 2011: 323, рис. 241: *1—26*; Ворошилов, Ворошилова 2015: 53, № 47; 56, № 52; 68, № 70) Боспора, Танаиса (Арсеньева и др. 2001: 112, № 153т; табл. 26: *364—365*; 130—131, № 261.1в, 2л; 218, табл. 47: *579—584, 586*), могильников варварского населения Крыма (Столярова 2001: 204—205, рис. 2: *26—36*; Храпунов 2008: 23, тип 52, рис. 17: *18*; Храпунов и др. 2009: 26, тип 99, рис. 27: *11*; 34: *16;* Стоянова 2012: 82, типы 131—132; Труфанов 2014: 189, рис. 12: *3б*; 2016: 55, рис. 3: *2е. 10*; цв. вклейка 1: *11*; 2018: 133, рис. 6: *10л—м*; 134—135, рис. 7: *31—37. 66*; цв. вклейка 2: *3. 11. 15*; Труфанов и др. 2019: 266, рис. 3: *9*; Пуздровский 2015: 188, рис. 1: *5*; 4: *6*; 189, рис. 2: *5*; 4: *12*; Гущина, Журавлев 2016: табл. 5: *22*; 12: *11*; 18: *15—21*; 27: *9*; 32: *10—13* и т.д.; Храпунов, Стоянова 2016: 204—205, рис. 12: *1—2. 21. 24—26*; 13: *16*; 14: *10*; Иштванович и др. 2020: 29, табл. 9; 34; Храпунов 2020: 255, рис. 7: *6—26*; 10: *3*; Храпунов, Стоянова 2020: 93, 100, № 83—84, рис. 23: *42*; 24: *5*) и меотских могильников Нижнего Дона (Косяненко 2008: 152, рис. 43, *1*; 49, *2*; 79: *15—16*; Горбенко, Косяненко 2011: 101, рис. 36: *4*; 152: *3*; 181: *5*; Ларенок 2018: 439, рис. 3: *8*; 7: *14*; 9: *4*; Гугуев, Ничипорук 2020: 190, № 4, рис. 7: *6*), некрополей Кавказской Иберии (Lekishvili 2005: 142—147) и Албании (Гаджиев 1997: 12) в целом подтверждают уже отмеченные закономерности распространения бус в первых веках н.э. Широкое распространение получает янтарь в черняховской культуре (Гопкало 2008: 66—72, № 2.2.6, табл. VIII).

Лишь начиная с III в. н.э. украшения из янтаря, в частности, так наз. грибовидные подвески, получают широкое распространение на обширной территории от Британии до Кавказа, Поволжья и Прикамья (Tempelmann-Mączyńska 1985: 81—86, Taf. 18, 70; Мастыкова 1999: 173—175; 2016: 174—176; Быкова, Казанцева 2012: 94—100; Медведев 2013: 357, 358, № 4; 359, рис. 19: *14—16*; Пьянков, Анфимов 2014: 87, 87—98, рис. 2: *6—15*; Przybyła, Rydzewska 2019: 166, fig. 9A (карта распространения); Храпунов 2020: 255, 256, рис. 7: *27*; 14: *6*)[12]. По мнению А.В. Мастыковой, ранние крымские образцы могут происходить из мастерских по обработке янтаря в Аквилее, на северном побережье Адриатики, активно работавших до второй половины II в. н. э. Из этого же центра прототипы грибовидных подвесок по трассе Янтарного пути распространились и в Центральноевропейском Барбарикуме (Мастыкова 2016: 181—184).

[11] Здесь процент янтарных бус очень высок. В могильнике «Совхоз-10» — 9,04% из учтенных 7400 бус. Высотская, Рыжова 1998: 127, рис. 1: *38—47*. В могильнике Фронтовое 3 они находятся на втором месте по количеству после стеклянных: Язиков и др. 2019: 281, 289, рис. 7; Гавритухин и др. 2020: 94, рис. 2: *9. 30—41. 44*; 98.

[12] О распространении янтарных бус и грибовидных подвесок в позднеантичную эпоху в Северном Причерноморье, на Северном Кавказе и на Ближнем Востоке см. также Eger, Khalil 2013: 164—166.

3. Янтарные бусы у кочевников Евразии

3.1. Скифия

Украшения из янтаря широко представлены в памятниках раннескифской культуры, датируемых серединой VII — первой половиной VI в. до н.э., как в Приднепровской лесостепи (главным образом, на Правобережье) (Cat. San Antonio 1999: 170, 172, no. 58; Петренко 2006: 94—95; Klochko 2009: 418—428, figs. 1—8; Дараган 2011: 610, 611, 615; Бидзиля, Полин 2012: 469—470; Shramko, Zadnikov 2016: 44, fig. 4: *2*; Шрамко 2017: 373, рис. 6: *1—2*), так и на Северном Кавказе (Петренко 2006: 93—95, табл. 57; Васильева 2010: 25—34), в Центральном Предкавказье (Прокопенко 2014: ч. 2, 221), а также в памятниках кобанской культуры (Васильева 2009: 35—39) и раннемеотской культуры Прикубанья (Лимберис, Марченко 2012: 70, рис. 42: *5*; 44: *10*)[13]. Широко распространены янтарные бусы были в могильниках раннего железного века Западной Грузии (Turmanidze 2005: 284—285 с лит.; Kachavara, Kvirkvelia 2009: 287—288; Lordkipanidze 2015, 176—177, figs. 186—189) и Абхазии (Трапш 1969: 75; Скаков и др. 2018: 77, № 12; 78, рис. 1: *15*; 93).

Для раннескифского времени самой восточной находкой бус и подвесок из балтийского янтаря (Shedrinsky et al. 2004: 69—81), в том числе изготовленных на месте из привозного сырья, являются находки из погребений кургана Аржан-2 в Туве (Чугунов 2010: 48—53, рис. 12—14; Čugunov et al. 2010: 55, Nr. 5-54-6a, Taf. 39: *3*; 57: *15—16*; 72: *6*; 56, Nr. 5-56-2, Taf. 58: *12—14*; 56, Nr. 5-57-2, Taf. 73: *6*; 63, Nr. 5-78-1-3, Taf. 63: *3—5*; 83: *2*; 61, Nr. 5-70-2-4, Taf. 64: *4—6*; 77: *3*; 68, Nr. 5-100; Taf. 83: *3*; Cat. London 2017, 140, no. 72). Крупные янтарные бусины были найдены и в других могильниках раннескифского времени в Туве (Чугунов 2011: 367).

В скифских степных погребениях янтарные бусы в незначительном количестве появляются лишь на рубеже V—IV вв. до н.э. (Петренко 2006: 94). Известны редкие находки янтарных бус в погребениях V в. до н.э. в Центральном Предкавказье (Прокопенко 2014: ч. 1, 104; ч. 2, рис. 7: *32*; 15: *15*; 29: *7*) и Закубанье (Ульские курганы 2015: 142, № 77, табл. 5: курган № 1/1909). Отсутствие украшений из янтаря в греческих северо-причерноморских памятниках показывает, что есть все основания связывать распространение янтарных украшений в Приднепровье и на Северном Кавказе с появлением на этих территориях носителей скифской археологической культуры. Материалы памятников Приднепровья и Предкавказья демонстрируют существование единой традиции использования янтаря для изготовления бус, широко представленных в этих памятниках (Петренко 2006: 94—95; Рябкова 2010: 35, 36—37, рис. 8 — карта распространения).

Обращает на себя внимание факт практически полного отсутствия украшений с янтарем в скифских степных погребениях V—IV в. до н.э. (Klochko 2009: 427—428, 431). Исключение составляет лишь фрагментированный янтарный скарабеоид на золотой дужке из кургана Малый Чертомлык (Мозолевский 1987: 71—72, № 8, рис. 6: *13*; Klochko 2009: 432, 434, fig. 12), погребения, которое надежно датируется в пределах третьей четверти V в. до н.э. (Полин 2014: 201—202, № 2.4.6) и инкрустированная круглой янтарной вставкой золотая фиала с изображением конских голов из Братолюбовского кургана (Schiltz 1994: 69—70, figs. 41—42; Cat. Rimini 1995: 68, no. I.33; Cat. San Antonio 1999: 272—274, no. 134; Кубышев и др. 2009: 76—81, рис. 12, фото 18—22; Klochko 2009: 432, 433, fig. 11), погребение в котором, вероятнее всего, датируется первой четвертью IV в. до н.э. (Полин 2014: 279, № 2.5.15). Из

[13] По своей форме эти подвески находят параллели среди распространенных в VI — начале V в. до н.э. на Центральных Балканах, см. Cat. Belgrade 2006: 218—239, nos. 251—318.

всего этого следует, что не позднее, чем на рубеже V—IV вв. до н.э. поступление янтаря в Скифию заканчивается. По мнению В.Г. Петренко, резкое сокращение притока янтаря датируется еще началом V в. до н.э., что связывается с нарушением торговых контактов (Петренко 2006: 95; Klochko 2009: 432), а именно, торгового пути из Прибалтики через Приднепровье в Северное Причерноморье и далее на Кавказ и в Закавказье (Рябкова 2010: 40).

Янтарные бусы встречаются редко в комплексах конца IV — III в. до н.э. (Прокопенко 2014, т. 1, 126—127, т. 2, рис. 36: *15*) и последних веков до н.э. (Керефов 1985: 206, рис. 5: *22*. *32*; 6: *37—38*; 7: *8*; 9: *10—20*; 13: *13*; Абрамова 1993: 92; Прокопенко 2014: ч. 2, 221, 224, рис. 46: *12—14*; 49: *7*; 62Б: *15*; 69: *35*; 70: *22—23*; 73: 16; 76: *41*; 207А: *36*; 208: *29*) в Центральном Предкавказье[14].

Хотя украшения из янтаря и встречаются в скифских погребениях III—II вв. до н.э., они чрезвычайно редки и представлены единичными находками в Приднестровье (погребение № 81/3 последней четверти III — первой четверти II в. до н.э. могильника у с. Глиное (Тельнов и др. 2016: 484, 487—488, 957—958, рис. 274: *16*; Синика, Закордонец 2018: 83, № 16)). Обращает на себя внимание и находка ожерелья из янтарных бус на фрако-гетском поселении Сахарна Мара VI—III вв. до н.э. в Среднем Поднестровье (Niculiţă et al. 2011: 197, fig. 4: *2—16*; 201, nos. 18—32; Заноч 2012, 78, 79, fig. 4: *6*). Впрочем, исследование янтаря из Приднестровья не проводились, поэтому трудно сказать, идет ли речь о балтийском или румынском янтаре, т.н. румените (Tünde 1999: 277).

3.2. Сарматия

3.2.1. Погребения IV—II вв. до н.э.

В раннесарматских погребениях Южного Приуралья бусы из янтаря различных форм впервые появляются не позднее IV в. до н.э., когда они еще чрезвычайно редки (рис. 1). Собственно, в погребении № 1 кургана № 17/1990 некрополе Филипповка-1 была найдена лишь одна янтарная бусина ромбической формы (Пшеничнюк 2012: 55; Трейстер и др. 2012: 148, № А13.5.1.15). Фрагментированная округлая янтарная бусина происходит из погребения № 1 кургана № 30 (Аникеева 2016: 21, рис. 1: *33*). Неопубликованные изделия из янтаря были найдены также в датирующемся, вероятнее всего, не позднее рубежа V—IV — первой четверти IV в. до н.э. погребении № 2 кургана № 1, открытом в 2013 г. (Яблонский 2015: 100; 2016: 745; Yablonsky, Treister 2019: 81).

Можно ли говорить о том, что янтарные бусы впервые появляются здесь еще в V в. до н.э. — вопрос открытый. Предположительно янтарная бусина (материал специально не исследовался) была найдена в богатом женском погребении в кургане № 6/2002 могильника Лебедевка II в Западном Казахстане (Гуцалов 2007: 76, рис. 3: *5*; 2009: 309, № 3.1, рис. 5: *11*; Гуцалов и др. 2012: 41, № А7.1.1.2А).

В датирующихся несколько более поздним временем погребениях конца IV — III в. до н.э. курганов у д. Прохоровка янтарных бус больше и они представлены различными формами (округлыми, округлыми поперечно-сжатые, дисковидными): бусы были найдены в могилах № 1 (Яблонский 2010: 20, рис. 13: *2. 6*; 14: *3*; 212, № 594—613; Аникеева 2010: 328, № 594—613; Аникеева, Буяновская 2010: 354, рис. 124, *1*; Аникеева 2017: 93—95, рис. 1—2) (рис. 3: *1—2*) и 3 (здесь использованы для расшивки рукавов рубахи или платья: одиннадцать

[14] Из Чегемского могильника происходит вырезанная из янтаря антропоморфная фигурка: Керефов 1985: 203, рис. 9: *8*.

— на правом (рис. 3: *3—13*), двенадцать — на левом (Яблонский 2010: 23, рис. 19: *1—2, 5, 7, 11—12, 15—17, 21—30*, *32*; 219, № 1244—1283; Аникеева, Буяновская 2010: 354, рис. 124, *2—8*; Трейстер и др. 2012: 73—74, № А11.2.1.7, цв. табл. II.15: *6*; Аникеева 2017: 93—95, рис. 3—21) (рис. 3: *14—21*; 4: *1*)) кургана Б, при этом исследования дают основание предполагать, что небольшая часть из них (так наз. разделительные пластины из погребения № 1 и одна из бус — из погребения № 3) изготовлена из балтийского янтаря, все остальные — вероятно из месторождений Северо-Западной Украины, возможно также Приднепровья (Аникеева, Яблонский 2007: 226—229; Аникеева, Буяновская 2010: 343, 345; Аникеева 2017: 94). Важное значение здесь имеет датировка погребения № 3 кургана Б в Прохоровке, которое, судя по серебряному кубку (Трейстер 2012а: 84) и алабастру из алебастра (Трейстер 2012б: 104), вряд ли может датироваться ранее рубежа IV—III в. до н.э., скорее его следует датировать в рамках первой половины III в. до н.э.

Бусы из янтаря были найдены и в других кочевнических погребениях в Южном Приуралье, датирующихся в рамках III—II вв. до н.э. (Мошкова 1963: 45, табл. 30: *81, 83. 85*)[15]: в погребении № 5 кургана № 4/1995 могильника Бердянка-V (бусина дисковидной формы) (рис. 4: *2*) (Моргунова, Мещеряков 1999: 127, 136, рис. 2: *10а*; Мещеряков и др. 2012: 14—15, № А2.1.2.4.ж, цв. табл. II.3: *5—6*), в погребении № 8 кургана № 11/1966 у дер. Бишунгарово (одна бусина цилиндрической формы?) (Пшеничнюк 1983: 30, 153, табл. XX: *5*), погребении № 19 кургана № 11/1958 (одна бусина дисковидной формы с широким отверстием) (Садыкова 1962а: 97, табл. IV: *19*; Мошкова 1963: 45, табл. 30: *83*) и погребений № 11 кургана № 20/1958 (Садыкова 1962а: 114, табл. XII: *12*; Мошкова 1963: 45, табл. 30: *85*) (одна бусина кольцевидной формы) и № 4 кургана № 15 (Садыкова, Васильев 2001: 58, рис. 7: *1*) (одна бусина округлой формы) у дер. Старые Киишки (бусы из курганов могильников у д. Бишунгарово и Старые Киишки утрачены). Обращает на себя внимание редкость таких бус, представленных в каждом из отмеченных погребений лишь одним экземпляром.

3.2.2. Погребения II—I вв. до н.э.

В сарматских погребениях Приднепровья известны различные варианты янтарных бус, при этом наиболее ранние их образцы (округло-уплощенные бусы, дисковидные) известны еще в комплексах II—I вв. до н.э. (Солонцы, Соколово) (Смирнов 1984: 106, рис. 49: *13—14*; 107, 108, рис. 50: *13. 15—16*; Дзнеладзе 2016: 93). Разнообразной формы янтарные бусы происходят из погребения в кургане у п. Заливное в Крыму (Кропотов 2016: 28).

Янтарные бусы, найденные в погребениях последних веков до н.э. — первых н.э. Азиатской Сарматии, упомянуты в работах А.С. Скрипкина (Скрипкин 1984: 36—37, группа II, рис. 14: *24—28*; 1990: 87, группа 11, рис. 31: *14—26*), однако представлены суммарно без указания комплексов, в которых они были найдены, что обесценивает, в том числе, и попытку их классификации (Скрипкин 1990: 87, группа 12).

В Азиатской Сарматии янтарные бусы в погребениях этого времени известны как в Заволжье, так и на Нижнем Дону (рис. 5). Шесть округло-уплощенных, цилиндрических и бусин неправильной формы происходят из погребения № 3Б кургана № 4 могильника Майеровский-III (рис. 4: *3*) (Skvorcov, Skripkin 2006: 259, Nr. 24; 261, Abb. 17: *1*; Скворцов, Скрипкин 2008: 102—103, № 24, рис. 14: *1*). Две бусины бочонковидной формы были найдены в погребении № 7 кургана № 12/1954 Калиновского могильника (Шилов 1959: 362,

[15] Впрочем, указанные как янтарные (Мошкова 1963: 45, табл. 30: *81)* бусы из погребения № 10 кургана № 1 группы II у с. Молчановка в отчетной публикации И.В. Синицына (1960: 133, рис. 44: *6)* обозначены как стеклянные.

440). Шесть бусин сжато-цилиндрической формы со слегка выпуклыми сторонами были найдены в погребении кургана № 13/1996 могильника на территории совхоза Шаумяна у ю-з окраины с. Чалтырь, в 7—8 км к востоку от Танаиса (рис. 4: *4*) (Глебов 2002: 30, рис. 1: *2*; 32, № 8; 2006: 63; Сергацков 2006: 40). Две янтарные кольцевидные бусины происходят из погребения № 7 кургана № 16/1980 могильника Криволиманский-I (Ильюков, Власкин 1992: 150—151, рис. 38: *17*; 215, табл. 5, № 70). В разрушенном погребении кургана у пос. Кадамовский, доследованном в 1953 г., была найдена крупная цилиндрическая пронизь (рис. 4: *5*) (Кат. Новочеркасск 1979: 49, № 131.5). По мнению В.Е. Максименко (1983: 62), комплекс датируется не позднее II в. до н.э.

К рассматриваемому времени относится и ограбленное погребение № 2 в святилище Терен на Устюртском плато, в котором была найдена фрагментированная янтарная бусина (Онгарулы и др. 2017: 30, № 12).

3.2.3. Погребения I — первой половины II в. н.э.

В погребении первой половины I в. н.э. жрицы в Соколовой Могиле на Южном Буге среди амулетов, хранившихся в сумочке погребенной, имелась крупная подвеска из янтаря треугольной формы и бусина сжато-цилиндрической формы с выпуклыми торцами (аналогичная бусам из могильника на территории совхоза Шаумяна) (Ковпаненко 1986: 87—88, рис. 93: вверху и в центре справа; 94: *7*; 89). Еще одна аналогичная сжато-цилиндрическая бусина, цилиндрическая и дисковидная с выпуклыми торцевыми сторонами — из янтаря находились в районе черепа погребенной (Ковпаненко 1986: 98, 101, рис. 105; 106: *3—5*). 12 бусин кольцевидной формы и 21 дисковидная с выпуклыми торцевыми сторонами (подобные бусам из Соколовой Могилы) были найдены в датирующемся серединой — третьей четвертью I в. н.э. склепе № 735/1999 Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zaicev 2004: 250, Nr. 12; 251, Abb. 13: *a—c*). Особо следует отметить находку двух янтарных грибовидных подвесок в надежно датируемом этим же временем склепом № 720/1999 Усть-Альминского могильника (Puzdrovskij, Zaicev 2004: 232—234, Nr. 3, Abb. 3: *m—o*; Пуздровский 2007: рис. 114: 1: *11, 15*; Puzdrovskij 2013: 315, Nr. VII.74).

В I — первой половине II в. н.э. янтарные бусы в погребениях на Нижнем Дону очень редки (рис. 6). Они известны, в частности, в междуречье Сала и Маныча, где крупная бусина дисковидной формы с выпуклыми торцевыми сторонами была найдена в погребении № 1 кургана № 89 могильника у хут. Новый (Ильюков, Власкин 1992: 108—109, рис. 28: *18*; 252—253, табл. 9, № 64), в погребении № 1 кургана № 4/1982 могильника Полевой стан II на р. Быстрой, где была обнаружена овальная уплощенная пронизь (Максименко 1998: 121, рис. 57: *13*), а также в погребении № 1 кургана № 14/1978 могильника Сладковский (Cat. Paris 2001: 252, no. 288), где были найдены крупные слегка подработанные бусы различных форм.

Янтарные бусы происходят из двух погребений этого времени на Верхнем Дону. Отметим находку янтарной пронизи темно-вишневого цвета овально-уплощенной формы в погребении № 1 кургана № 1/1978 Второго Власовского могильника (рис. 7: *4*) (Берестнев 2017: 122; Трейстер 2021: рис. 9: *5*). 11 бус различных типов были найдены в датирующемся первой половиной II в. н.э. кургане № 22 могильника у с. Третьяки (Ефимов 1998: 19—35; Берестнев 2017: 118—119, рис. 13: *31—33*).

Бусы округлой, бочковидной, цилиндрической формы и в виде параллелепипеда происходят из погребения кургана № 3/1993 могильника Аршань-Зельмень II в Калмыкии (Мошеева 1995: 40—45, рис. 1: *1, 3, 28, 30*; Очир-Горяева 2009: 365, № 4, рис. 3).

Значительно чаще они встречаются в сарматских погребениях в междуречье Дона и Волги (рис. 6). Бусина коротко-цилиндрической формы происходит из погребения № 1 кургана № 4/1998 могильника Вербовский-II первой половины I в. н.э. (Мамонтов 2008: 173, рис. 3: *4*). Бочковидные поперечно-сжатые (3 экз.) (Сергацков 1998: 150—152, рис. 2: *37—39*; 2000: 86, рис. 103: *37—39*) и цилиндрическая бусины (Сергацков 1998: 153, рис. 2: *14*; 2000: 86, 153, 159, 185, рис. 103: *14*) были найдены в погребении I в. н.э. № 1 кургана № 11/1991 могильника Авиловский-II. Уплощенно-овальные бусы различных размеров происходят из погребения № 1 кургана № 4/1968 у с. Колпачки (рис. 7: *3*) (Мамонтов 1971: 214, с датировкой позднесарматским временем, рис. 3: *9. 19*; 215; Скрипкин (ред.) 2013: 267, № 250, с датировкой I—II в. н.э.) и датируемого концом I — началом II в. н.э. погребения № 1 кургана № 1/1982 могильника Барановка-I (3 экз.) (Сергацков 2000: 20, рис. 17: *26—27*; Скрипкин (ред.) 2013: 124 (илл.), 269, № 271). Четыре бусины дисковидной формы были найдены в погребении второй половины I — начало II в. н.э. № 1 кургана № 15/2013 могильник Вербовский-I (Мамонтов, Шинкарь 2014: 134, 136, рис. 2: *1д*; 143), дисковидная бусина — в погребении № 1 кургана № 5/2000 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 12, № 3, рис. 6: *7в*). Поперечно сжатые, овальной в сечении формы пронизи (2 экз.). происходят из погребения № 1 кургана № 79/1974 могильника у пос. Жутово (не опубликованы. Волгоград, ВОКМ, инв. № 14245/80). Три округлые бусины были найдены в погребении № 1 кургана № 38/2007 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 55, № 11, рис. 73: *10*).

Реже встречаются янтарные бусы в Нижнем Поволжье. Одна уплошенно-овальная пронизь происходит из погребения № 1 кургана № 28/1972 у с. Барановка (Дворниченко, Федоров-Давыдов 1989: 58, рис. 40: 1). Особого внимания заслуживают находки из датируемого первой половиной II в. н.э. погребения № 1 в кургане № 11/1961 у с. Старица. Здесь восемь овально-уплощенных пронизей входили в состав браслета из бус, кроме того, была найдена бочковидная бусина удлиненной формы (рис. 8: *2*) (не опубликованы. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/7). Особого внимания заслуживает использование янтаря для вставок в касты найденного здесь ожерелья (рис. 9) (Шилов 1968: 312—314, рис. 3; Cat. Rome 2005: 156—157, no. 126; Мордвинцева, Трейстер 2007, т. 2, 81, № A252.1, с лит., табл. 40; Трейстер 2007a: 77; 2018: 129—130, рис. 14), вероятно восточного происхождения (Парфия, Гандхара?) (Трейстер 2018: 130).

В погребениях «Золотого кладбища» янтарные бусы очень редки — их насчитывается 18 экз. (из 8 комплексов) из общего количества учтенных 1128 бус, т.е. примерно 1,5% (Гущина, Засецкая 1994: 19, прим. 4). Чрезвычайно редки они и в сарматских могильниках Карпатского бассейна (Vaday 2016: 759, 765, Abb. 3: *9—21*; Korom 2018a: 21, 24, fig. 2; 2018b: 176, 181—182 с лит., Abb. 5; Иштванович и др. 2020: 17, 19, табл. 5; 24), Северного (Керефов 1985: 218, рис 18: *10. 17*; 26: *22*; Абрамова 1987: 165, рис. 6: *31*; 9: *32*; 19: *6*; 29: *25*) и Северо-Восточного (Малашев 2016: 164, рис. 10: *19—26*)[16] Кавказа первых веков н.э.

3.2.4. Погребения второй половины II — III в. н.э.

В сарматских памятниках Приднепровья основная часть янтарных бус найдена в погребениях конца II — первой половины III в. н.э. (Дзнеладзе 2016: 70—71, типы 1—6, рис. 11: *12—37*; 121).

[16] Здесь же, в Бесланском могильнике, найдена и янтарная подвеска в форме человеческой головы: Малашев 2016: 164, рис. 10: *27*.

Бусы из янтаря, которые использовались как части ожерелий и для расшивки рукавов одежды, представлены находками из сарматских погребений Нижнего Подонья конца II — первой половины III в. н.э. (рис. 10):

В погребении № 1 кургана № 4/1989 у хут. Красный Кут были найдены 13 бус, в основном уплощенные, овальной формы, а также: одна — цилиндрическая и одна трехгранная в сечении (рис. 8: *1*) (Guguev, Trejster 1992: 244, no. 1; 246, fig. 4: *4a*; 248).

Из погребения № 1 кургана № 9/1987 могильника Валовый-I происходят: 16 бусин с отверстием по длинной оси (Беспалый и др. 2007: 29, № 21м, табл. 33: *1к*); 9 овальных в плане и сечении крупных янтарных бусин, с отверстиями по длинной оси (Беспалый и др. 2007: 30, № 22а) и 4 овальных бусины (Беспалый и др. 2007: 30, № 26в; 31, № 27б) (рис. 7: *1*). В погребении № 1 кургана № 33/1987 того же могильника были обнаружены 3 цилиндрических и одна чуть уплощенная (Беспалый и др. 2007: 78, № 5д), а также 17 овальных уплощенных бусин (Беспалый и др. 2007: 79, № 12б; 13б, табл. 88: 1б) (рис. 7, 2).

Из погребения № 1 кургана № 20/1985 могильника Новоалександровка-1 происходит 70 округлых и дисковидных бус (Bespaly 1986: 76, no. 8, pl. 63: *11—13*; Беспалый, Лукьяшко 2018: 74, № 11; 75, рис. 41: *4*).

В погребении № 1 кургана № 18/1985 могильника Высочино-V в области грудной клетки были обнаружены пять пронизей слега подправленной природной формы, одна — уплощенная овального сечения, одна — подпрямоугольная, три — подтреугольных (Беспалый 2000: 160—161, № 38, рис. 3: *8*; Беспалый, Лукьяшко 2008: 85, № 38а, табл. LXXXII: *8*), еще одна пронизь, подпрямоугольной формы с поперечным каналом отверстия была найдена вместе с различными бусинами на левом запястье погребенной (Беспалый 2000: 162, № 47, рис. 3: *11*; Беспалый, Лукьяшко 2008: 87, № 47, табл. LXXXII: *11*).

В погребении кургана № 25/1984 могильника Московский-I была найдена низка из 34 дисковидных бус, а в районе меча — 14-гранная бусина, подобная которой была найдена в погребении кургана № 22 того же могильника, где, кроме того, была найдена янтарная «пуговица» (Ильюков 2018: 71—72).

Значительное количество янтарных бус и подвесок было найдено в двух погребениях могильника у с. Большая Дмитриевка на территории междуречья Хопра и Волги. Выделяется комплекс бус из погребения № 1 кургана № 5, в котором были найдены 34 грибовидные подвески и каплевидные (гребневидные) типа 41— 6 экз. (Матюхин 1997: 185, 187, рис. 2: *51—96*; 195; Берестнев 2017: 118—119, рис. 13: *34—35*). Бусы различных типов происходят из погребения № 2 кургана № 13/1988 того же могильника. Среди них: дисковидной и коротко-цилиндрической формы (67 экз.) (рис. 11: *1*), а также очень крупные — из природных кусков янтаря с зашлифованной поверхностью (7 экз.) (рис. 12) (Матюхин, Ляхов 1991: 136, 138, № 1, 3, рис. 2: *24—30. 38*).

На территории Нижнего Поволжья (рис. 10):

Бусы овально-уплощенной формы и неправильной формы (8 экз.) были найдены в погребении № 1 второй половины II в. н.э. кургана № 55/1961 у с. Старица (рис. 8: *3—4*) (не опубликованы). 31 — цилиндрическая, три — кольцевидные и одна — зонная янтарная бусины происходят из погребения конца II — первой половины III в. н.э. № 1 кургана № 12/1973 могильника Кривая Лука-VI (Дворниченко и др. 1977: 74, рис. 102: 6—7). Бусы округлой (Скрипкин (ред.) 2013: 129 (илл.), 273, № 317), дисковидной разных размеров, коротко-цилиндрической и цилиндрической формы (Скрипкин (ред.) 2013: 129 (илл.), 273, № 313, 315) происходят из датируемого III в. н.э. погребения № 1 кургана № 2/2008 у ж.-д. ст. Гремячая. Крупная бусина из янтаря уплощенно-овальной формы была найдена в погребении № 1 кургана № 34/2004 у с. Перегрузное (Балабанова (ред.) 2014: 52, № 2, рис.

68: *6*). Три янтарные грибовидные подвески происходят из датируемого первой половиной — серединой III в. н.э. погребения № 1 кургана № 3/1970 у с. Барановка (Скрипкин 1970: 58, № 4; 59, рис. 2: *7*).

В Южном Приуралье янтарные бусы происходят, по крайней мере, из пяти погребальных комплексов позднесарматского времени, в том числе из трех погребений Лебедевского могильника.

48 экз.[17] бус округлой, округло-уплощенной и цилиндрической формы с плавно закругленными гранями, различных размеров образовывали ожерелье, найденное в погребении кургана № 2/1966 (рис. 11: *2*) (Багриков, Сенигова 1968: 74, 75, рис. 4: *1*; Мошкова 2009: 102, Tasmagombetov 2003: 260 (слева); Cat. Mantua 1998: 234, no. 505; Cat. San Diego 2006: 139, no. 92; Cat. New York 2012: 181, no. 162; Kat. Bochum 2013: 771, Nr. 517). Анализы трех бусин показали, что их материал — сукцинит (Бубнова, Половиникова 2001: 126). 13 бусин коротко-цилиндрической, цилиндрической и пирамидальной формы были найдены в погребении № 1 кургана № 1/1969 могильника Лебедевка II (Мошкова, Кушаев 1973: 263, рис. 4: *1*; 267). 29 округлых бус происходят из погребения № 1 кургана № 39/1979 могильника Лебедевка VI (не опубликованы).

6 коротко-цилиндрических бус были найдены в погребении № 1 кургана № 18/1999 могильника Красный Яр (не опубликованы. Оренбург, ОГПУ). Наконец при раскопках погребения № 1 кургана № 24/2000 могильника Покровка 10, датируемого концом II — началом III в. н.э., были найдены бусы неправильной бочонковидной формы со слабо выраженными неправильными гранями, уплощенно-пирамидальной и неправильной формы, две из которых были обнаружены в заполнении могильной ямы, остальные — справа и слева от погребенной (рис. 8: *5—11*) (Малашев, Яблонский 2008: 13, 46, 282, рис. 158: *5, 6, 10, 12, 21, 23, 25, 28—30*; Аникеева 2008: 115: отмечается находка 10 бус).

3.2.5. Формы бус из погребений Азиатской Сарматии

Обращает себя внимание отличие основных форм бус из погребений IV—I вв. до н.э. и бус из комплексов первых веков н.э. В ранних комплексах в Южном Приуралье (IV—II вв. до н.э.) получили распространение округлые, округлые поперечно-сжатые и дисковидные бусы с аккуратно-выведенными гранями.

К сожалению, утрачена бусина ромбовидной формы из кургана № 17/1990 в Филипповке. В Северном Причерноморье бусы такой формы не зафиксированы, но известны на Центральных Балканах в конце VI—V вв. до н.э. (Cat. Belgrade 2006: 319, no. 491; 328—329, nos. 517—518; 343, no. 547; 357, no. 585). Одна плоская ромбовидная бусина была найдена и в Тулхарском могильнике Бишкентской долины Таджикистана (Мандельштам 1966: 129, № 12, табл. 7; LXI: *13*).

Крупные дисковидные бусы с прямыми или закругленными боковыми гранями находят параллели среди янтарных бус эпохи раннего железного века (до римского завоевания) в Британии (Croom 2018: 1—2, fig. 2). Подобные же бусы были найдены и в погребении № 177 Тенгинского могильника (Беглова 2005: 169, рис. 6: *47—48*; Беглова, Эрлих 2018: 297, рис. 113: *47—48*; 376, рис. 192: *26—27*), в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 73—75, рис. 8: *31*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 212—214, fig. 8: *31*), и в могильниках Джетыасарской культуры (Левина, Довгалюк 1995: 205, рис. 1: *58—59*; Левина 1996: 340, рис. 145: *58—59*). По классификации Е. М. Алексеевой эти бусы относятся к типу 2 и имеют

[17] Согласно хранительской документации НМРК, бусин — 47 экз., согласно описи 1966 г. их было 48 экз., в публикациях Багрикова, Сениговой 1968 и Мошковой 2009 гг. указывается 49 экз.

широкий диапазон размеров и датировок от IV в. до н.э. до IV в. н.э., при этом указывается на датирующееся IV—III вв. до н.э. бусы из Пантикапея и II в. до н.э. — из Танаиса (Алексеева 1978: 23, тип 2, табл. 23: *11*). В некрополях юго-западной части Боспора крупные бусины такой формы встречены как в погребении первой половины I в. н.э. № 9 Цемдолинского некрополя (Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *33*), так и позднеантичного времени — № 49 могильника Широкая Балка (Довгалюк 2011: 323, рис. 241: *1*).

Бусина дисковидной формы из могильника Бердянка-V с прямыми боковыми гранями (рис. 4: *2*) близка так наз. коротко-цилиндрическим бусам типа 7, по классификации Е.М. Алексеевой, также с широкой датировкой от IV в. до н.э. до IV в. н.э., при этом указывается на датирующееся IV в. до н.э. бусы из Пантикапея и II в. до н.э. — из Танаиса и Фанагории (Алексеева 1978: 24, тип 7, табл. 23: *3—4*).

Заслуживают особенного внимания фрагменты украшений из янтаря, найденные в погребении № 1 кургана Б в Прохоровке (рис. 3: *1—2*) (Яблонский 2010: 20, рис. 14: *3ст*; 212, № 594—613; Аникеева 2010: 328, № 594—613; 2017: 93—95, рис. 1—2; Аникеева, Буяновская 2010: 335 (илл.), 354, рис. 124: *1*). Они были определены как «разделительные пластины». Форма их описана как «пластинчато-дугообразная» с длинной гранью 10—12 × 6 мм, толщиной 4 мм. При этом отмечается, что пластины имеют два пересекающихся отверстия дм. 2 мм: одно в центре пластины и одно — вдоль длинной грани (Аникеева 2010: 328). Насколько мне известно, это единственная находка такого рода в Сарматии. Вызывает большой вопрос определение пластин как разделителей нитей ожерелья. Прямоугольные разделители нитей хорошо известны, как по находкам в Микенах (Kat. Berlin 1998: 256, Nr. 280; Rahmstorf 2014: 28, илл. вверху; Zygouris 2019: 182, fig. 5), так и из раннескифского Краснознаменского могильника на Северном Кавказе (Петренко 2006: 93, тип 10, № 94, 233, 246, табл. 57, 106; Klochko 2009: 429, fig. 9) и кельтского княжеского погребения начала IV в. до н.э. на западе Германии в Райнхайме (Echt 1999: 90—91, Abb. 27: *O*). В Краснознаменском могильнике был найден и фигурный разделитель нитей (Петренко 2006, 93, тип 10, № 95, табл. 57), а в Райнхайме — и два трапециевидных (Echt 1999: 90—91, Abb. 27: *N*), при этом трапециевидные разделители, очевидно, находились на концах ожерелья, подобно таким пластинам ожерелья из погребения начала VI в. до н.э. в Кьяромонте в Басиликате в Италии (Cat. Napoli 2007: 242, no. III.264). Во всех случаях, это плоские пластины с двумя, чаще тремя, параллельными поперечными каналами отверстий, через которые и проходили нити. В отличие от последних, «разделители нитей» ожерелья из Прохоровки имеют дуговидную форму, лишь одно отверстие на грани, пересекающееся с другим отверстием, проходящим вдоль длинной грани. Очевидно, что это не разделители ожерелий. Я могу себе представить такие пластины, скорее, как ограничители нитей ожерелья, т.е. как крайние бусы, у которых пересекающееся отверстия служили для того, чтобы завязать узлом нить. Конструктивно ближайшими параллелями являются дисковидные бусины из погребений хунну начала I в. н.э. у которых помимо основного отверстия имеется пересекающееся с ним дополнительное тонкое горизонтальное отверстие по центру боковой поверхности (см. подробно ниже).

Более разнообразны бусы из погребений II—I вв. до н.э. в Нижнем Поволжье и Нижнем Подонье. Это округло-уплощенные, цилиндрических и неправильной формы, бусы сжато-цилиндрической формы со слегка выпуклыми торцевыми сторонами, кольцевидные и крупная цилиндрическая пронизь. Часть дисковидных (округлых, поперечно-сжатых) бус из Майеровского (рис. 4: *3*) близки коротко-цилиндрическим бусам типа 7 по Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 23: *6—7*) (по непонятным мне причинам, объединенных с тонкими дисковидными бусинами в один тип). Аналогии крупной цилиндрической овальной в сечении бусине из Кадамовского (рис. 4: *5*) мне не известны.

Бусы из могильника Шаумяна (рис. 4: *4*) близки к бусам типа 11 по классификации Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 24: *27—29*: коротко-цилиндрические бусы с выступающими торцами с датировкой I—IV вв. н.э.), но не идентичны им (ср. Сергацков 2006: 40: ср. Глебов 2006: 63). От остальных янтарных бус из сарматских памятников бусы из могильника Шаумяна отличает высокое качество обработки, прекрасно выведенные грани. Круговые следы на поверхности свидетельствуют об их обточке на станке. Бусы аналогичной формы, также со следами обточки на станке, известны по находкам из кельтского погребения начала IV в. до н.э. в Райнхайме (их рассматривают как импорты из Италии) (Echt 1999: 90—91, Nr. 69, Abb. 27: *K3*; 94; Nüsse 2011: 234—235; Quast 2014: 33 (илл. вверху)), позднелатенских оппидумов в Старе Градишко в Моравии (Čižmárová 1996: 177, 179, Abb. 3: *21—22*; 4: *12. 14*) и Страдонице в Богемии (Rybová, Drda 1994: 48, 100, fig. 35: *5*). Впрочем, бусы подобной формы происходят и из позднеантичного некрополя в Хибрат Яюз в Иордании (Eger, Khalil 2013: 164, pl. 2: *8*), и из памятников черняховской культуры (Гопкало 2008: 69, подгруппа IVa—b; табл. VIII).

В первые века н.э. и особенно в позднесарматский период получили распространение бусы овально-уплощенной формы (рис. 7—8), а также крупные бусы неправильной формы со слегка подправленными гранями (рис. 12), которые, хотя и находят аналогию в царском раннескифском погребении кургана Аржан-2 (Čugunov et al. 2010: 63, Nr. 5-78-1-3; 68, Nr. 5-100; Taf. 63: *3—5*; 83: *2—3*), характерны для находок из Северного Причерноморья I—II вв., особенно рубежа I—II вв., но встречаются и в комплексах III—IV вв. н.э. (Алексеева 1978: 25—26, тип 44, табл. 23: *43*; 24: *35—46*; Арсеньева и др. 2001: 130—131, № 261.1в, 2л; табл. 47: *579—584. 586*; Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *34—40*; 2011: 323, рис. 241: *2—5. 17—21*; Беспалый, Верещагин 2013: 152, № 1в; 153, рис. 9: *1в*). По своей форме эти бусы находят параллели среди бус из могильников варварского населения Юго-Западного Крыма (Столярова 2001: 205, рис. 2: 29: *31—36*; Стоянова 2012: 82, типы 131—132; Храпунов, Стоянова 2020: 93, 100, № 83, рис. 24: *5*), сарматских погребений Прикубанья I—II вв. н.э. (Гущина, Засецкая, 1994: 45, № 69.2, табл. 6; 49, № 130.2, табл. 13; 66, № 375.3, табл. 41; 67, № 402.1, табл. 45; 75, № 523.2, табл. 53), меотских могильников Нижнего Подонья (Гугуев, Ничипорук 2020: 190, № 4, рис. 7: *6*), аланских могильников Северного Кавказа (Румянцева 2009: 349—350, рис. 10: *17*), из Дура-Эвропос (Toll 1946: 31, nos. 29—36; 128) и погребений хунну в Монголии (Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142; Brosseder 2015: 262, fig. 29, *4*; 265). Подобные бусы встречаются в Северной Италии (Аквилея (Calvi 2005: tav. 107: *1 c, g, m*)), Британии (Croom 2018, 4, fig. 4: 13: *1—4*; 6), но на территории центрально-европейского Барбарикума бус такой формы нет (ср. Tempelmann-Mączyńska 1985: Taf. 15—18). Вероятно, этот тип бус появляется не позднее I в. до н.э., судя по находкам в Ногайчинском кургане (Зайцев, Мордвинцева 2003: 73—75, рис. 8: *39—41*; Mordvintseva, Zaitsev 2003: 212—214, fig. 8: *39—41*).

Бусы округлой, округло-уплощенной и цилиндрической формы с плавно закругленными гранями, различных размеров, которые образовывали ожерелье из кургана № 2/1966 в Лебедевке (рис. 11: *2*), близких параллелей среди бус, опубликованных Е.М. Алексеевой, не имеют, при этом бусы цилиндрической формы с плавно закругленными гранями находят параллели среди янтарных бус из курганов № 9 и 33/1987 могильника Валовый-I (рис. 7: *1—2*). Встречаются подобные бусы и в некрополях Боспора первых веков н.э. (Довгалюк 2008: 207, рис. 117: *41—42*; 2011, 323, рис. 241: *22—26*).

Довольно редки в этот период бусы дисковидной и коротко-цилиндрической формы (Большая Дмитриевка, курган № 13/1988, погребение № 1 (рис. 11: *1*), Красный Яр, курган № 18/1999, погребение № 1; Гремячая, курган № 2/2008, погребение № 1), типа 7, по

классификации Е.М. Алексеевой (1978: 24, табл. 23: *3—4*). Такие бусы были известны в разные эпохи, например, по находкам из позднеархаического некрополя Кум в Италии (Cat. Napoli 2007: 208, 211, nos. III: 186—187) и погребения некрополя Танаиса конца IV — первой половины V в. н.э. (Арсеньева и др. 2001: 112, № 153т; табл. 26: *365*).

Три янтарные грибовидные подвески происходят из датируемого первой половиной — серединой III в. н.э. погребения № 1 кургана № 3/1970 у с. Барановка (Скрипкин 1970: 58, № 4; 59, рис. 2: *7*). Единственный комплекс в Сарматии, в котором были найдены и грибовидные, и каплевидные подвески — погребение № 1 кургана № 5 у с. Большая Дмитриевка (Матюхин 1997: 185, 187, рис. 2: *51—96*; 195). Редкая находка 14-гранной янтарной бусины в некрополе Московский-I находит параллели как в Северном Причерноморье (Алексеева 1978: 24, тип 16, табл. 25: *38*), где значительно чаще бусы такой формы встречаются в стекле и сердолике, так и в Италии, и в римских провинциях (Calvi 2005: tav. 107: *1a*; Croom 2018: 4, fig. 4: 18: *1*; 6).

4. Сибирь и Китай

Янтарные бусина (неправильной подпрямоугольной формы, уплощенная) (рис. 13: *3*) (Кат. Ст. Петербург 2010: № 113) и уплощенная подвеска треугольной формы (рис. 13: *4*) (Кат. Ст. Петербург 2010: № 108) находились в составе клада из с. Знаменка на Среднем Енисее (Николаев 2010: 55—59), который датирован Э.Б. Вадецкой концом I в. н.э., Н.Н. Николаевым — I в. до н.э. — I в. н.э., а М.Л. Подольским — первой четвертью I тыс. н.э., а возможно и более поздним временем (Вадецкая 1999: 173—174; Подольский 2002: 233—234; Cat. London 2017: 330—335). Одна из них, как показали исследования — из сукцинита, а вторая — из материала другого происхождения, близкого по ИК-спектру к ископаемым смолам мелового происхождения (Бубнова, Половиникова 2001: 126). Ближайшие параллели бусине происходят из погребений V в. до н.э. в Вани и Пичвнари в Колхиде (Гиголашвили 1983: 98—99, 151, № 449, табл. 48)[18].

Предположительно янтарная бусина, имеющая слегка уплощенную овальную форму, была найдена в погребении № 92 Дырестуйского могильника в Бурятии (Миняев 2007: 96, табл. 71: *9*). Известны редкие находки бус из янтаря в могильниках гунно-сарматского времени Верх-Уймон и Курайка на Алтае (Соенов, Винокурова 2000: 152; Трифанова, Соенов 2012: 193; 2019: 40, рис. 13: *2*; 70; Соенов, Константинова 2015: 53—54), впрочем, последний датируется в настоящее время в рамках конца III — начала V в. н.э. (Богданов, Новикова 2017: 275).

Янтарные бусы различных типов (уплощенно-овальные, округлые, кольцевидные, цилиндрические, в форме катушки довольно многочисленны в элитных погребениях сюнну в Монголии (рис. 13: *1—2, 5—9*) (см. в целом: Miller 2011: 573; Egiimaa 2011: 118—123, nos. 135, 137—138, 139, 141—143, 147, 149; Brosseder 2015: 262, fig. 29: 4: *8*; 265—266)[19]. Особое внимание привлекают находки из погребения № 30 могильника Гол Мод 2, в котором 23

[18] См. также выше прим. 6.

[19] Ноин-ула: Елихина 2018: 6, 17, 148—149, 301, 304, 308. — Бурхан-Толгой (рис. 13: *1. 9*): Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142; Brosseder 2015: 262, fig. 29, *4*; 265. — Угуумур уул, погребение № 2: Egiimaa 2011: 119, no. 138. — Шомбуузиин-белчир (рис. 13: *2. 5*): Miller et al. 2009a: 13, fig. 16: *a—c*; 15, 16; Machicek 2011, 174; Egiimaa 2011, 120, nos. 139, 141. — Алаг Толгой: Russel Nelson et al. 2011, 226; Egiimaa 2011: 118, no. 135; Honneychurch 2015: 282, 283, fig. 9.9. — Наймаа Толгой (рис. 13: *6—7*): Egiimaa 2011: 121, no. 143; 123, no. 147. — Дуурлиг Нарс, гробница № 2 (рис. 13: *8*): Hyeung-Won, Eun-Jeong 2011: 268, fig. 10, *8—11*; 269; Egiimaa 2011: 123, no. 149. — Ксигупан, погребение № 4: Miller 2015: 160, fig. 19: *1*. — Гол Мод, гробница № 17: Miller et al. 2006: 11—12, fig. 9: *5*.

янтарные и стеклянные бусы были найдены в медной шкатулке, обернутой шелком (Erdenebaatar et al. 2011: 306, 312, fig. 11: *2*; 313), вместе со стеклянной Rippenschale (Erdenebaatar et al. 2011: 311, 312, fig. 11: *1*; Erdenbaatar 2011: 186—187, no. 264; Brosseder 2015: 261, 262, fig. 29: *2*; 265; Iderkhangai, Orgilbayar 2018: 208—213, fig. 1), дающей *terminus post quem* погребению — середина — вторая половина I в. н.э. Уникальная янтарная дисковидная бусина была найдена в кургане № 22 Ноин-Улинского могильника; она имеет дополнительное тонкое горизонтальное отверстие по центру боковой поверхности (Полосьмак, Богданов 2015: 76, рис. 3.43; 2016: 86), что позволяет говорить о появлении у хунну янтарных бус не позднее начала I в. н.э. — аналогичная бусина была найдена и в погребении № 2 могильника Дуурлиг нарсны (Egiimaa 2011: 123, no. 149; Hyeung-Won, Eun-Jeong 2011: 268, fig. 10: *8—11*; 269; Brosseder 2015: 262, fig. 29: *8*; 265).

Тот факт, что обработка янтаря могла происходить на месте, как будто бы подтверждает инкрустация янтарем (вместе с бирюзой или бирюзой и сердоликом) некоторых гагатовых и золотых поясных пластин и пряжек (см. ниже), в частности гагатовой поясной пластины из Салхита, Хонгор в провинции Дархан-Уул (Odbaatar 2011: 134, no. 170)[20]. Вместе с тем, судя по выпуклым вставкам, для них могли использоваться и готовые бусины. У. Бросседер отмечала, что поскольку специальное исследования материала янтарных бус из Монголии и Забайкалья не проводились, говорить о его балтийском происхождении преждевременно (Brosseder 2015: 266, 274). Однако надо учитывать, что, по крайней мере, одна из янтарных бус из Знаменского клада сделана из сукцинита. Действительно, тот факт, что янтарь может иметь не обязательно балтийское происхождение, а например, происходить из Бирмы, следует учитывать, тем более, что исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге, пров. Хэнань, методом газовой хроматографии и масс-спектрометрии, а также (GC/MS (Gas Chromatography-Mass Spectrometry) и спектроскопии комбинационного рассеяния (Fourier transform infrared spectroscopy) подтвердило происхождение материала из Бирмы, который через пров. Юнань мог попадать в Центральный Китай (Chen et al. 2019), где янтарь начинают использовать в качестве материала для вставок в ювелирные украшения и предметы конской узды, начиная со II в. до н.э. (Yan Liu 2020: 185, 192, fig. 10c). С другой стороны исследования с помощью таких же методов янтарных предметов из гробницы VI в. н.э. царя Марвеонга на Корейском полуострове показало, что, по крайней мере, часть из них вырезаны из балтийского янтаря (Park et al. 2016: 114—119). Также из балтийского янтаря изготовлены еще более поздние янтарные бусы X в., времени династии Ляо (Beck, Stout 1999: 167—172; Xu 2009: 246). Тем не менее, несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), также как к ним попадали украшения из фаянса, коралл, стеклянные сосуды, однозначно рассматривать все янтарные бусы из погребений хунну, как изготовленные именно из балтийского янтаря, нельзя, и не только потому, что их состав специально не изучался, но и потому что на фоне остальных, однозначно импортных предметов, они довольно многочисленны.

[20] См. также другие пластины с аналогичными вставками: Erezgen 2013: 25—26.

5. Янтарные навершия мечей

Помимо бус и подвесок янтарь нередко служил материалом для изготовления наверший мечей. Янтарные навершия имели мечи, найденные в Керчи и датируемые I—II (грибовидной формы с декором в виде вихревой розетты) (Сокольский 1954: 156, табл. VII: *3*) и V в. н.э. (полусферической формы) (Засецкая 1993: 40, № 8, табл. 7). Кинжал из кургана № 45 у станицы Усть-Лабинской имел декоративное навершие из янтаря, украшенное полусферической золотой бляхой, орнаментированной зернью и стеклянными вставками (Гущина, Засецкая 1994, 9—10, 72, № 477, табл. 51). Янтарное навершие дисковидной формы овального сечения украшало меч с нефритовыми скобами и перекрестьем из погребения № 1 кургана № 8/1990 могильника Камышевский-I (Безуглов 2000: 172, рис. 4: 1: *5*; 2017: 97, рис. 9: *5*; 14: *5*; Ли Джи Ын 2010: 156, табл. 36: *4*).

Еще большее распространение использование янтаря для изготовления наверший мечей зафиксировано для позднесарматских погребений из Южного Приуралья, где известно три таких навершия. Они имеют дисковидную в плане и подтреугольную сечении форму, как определенный в качестве амулета предмет из погребения № 2 кургана № 13/1979 могильника Лебедевка-VI (рис. 14: *4—6*) (Трейстер 2019: 558, рис. 5: *1—3*). Кроме того, фрагмент янтарного навершия овального сечения происходит из погребения кургана № 6 могильника Бердянка-V (рис. 14: *1—3*) (Моргунова, Мещеряков 2012: 212, 215, рис. 4, *1*). Янтарная ворворка с железным штырем входила в состав портупеи длинного меча с халцедоновым навершием, найденного в кургане № 6/1988 могильника Целинный-I (Боталов, Гуцалов 2000: 100, рис. 33: 1: *4—5, 10*; 101; Сейткалиев 2014: 144).

6. Использование янтаря как материала для вставок в ювелирные изделия и предметы торевтики

Тонкие пластинки из янтаря широко использовались как материал для вставок в VII—VI вв. до н.э.: для украшения деревянных клине и саркофагов из погребальных памятников эпохи позднего Гальштатта в Центральной Европе и Этрурии (Fischer 1990: 115—127; Verger 2006: 42, fig. 23; Naso 2007: 9—14, fig. 3, справа; Quast 2014: 31) и в качестве вставок в предметы парадной мебели, украшения и деталей доспеха из раннескифских Келермиесских курганов, вероятно изготовленных в мастерских Ассирии (Рябкова 2010: 35—36). Плоскими вставками из янтаря круглой и прямоугольной формы украшен диск фибулы из слоновой кости из Артемисиона на о. Фазос (Prêtre 2016: 26—29, no. 64, pl. III). Округлая, плоско-выпуклая вставка из янтаря была найдена и в датируемом первой половиной V в. до н.э. Ульском кургане № 1/1909 (Ульские курганы 2015: 142, № 74, табл. 5: *5*). Круглая слегка выпуклая вставка янтаря украшает золотую фиалу с изображением конских голов из Братолюбовского кургана, вероятно изготовленную не позднее рубежа V—IV вв. до н.э. (Schiltz 1994: 69—70, figs. 41—42; Cat. Rimini 1995: 68, no. I.33; Cat. San Antonio 1999: 272—274, no. 134; Кубышев и др. 2009: 76—81, рис. 12, фото 18—22; Klochko 2009: 432, 433, fig. 11). В более позднее время использование янтаря для вставок отмечается эпизодически, впрочем, такие вставки известны в материалах последней четверти IV в. до н.э. в Северном и Восточном Причерноморье, в том числе для украшения деревянного саркофага из Трехбратних курганов (рис. 2: *3—6*).

Особого внимания заслуживает использование янтаря как материала для вставок в предметах из сарматских погребений. Таких предметов очень мало. Среди них золотое ожерелье из погребения первой половины II в. н.э. в кургане у с. Старицы в Нижнем

Поволжье, вероятно восточного происхождения (Парфия, Гандхара?) (рис. 9) (Шилов 1968: 312—314, рис. 3; Cat. Rome 2005: 156—157, no. 126; Мордвинцева, Трейстер 2007: т. 2, 81, № А252.1, с лит., табл. 40; Трейстер 2007а: 77; 2018: 129—130, рис. 14).

В большей степени эта практика характерна для несколько более ранних, I в. до н.э. — I в. н.э. поясных пластин и пряжек из элитных погребений хунну, которые украшались вставками янтаря и бирюзы, или янтаря, бирюзы и коралла, янтаря, бирюзы и сердолика. Среди них гагатовая поясная пластина из Салхита, Хонгор в провинции Дархан-Уул (Odbaatar 2011: 134, no. 170)[21]. Янтарь вместе с кораллом и бирюзой был использован для инкрустации двух прямоугольных золотых пряжек из погребения № 2 в кургане № 1 могильника Сидоровка (Матющенко, Татаурова 1997: 48, 72—73, рис. 27: *1—2*; Bunker et al. 2002: 31, fig. 45; 133; Koryakova 2006: 108, fig. 9: *1*; Brosseder 2011: 375, 376, fig. 24: *13*; Килуновская, Леус 2020: 104, рис. 7: *2*; 107; Засецкая 2019: 95—96, илл. 31: *а*). Янтарь наряду с бирюзой и сердоликом применен и для инкрустация пластинчатой золотой пряжки с изображением козла и медведя из бывш. коллекции Tay (The Metropolitan Museum of Art Bulletin, Fall 2002: 52; Bunker et al. 2002: 113—114, no. 83). По мнению Э. Банкер, поскольку янтарь не был излюбленным материалом для инкрустации в Китае, пряжка была изготовлена «западнее» (Bunker et al. 2002: 114).

Среди ювелирных изделий из царского некрополя Тилля-тепе в Северном Афганистане встречены украшения со вставками из янтаря: перстень — из гробницы II (Sarianidi 1985: 231, no. 2.3; Kat. Bonn 2010: 167, Nr. 57), пронизи браслета — из гробницы V (Sarianidi 1985: 160—161, ills. 102—103; 252, no. 5.1; Kat. Bonn 2010: 212—213, Nr. 127).

Выводы

Учитывая то обстоятельство, что наиболее значительное количество материала для изготовления украшений из янтаря происходит из Прибалтики, и что в эпоху поздней бронзы янтарь прибалтийского происхождения появляется и широко распространяется не только в Центральной и Западной Европе, но и на Балканах, в Малой Азии и на Ближнем Востоке, изучение распространения украшений из янтаря на большой территории и значительном хронологическом срезе позволяет проследить особенности развития торговых путей в древности. Обращает на себя внимание в этой связи полное или частичное прекращение поступления янтаря в Европе в начале I тысячелетия до н.э., а затем с начала IV в. до н.э. по рубеж н.э.

Если распространение янтаря в Европе исследовано довольно полно, то наши представления о распространении янтаря в Евразии изобилует белыми пятнами. Это касается в том числе и украшений из янтаря у кочевников.

Изделия из янтаря получают довольно широкое распространение в VII—VI вв. до н.э. в скифских погребениях лесостепи днепровского правобережья и на Северном Кавказе. В течение V в. до н.э. количество бус из янтаря резко сокращается и в IV в. до н.э. в скифских погребениях янтарные бусы не встречаются. В некрополях античных городов Северного Причерноморья прослеживается несколько иная динамика распространения янтарных бус. В период наибольшего распространения янтарных бус в Скифии, в античных некрополях Северного Причерноморья их практически нет. Этот факт косвенно подтверждает предположение о поступлении бус или материала для их изготовления в Скифию непосредственно из Прибалтики.

[21] См. также выше прим. 20.

О том, что в V—IV вв. до н.э. происходят кардинальные изменения в торговле янтарем и что он перестает попадать не только к скифам, свидетельствует и то, что с начала IV в. до н.э. практически прекращается сильно развитое начиная с VIII—VII вв. до н.э. изготовление украшений из янтаря в Этрурии и Южной Италии (Mastrocinque 1991: 70—87; Kolendo 1993; Bassignano 1994: 358—359; Cat. Napoli 2007: 112—251; Causey 2011: 63, 72; Nüsse 2011: 234; Weidig 2014: 34—45; Montanaro 2012; 2015a: 35—64; 2015b: 179—190, tav. XXXVII—XLI), а также попадание янтаря к кельтам (Stahl 2006: 37; Nüsse 2011: 234—238), фракийцам (Ivanova, Kuleff 2009: 36), колхам (Turmanidze 2005: 285; Kacharava, Kvirvelia 2009: 288). Об изменении торговых путей, по которым распространялся янтарь, на рубеже позднего гальштатта и раннего латена свидетельствует и анализ распространения украшений из янтаря в Центральной Европе — во второй половине VI — V в. до н.э., в частности, полностью прекращается поступление янтаря в Моравию и янтарный путь смещается западнее, проходя в Центральной Европе теперь через территорию Богемии и лишь в начале IV в. до н.э. восстанавливается янтарный путь через территорию Моравии (Chytráček et al. 2017: 252—258).

Для последней четверти IV — начала III в. до н.э., когда янтарных бус в Скифии нет, они зафиксированы по находкам лишь в одном комплексе некрополя Пантикапея и в Зеленском кургане на Таманском полуострове, а также в погребениях, открытых в Вани в Западной Грузии, где были найдены сотни бус. Во всех случаях речь идет о погребениях элиты. На западе в это время янтарные бусы встречаются в небольших количествах лишь на Балканском полуострове и в Италии.

Широкому распространению бус в первые века н.э. предшествовало постепенно все более частое их использование в комплексах античных некрополей Западного Крыма и Боспора, а также в варварских погребениях в Крыму и в Закубанье во II—I вв. до н.э. О том, что в III—II вв. до н.э. янтарь — редкий материал на Боспоре свидетельствует и тот факт, что бусы / подвески из янтаря имели золотые оправы / оплетки, о чем свидетельствуют находки из погребений в курганах на Васюриной горе и у д. Мерджаны.

Не позднее IV в. до н.э. изделия из янтаря, редкие в этот период в Северном Причерноморье и неизвестные в Скифии, появляются в сарматских погребениях Южного Приуралья. Они чрезвычайно редки в Филипповке, но встречаются чаще и в большем количестве в несколько более поздних комплексах III и III—II вв. до н.э. могильников у д. Прохоровка, Бердянка и др. и используются не только в составе ожерелий, но и для расшивки рукавов одежды.

Каким образом янтарь из месторождений Прибалтики и Украины мог попасть к кочевникам Приуралья? Один из возможных путей — через Северное и Восточное Причерноморье, учитывая хронологическую близость погребений с янтарными бусами на Боспоре и в Колхиде и сам факт находки серебряной пантикапейской монеты в погребении в Вани, из которого происходит наибольшее количество янтарных бус. Если это так, то можно было предположить[22] дальнейшее попадание янтаря из Восточного Причерноморья через Кавказ, Каспийское море и по старому руслу Узбоя (ср. Ртвеладзе 2012: 45—50, 74—85), далее в Центральную Азию и Южное Приуралье. С другой стороны, в том же самом погребении в Вани (Treister 2007: 80—81, 92), как, впрочем, и в погребении № 25/1907 на г. Митридат (скарабеоид с изображением сфинкса, см. Treister 2010: 254, no. 8 с лит.), имеются предметы торевтики и глиптики с ахеменидской коннотацией, а плитовая могила Зеленского кургана

[22] В этой связи заслуживает внимание вторично использованная в качестве подвески бронзовая монета Пантикапея 375—340 гг. до н.э. из погребения № 17 Чегемского кургана (Керефов 1985: 203, рис. 9: *9*), в котором были найдены янтарные бусы и подвеска, см. выше.

отличается богатством погребального инвентаря — золотым погребальном венком, брошью со вставкой — вырезанной из граната головой Сатира (Шкорпил 1916: 25—27, рис. 8—9).

С учетом контекста находок и сопровождающих импортов, казалось бы, есть основания предполагать попадание янтаря к кочевникам Южного Приуралья через Переднюю Азию, где янтарь, как в форме необработанного материала, так и бус, известен по находкам в Персеполе. Вероятно, по этому пути попадал янтарь и в памятники Хорезма и чирикрабатской культуры, а также к кочевникам Устюрта. С другой стороны, это предположение вряд ли коррелируется с выводом о происхождении материала большей части бус из Прохоровки с территории Украины. В этой связи было бы чрезвычайно важно исследовать материал янтарных бус из синхронных погребений некрополя Пантикапея и Зеленского кургана.

В погребальных комплексах Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э. янтарные бусы чрезвычайно редки; они представлены в единичных количествах как в Заволжье, так и на Нижнем Дону. Не исключено попадание таких бус в погребение могильника Майеровский-III через Переднюю Азию, в том числе с учетом находки в этом погребении серебряной парфянской чаши. Напротив, янтарные бусы в погребение кургана могильника на территории совхоза Шаумяна в 7—8 км к востоку от Танаиса, скорее всего, попали именно через Танаис, где они были зафиксированы уже в богатом погребении II в. до н.э. Да и находка в это погребении позднереспубликанского бронзового черпака (Трейстер 2020: 42—43, рис. 1; 47—48; см. библиографию в прим. 2 на с. 42) — косвенный аргумент в пользу западного пути, тем более, что и форма бус, и тщательность их изготовления с обточкой на станке находят параллели среди янтарных бус из позднелатенских оппидумов Центральной Европы. В двух из пяти учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Отметим, что в рассматриваемый период янтарные бусы известны и в памятниках позднелатенской культуры Центральной Европы, и в погребениях кочевников Приднепровья и Крыма, а также меотов Закубанья. Не позднее I в. до н.э. янтарные бусы начинают использоваться и в Таксиле, и в могильниках Бишкентской долины в Таджикистане, и на востоке Сибири и в Китае. Обращает на себя внимание их довольно широкое распространение в погребениях хунну в Монголии конца I в. до н.э. — I в. н.э. В этом регионе и, вероятно, в Бактрии, судя по находкам из некрополя Тилля-тепе, янтарь начинают применять также как материал для инкрустации ювелирных изделий и поясных пряжек. Несмотря на то, что очевидно, что бусы из янтаря могли попадать к хунну и в Китай с запада (как балтийский янтарь использовался для изготовления бус из раннескифского кургана Аржан-2 в Туве), также как к ним попадали украшения из фаянса, коралл, стеклянные сосуды, однозначно рассматривать все янтарные бусы из погребений хунну, как изготовленные именно из балтийского янтаря, нельзя, и не только потому, что их состав специально не изучался, но и потому что на фоне остальных, однозначно импортных предметов, они довольно многочисленны. Тот факт, что этот янтарь мог иметь не обязательно балтийское происхождение, а происходить из Бирмы, подтвердило исследование янтарных предметов из датирующейся I в. н.э. гробницы M18 в Наньянге, пров. Хэнань.

В I — первой половине II в. н.э. бусы из янтаря получают широкое распространение как в некрополях античных городов и поселений Северного Причерноморья, так и варварских погребениях Крыма, сарматских погребениях Побужья, Приднепровья. Их относительно немного в погребениях кочевников Нижнего Подонья — чаще они встречаются в

междуречье Волги и Дона. В шести из пятнадцати учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Особенно часто встречаются янтарные бусы в погребениях позднесарматского времени, когда они известны практически на всей территории Сарматии от Карпато-Дунайского бассейна до междуречья Волги и Хопра, степей Южного Приуралья и Западного Казахстана. В этот период в погребениях чаще находят десятки бус. В Азиатской Сарматии выделяются три кластера: в первую очередь — Нижнее Подонье и южная часть Волго-Донского междуречья, а также — Южное Приуралье. Кроме того, значительное количество бус и подвесок происходит из двух погребений в междуречье Хопра и Волги. В этот период янтарь используется и для изготовления наверший мечей и кинжалов. В восьми из девятнадцати учтенных комплексов с янтарными бусами были найдены также бусы (подвески) из коралла.

Начиная со II—I вв. до н.э. янтарные бусы в погребениях довольно часто сочетаются с бусами и подвесками из коралла (в 40—47% случаев). Возможно, это указывает на общие источники поступления бус из этих экзотических материалов. В IV—III вв. до н.э., когда украшения из янтаря и коралла появляются у сармат Южного Приуралья, вероятно, пути их поступления были различные. Кораллы с большей вероятностью поступали через Переднюю Азию (Трейстер 2021).

Представленная публикация выполнена в рамках проекта, финансируемого DFG и РГНФ «Формы и пути культурных контактов кочевников Азиатской Сарматии. Импорты в сарматских памятниках II в. до н.э. — III в. н.э.» (FL-334/15-1). Партнер проекта с российской стороны — Б.А. Раев. Автор выражает искреннюю признательность за предоставленную нам возможность работать в экспозиции и фондах музеев, в которых хранятся рассмотренные в статье предметы: М.Е. Филимоновой и И.Р. Гусач (Азов, АИАПМЗ), Д.В. Васильеву (Астрахань, АГОИАМЗ), Н.В. Хабаровой†, А.В. Жадаевой (Волгоград, ВОКМ), Ю.В. Демиденко, К.Б. Фирсову (Москва, ГИМ), В.В. Науменко, Р.Д. Чернобривцевой (Новочеркасск, МИДК), О.А. Халяпиной (Оренбург, ГИКМ), Л.А. Краевой, Д.В. Мещерякову, Н.Л. Моргуновой (Оренбург, ОГПУ), И.П. Засецкой, Е.Ф. Корольковой, С.В. Воронятову (Санкт-Петербург, ГЭ), К.Ю. Моржерину, Н.М. Шумейко (Саратов, СОМК), М.К. Мурзагалиевой (Уральск, ЗКОИКМ), С.А. Науменко, Н.С. Щербаковой (Танаис, АМЗ) и А. Яшину (пос. Грибановский, Народный краеведческий музей).

Литература

Абрамова М.П. 1987. *Подкумский могильник.* Москва: Наука.

Абрамова М.П. 1993. *Центральное Предкавказье в сарматское время (III в. до н.э. — IV в. н.э.).* Москва: Институт археологии РАН.

Алексеева Е.М. 1975. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 1. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 1978. *Античные бусы Северного Причерноморья*. Ч. 2. Москва: Наука (САИ Г1-12).

Алексеева Е.М. 2010. Пелики из Горгиппии. *ПИФК* 1, 361—376.

Аникеева О.В. 2008. Минералого-петрографическое исследование каменного материала из погребальных комплексов могильника Покровка 10. В: Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10).* Москва: Восточная литература, 114—117.

Аникеева О.В. 2010. Каменный материал из могильника Прохоровка. В: Яблонский Л.Т. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус, 324—334.

Аникеева О.В. 2016. Инструменты для изготовления бус (по материалам могильника Филипповский I). В: Лукьяшко С.И. (ред.). *Античная цивилизация и варварский мир Понто-Каспийского региона. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 70-летнему юбилею Б.А. Раева. Кагальник, 20-21 октября 2016 г.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН, 20—28.

Аникеева О.В. 2017. Происхождение янтарных бус из наборов могильника Прохоровка (Южный Урал). В: Зайков В.В. (ред.). *Геоархеология и археологическая минералогия-2017. Материалы IV Всероссийской молодежной научной школы.* Екатеринбург: Институт минералогии УрО РАН, 92—95.

Аникеева О.В., Буяновская А.Г. 2010. Янтарь из Прохоровки. В: Яблонский Л.Т. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус, 335—357.

Аникеева О.В., Яблонский Л.Т. 2007. Опыт определения источников янтаря из могильника у д. Прохоровка. В: Скрипкин А.С. (ред.). *Проблемы археологии Нижнего Поволжья. II Международная Нижневолжская археологическая конференция*. Волгоград: Волгоградский государственный университет, 226—229.

Арсеньева Т.М. 1977. *Некрополь Танаиса.* Москва: Наука.

Арсеньева Т.М., Безуглов С.И., Толочко И.В. 2001. *Некрополь Танаиса. Раскопки 1981—1995 гг.* Москва: Палеограф.

Багриков Г.И., Сенигова Т.Н. 1968. Открытие гробниц в Западном Казахстане (II—IV и XIV вв.). *Известия Академии Наук Казахской ССР.* Серия общественные науки 2, 71—89.

Байпаков К.М., Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. 2005. *Раннесредневековые некрополи Южного Казахстана*. Ч. 1—2. Алматы: Баур.

Байпаков К.М., Таймагомбетов Ж.К. 2006. *Археология Казахстана*. Алматы: Қазақ университеті.

Балабанова М.А. (ред.). 2014. *Курганный могильник Перегрузное I: результаты междисциплинарных исследований.* Волгоград: Волгоградский филиал ФГБОУ ВПО РАНХиГС.

Беглова Е.А. 2005. Богатое женское погребение из Тенгинского грунтового могильника. В: Носкова Л.М. (ред.). *Материальная культура Востока*. Вып. 4. Москва: Государственный музей Востока, 166—181.

Беглова Е.А., Эрлих В.А. 2018. *Меоты Закубанья в сарматское время. По материалам Тенгинского грунтового могильника.* Москва: Нестор-История.

Безуглов С.И. 2000. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону: Терра, 169—192 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

Безуглов С.И. 2017. Позднесарматский курган у станицы Камышевской на Дону. *Вестник Танаиса* 4, 84—127.

Берестнев Р.С. 2017. *Сарматы в междуречье Хопра и Волги.* Дисс. … канд. ист. наук. Воронеж.

Беспалый Г.Е., Верещагин В.В. 2013. Склеп 2001 г. на Восточном некрополе Фанагории. В: Кузнецов В.Д. (ред.). *Материалы по археологии и истории Фанагории*. Т. 1 (Фанагория. Результаты археологических исследований. Вып. 1). Москва: Институт археологии РАН, 136—177.

Беспалый Е.И. 2000. Позднесарматское погребение из могильника Высочино V на водоразделе между Кагальником и Доном. В: Гугуев Ю.К. (ред.). *Сарматы и их соседи на Дону.* Ростов-на-Дону: Терра, 156—168 (Материалы и исследования по археологии Дона. Вып. 1).

Беспалый Е.И., Беспалая Н.Е., Раев Б.А. 2007. *Древнее население Нижнего Дона. Курганный могильник «Валовый 1»*. Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 2).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2008. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Высочино.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 1).

Беспалый Е.И., Лукьяшко С.И. 2018. *Древнее население междуречья Дона и Кагальника. Курганный могильник у с. Новоалександровка.* Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН (Материалы и исследования по археологии Юга России. № 1.2).

Бидзиля В.И., Полин С.В. 2012. *Скифский царский курган Гайманова Могила.* Киев: Скиф.

Богданов Е.С., Новикова О.И. 2017. Исследовательские работы на могильнике Курайка (Горный Алтай) в 2017 году. *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий* XXIII, 275—278.

Боталов С.Г., Гуцалов С.Ю. 2000. *Гунно-сарматы Урало-Казахстанских степей.* Челябинск: Рифей.

Бубнова М.А., Половникова И.А. 2001. Янтарь в Средней Азии. В: Седов А.В. (ред.). *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. Москва: Восточная литература, 124—135.

Быкова Н.В., Казанцева О.А. 2012. Ювелирные изделия из минералов в коллекциях могильников I—V веков в бассейне реки Камы. *Вестник Пермского Университета*. История 1(18), 93—104.

Вадецкая Э.Б. 1999. *Таштыкская эпоха в древней истории Сибири*. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское Востоковедение».

Вайнберг Б.И. 1992. Памятники скотоводческих племен в левобережном Хорезме. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 116—122 (Археология СССР).

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1992. Чирикрабатская культура в низовьях Сырдарьи. В: Мошкова М.Г. (ред.). *Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время*. Москва: Наука, 47—61 (Археология СССР).

Вайнберг Б.И., Левина Л.М. 1993. *Чирикрабатская культура*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН (Низовья Сырдарьи в древности. Вып. I).

Васильева Е.Е. 2009. Янтарные изделия в памятниках кобанской культуры (на примере могильника Кичмалка II). В: Марченко И.И. (ред.). *Пятая кубанская археологическая конференция.* Анапа, 05-10 октября 2009 г. Краснодар: Кубанский государственный университет, 35—39.

Васильева Е.Е. 2010. Янтарь в скифское время на Кавказе. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 25—34.

Виноградов Ю.А. 1998. О датировке комплекса находок у деревни Мерджаны. *Таманская старина.* Вып. 1. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 62—68.

Винокуров Н.И. 2014. *Некрополь античного городища Артезиан в Крымском Приазовье*. Симферополь, Керчь: Крымское отделение Института востоковедения им. А.Е. Крымского (БИ. Suppl. 12).

Власова Е.В. 2004. Курган Васюринская гора на Таманском полуострове. В: Ходза Е.Н. (ред.). *Эллинистические штудии в Эрмитаже. Сборник статей. К шестидесятилетию Михаила Борисовича Пиотровского.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 158—174.

Власова Е.В. 2010. Государственный Эрмитаж. Древности эллинские и местные. В: Бонгард-Левин Г.М., Кузнецов В.Д. (ред.). *Античное наследие Кубани.* Т. III. Москва: Наука, 198—262.

Ворошилов А.Н., Ворошилова О.Н. 2015. Золото в некрополе Фанагории. В: Трейстер М.Ю. (ред.). *Золото Фанагории*. Москва: Институт археологии РАН, 29—76 (Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып. 2).

Высотская Т.Н., Рыжова Л.А. 1998. Бусы могильника «Совхоз-10» («Севастопольский»). *Древности* (1997—1998), 116—133.

Гаврилов А.В., Труфанов А.А. 2012. Могильник II—I вв. до н. э. городища Куру-Баш (по материалам раскопок 2011 г.). В: Майко В.В. (ред.). *Древняя и средневековая Таврика*. Донецк: Донбасс, 43—70 (АА 28).

Гавритухин И.О., Свиридов А.Н., Язиков С.В. 2020. Могильник римского времени Фронтовое 3 в Юго-Западном Крыму (предварительное сообщение). *РА* 2, 91—110.

Гаджиев М.С. 1997. *Между Европой и Азией. Из истории торговых связей Дагестана в албано-сарматский период.* Махачкала: Институт истории, археологии и этнографии.

Гиголашвили Е.Г. 1983. Бусы. В: Лордкипанидзе О.Д. (ред.). *Вани. Археологические раскопки* VII. Тбилиси: Мецниереба, 96—112, 150—152. (на груз. яз. с резюме на рус. яз).

Глебов В.П. 2002. Погребение с монетами из могильника Шаумяна и вопросы хронологии среднесарматской культуры. *Донская археология* 1—2, 28—41.

Глебов В.П. 2006. К полемике о проблемах становления среднесарматской культуры. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры,* 59—68.

Глебов В.П., Ильяшенко С.М., Толочко И.В. 2005. Погребения с оружием эллинистического времени из некрополя Танаиса. *ДБ* 8, 52—97.

Гопкало О.В. 2008. *Бусы и подвески черняховской культуры*. Киев: Институт археологии НАНУ.

Горбенко А.А., Косяненко В.М. 2011. *Некрополь Паниардиса.* Азов: Азовский музей-заповедник (ДД. Вып. 11).

Грач Н.Л. 1999. *Некрополь Нимфея*. Санкт-Петербург: Наука.

Гугуев В.К., Нечипорук А.А. 2020. Погребение с римским импортом из некрополя Темерницкого городища. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 189—214.

Гущина И.И., Журавлев Д.В. 2016. *Некрополь римского времени Бельбек IV в Юго-Западном Крыму* Москва: ГИМ (Труды ГИМ. Вып. 205).

Гущина И.И., Засецкая И.П. 1994. «*Золотое кладбище» римской эпохи в Прикубанье.* Санкт-Петербург: Фарн.

Гуцалов С.Ю. 2007. Погребальные памятники кочевой элиты Южного Приуралья середины I тыс. до н.э. *Археология, этнография и антропология Евразии* 2, 75—92.

Гуцалов С.Ю. 2009. Погребения скифской эпохи могильников Лебедевка II—III. *НАВ* 10, 306—324.

Гуцалов С.Ю., Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. 2012. А7. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Лебедевка-II. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. 2. Москва: Таус, 39—44.

Дараган М.Н. 2011. *Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи.* Киев: КНТ.

Дашевская О.Д. 2014. *Некрополь Беляуса.* Симферополь: Предприятие Феникс.

Дворниченко В.В., Малиновская Н.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1977. Раскопки курганов в урочище «Кривая Лука» в 1973 г. В: Федоров-Давыдов Г.А. (ред.). *Древности Астраханского края*. Москва: Наука, 3—77.

Дворниченко В.В., Федоров-Давыдов Г.А. 1989. Раскопки курганов в зоне строительства Калмыцко-Астраханской и Никольской рисовых оросительных систем. В: Смирнов К.А. (ред.). *Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья*. Москва: Наука, 14—132.

Дзнеладзе Е.С. 2016а. *Бусы и подвески сарматов Северного Причерноморья.* Дисс. ... канд. ист. наук. Киев.

Довгалюк Н.П. 2008. Бусы Цемдолинского некрополя. В: Малышев А.А. (ред.). *Аспургиане на юго-востоке азиатского Боспора: по материалам Цемдолинского могильника*. Москва: Гриф и К, 188—243 (Некрополи Черноморья. Вып. 2).

Довгалюк Н.П. 2011. Бусы из некрополя Широкая Балка. В: Малышев А.А. (ред.). *Население предгорий Северо-Западного Кавказа в римскую эпоху по материалам некрополя Широкая Балка* Москва: Институт археологии РАН, 303—368 (Некрополи Черноморья. Вып. 4).

Елихина Ю.К. 2018. *Сокровища курганов Ноин-улы (Северная Монголия). Находки экспедиции П.К. Козлова 1923—1926 гг., хранящиеся в Государственном Эрмитаже*. Beau Bassin: Lambert Academic Publishing.

Ефимов К.Ю. 1998. Сарматские курганы в могильнике у с. Третьяки. В: Медведев А.П. (ред.). *Археологические памятники Верхнего Подонья I тысячелетия н.э.* Воронеж: Воронежский государственный университет, 19—35 (Археология восточноевропейской лесостепи. Вып. 12).

Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. 2003. «Ногайчинский» курган в степном Крыму. *ВДИ* 3, 61—99.

Заноч А. 2012. Фрако-гетские поселения Среднего Поднестровьяв контексте восточно-карпатских земель. В: Тельнов Н.П. (ред.). *Древности Северного Причерноморья III—II вв. до н.э.* Тирасполь: Приднестровский Государственный университет им. Т.Г. Шевченко, 73—80.

Засецкая И.П. 1993. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV — первой половины V в. н.э., *МАИЭТ* III, 23—104.

Засецкая И.П. 2019. *Искусство звериного стиля сарматской эпохи (II в. до н.э. — начало II в. н.э.)*. Симферополь: Антиква (Археологические памятники Северного Причерноморья. Вып. 1).

Ильюков Л.С. 2018. Позднесарматские лунницы из Нижнего Подонья. В: Малышев А.А. (ред.). *Международная научная конференция «Новое в исследованиях раннего железного века Евразии: проблемы, открытия, методики. Тезисы докладов.* Москва: Институт археологии РАН, 71—72.

Ильюков Л.С., Власкин М.В. 1992. *Сарматы междуречья Сала и Маныча.* Ростов-на-Дону: Ростовский государственный университет.

Итина М.А. 1998. Комплекс с янтарными бусами из Приаралья. *РА* 2, 164—168.

Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. 2020. Бусы в костюме населения сарматского времени Крыма и Альфёльда. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 10—43.

Калалы-гыр 2 2004: Вайнберг Б.И. (ред.). *Калалы-гыр 2: культовый центр в Древнем Хорезме IV—II вв. до н.э.* Москва: Восточная литература РАН.

Калашник Ю.П. 2014: *Греческое золото в собрании Эрмитажа. Памятники античного ювелирного искусства из Северного Причерноморья*. Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Кат. Москва 1996: Трейстер М. (ред.). *Сокровища Трои из раскопок Генриха Шлимана. Каталог выставки. ГМИИ им. А. С. Пушкина.* Москва: Леонардо Арте.

Кат. Новочеркасск 1979: *Каталог археологических коллекций. Музей истории донского казачества.* Новочеркасск: Музей донского казачества.

Кат. Ст. Петербург 2010: Федосеенко О.А. (ред.). *Янтарь в древних культурах. Художественные произведения из собрания Государственного Эрмитажа. Каталог выставки.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж.

Качарава Д.Д., Мжаванадзе З.К. 1986. Отчет о работах, проведенных на верхней террасе городища в 1980 году. В: Лордкипанидзе О.Д. (ред.). *Вани*. Т. VIII. Тбилиси: Мецниереба, 9—33 (на груз. яз. с резюме на русском).

Керефов Б.М. 1985. Чегемский курган – кладбище сарматского времени. В: Батчаев В.М., Барцева Т.Б., Керефов Б.М. *Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX—VII вв. до н.э. — II в. н.э.)*. Нальчик: Эльбрус, 135—259 (Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии 2).

Килуновская М.Е., Леус П.М. 2020. Ажурные бронзовые пряжки эпохи хунну в Туве. *Научное обозрение Саяно-Алтая* 1(25), 97—125.

Клочко В.И. 2008. Торговельний шлях Буг-Бог. In: Bednarczyk J. (ed.). *Na pograniczu światów. Studia z praziejów międzymorza baltycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 239—249.

Ковпаненко Г.Т. 1986. *Сарматское погребение I в. н.э. на Южном Буге.* Киев: Наукова думка.

Косяненко В.М. 2008. *Некрополь Кобякова городища (по материалам раскопок 1956—1962 гг.)*. Азов: Азовский историко-археологический музей-заповедник (ДД. № 9).

Кропотов В.В. 2016. Сарматские погребальные памятники степного Крыма. *НАВ* 15.1, 22—39.

Кубышев А.И., Бессонова С.С., Ковалев Н.В. 2009. *Братолюбовский курган*. Киев: Институт археологии НАНУ.

Ларенок В.А. 2018. Оружие в женских погребениях некрополя Кобякова городища. В: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*, 432—449.

Левина Л.М. 1996. *Этнокультурная история Восточного Приаралья. I тысячелетие до н.э. — I тысячелетие н.э.* Москва: Восточная литература.

Левина Л.М., Довгалюк Н.П. 1995. Бусы из джетыасарских памятников. *Низовья Сырдарьи в древности*. Вып. V. *Джетыасарская культура.* Москва: Институт этнологии и антропологии РАН, 202—228.

Ли Джи Ын 2010. *Китайский импорт в памятниках Юга Росии (I в. до н.э. — III в. н.э.).* Дисс. … канд. ист. наук. Ростов-на-Дону.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2010. Новые материалы из раскопок курганного некрополя у поселения Виноградное-7 на Тамани. *ΣΥΜΒΟΛΑ* 1, 152—163.

Лимберис Н.Ю., Марченко И.И. 2012. *Меотские древности Прикубанья VI—V вв. до н.э.* Краснодар: Кубанский государственный университет.

Лоренц А., Трейстер М. 2008. Каталог комплексов и находок. В: Трейстер М. (ред.). *Трехбратние курганы Курганная группа второй половины IV—III вв. до н.э. в Восточном Крыму*. Симферополь; Бонн: Универсум, 13—60.

Максименко В.Е. 1983. *Савроматы и сарматы на Нижнем Дону.* Ростов-на-Дону: Ростовский университет.

Максименко В.Е. 1998. *Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории)*. Азов: Азовский краеведческий музей. (ДД. № 6).

Малашев В.Ю. 2016. *Памятники среднесарматской культуры северокавказских степей и их традиции в курганных могильниках Северо-Восточного Кавказа второй половины II — середины V в. н.э.* Москва: Институт археологии РАН.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. 2008. *Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время (по материалам могильника Покровка 10).* Москва: Таус.

Мамонтов В.И. 1971. Курганный могильник Колпачки. *СА* 1, 209—216.

Мамонтов В.И. 2008. Сарматские погребения из курганного могильника Вербовский II. *НАВ* 9, 170—197.

Мамонтов В.И., Шинкарь О.А. 2014. Два сарматских погребения из курганного могильника Вербовский I. *НАВ* 14, 132—144.

Мандельштам А.М. 1966. *Кочевники на пути в Индию.* Москва, Ленинград: Наука (МИА. № 136).

Мандельштам А.М. 1975. *Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии.* Ленинград: Наука.

Мастыкова А.В. 1999. О распространении янтарных грибовидных бус-подвесок позднеримского времени на юге Восточной Европы и в Закавказье. В: Левада М.Е. (ред.). *100 лет черняховской культуре*. Киев: Товариство Археології та Антропології, 171—202.

Мастыкова А.В. 2016. О происхождении янтарных грибовидных бус-подвесок римского времени в Понто-Кавказском регионе. *Stratum plus* 4, 173—189.

Матюхин А.Д. 1997. Позднесарматские погребения из курганов у с. Большая Дмитриевка. В: *Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1996 году.* Вып. 2. Саратов: Комитет по историко-культурному наследию при Правительстве Саратовской области, 182—198.

Матюхин А.Д., Ляхов С.В. 1991. Новое позднесарматское погребение в лесостепном Саратовском Правобережье. В: *Археология Восточно-Европейской степи.* Вып. 2. Саратов: Саратовский государственный университет, 135—152.

Матющенко В.И., Татаурова Л.В. 1997. *Могильник Сидоровка в Омском Прииртышье.* Новосибирск: Наука.

Медведев, А.П. 2013. Позднеантичный некрополь Фанагории 4—5 вв. (раскопки 2005 г.). В: Кузнецов В.Д. (ред.). 2013. *Фанагория. Результаты археологических исследований*. Т. 1. *Материалы по археологии и истории Фанагории. Вып.* 1. Москва: Институт археологии РАН, 330—402.

Мещеряков Д.В., Моргунова Н.Л., Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С. 2012. А2. Могильник Бердянка-V. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.)*. Т. 2. Москва: Таус, 11—19.

Миняев С.С. 2007. *Дурестуйский могильник (Археологические памятники Сюнну 3).* 2-е доп. изд. Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ.

Мозолевский Б.Н. 1987. Малый Чертомлык. В: Черненко Е.В. (ред.). *Скифы Северного Причерноморья*. Киев: Наукова думка, 63—74.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 1999. «Прохоровские» погребения V Бердянского могильника. *АПО* 3, 124—146.

Моргунова Н.Л., Мещеряков Д.В. 2012. Позднесарматский курган на р. Бердянка в Оренбургской области. *АПО* 10, 211—218.

Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. 2007. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Симферополь; Бонн: Тарпан.

Мошеева О.Н. 1995. Ожерелье из Аршань Зельменя II. В: Мамонтов В.И. (сост.). *Древности Волго-Донских степей.* Вып. 5. Волгоград: Перемена, 40—45.

Мошкова М.Г. 1963. *Памятники прохоровской культуры*. Москва: Наука (САИ Д1-10).

Мошкова М.Г. 2009. Женское погребение в кургане 2 из Лебедевского могильного комплекса (раскопки Г.И. Багрикова). В: Фурасьев А.Г. (ред.). *Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем.* Санкт-Петербург: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 99—113.

Мошкова М.Г., Кушаев Г.А. 1973. Сарматские памятники Западного Казахстана. В: Смирнов А.П. (ред.). *Проблемы археологии Урала и Сибири. Сборник статей, посвящённый памяти Валерия Николаевича Чернецова.* Москва: Наука, 258—268.

Николаев Н.Н. 2010. Знаменский клад. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 54—59.

Онгарулы А., Ольховский В., Астафьев А., Дарменов Р. 2017. *Древние святилища Устюрта и Восточного Приаралья*. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана.

Очир-Горяева М.А. 2009. Богатое позднесарматское погребение из могильника Аршань-Зелмень. *НАВ* 10, 363—371.

Петренко В.Г. 2006. *Краснознаменский могильник. Элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе.* Москва; Берлин; Бордо: Палеограф.

Подольский М.Л. 2002. Знаменский клад из Хакасии. В: Савинов Д.В. (ред.). *Клады: состав, хронология, интерпретация.* Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 229—234.

Подушкин А.Н. 2014. Комплекс катакомбы 18 могильника Культобе с фибулой сарматского типа. *НАВ* 14, 118—129.

Подушкин А.Н. 2018. Тамго-образные знаки из катакомб арысской культуры Южного Казахстана III в. до н.э. — IV в. н.э. *Мир Большого Алтая. Международный научный журнал* 4(1), 61—101.

Полин С.В. 2014. *Скифский Золотобалковский курганный могильник V—IV вв. до н.э. на Херсонщине*. Киев: Олег Филюк.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2015. *Курганы Суцзуктэ (Ноин-Ула, Монголия).* Ч. 1. Новосибирск: Инфолио.

Полосьмак Н.В., Богданов Е.С. 2016. *Ноин-улинская коллекция. Результаты работы российско-монгольской экспедиции, 2006—2012 гг.* Новосибирск: Инфолио.

Прокопенко Ю.А. 2014. *Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н.э.* Ч. 1—2. Ставрополь: Северо-Кавказский федеральный университет.

Пуздровский А.Е. 2007. *Крымская Скифия. II в. до н.э. — III в. н.э. Погребальные памятники.* Симферополь: Бизнес-Информ.

Пуздровский А.Е. 2015. Склеп с элитными воинскими погребениями из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* II, 186—199.

Пшеничнюк А.Х. 1983. *Культура ранних кочевников Южного Урала.* Москва: Наука.

Пшеничнюк А.Х. 2012. *Филипповка*: *Некрополь кочевой знати IV века до н.э. на Южном Урале.* Уфа: Институт истории, языка и литературы УНЦ РАН.

Пьянков А.В., Анфимов И.Н. 2014. Поздняя группа погребений могильника Елизаветинского городища № 2 (раскопки 1978 г.). *Вестник РУДН. Серия Всеобщая история* 4, 84—101.

Ростовцев М.И. 1913. Представление о монархической власти в Скифии и на Боспоре. *ИАК* 49, 1—62, 133—140.

Ртвеладзе Э.В. 2012. *Великий индийский путь: из истории важнейших торговых дорог Евразии*. Санкт-Петербург: Нестор-История.

Румянцева О.С. 2009. Бусы могильника Брут 2 2-й половины II — середины III в. В: Габуев Т.А., Малашев В.Ю. *Памятники ранних алан центральных районов Северного Кавказа.* Москва: Институт археологии РАН; ТАУС, 341—437.

Рябкова Т.В. 2010. Украшения из янтаря в раннескифской культуре. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 35—42.

Садыкова М.Х. 1962. Сарматский курганный могильник у дер. Старые Киишки. В: Кузеев Р.Г., Сальников К.В. (ред.). *Археология и этнография Башкирии.* Т. I. Уфа: БФАН СССР, 88—122.

Седов А.В. 1987. *Кобадиан на пороге раннего средневековья*. Москва: Наука.

Сейткалиев М.К. 2014. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане. *Stratum plus* 4, 141—148.

Сергацков И.В. 1998. Сарматское погребение с римским импортом в низовьях Иловли. *РА* 4, 150—159.

Сергацков И.В. 2000. *Сарматские курганы на Иловле.* Волгоград: Волгоградский университет.

Сергацков И.В. 2006. Проблема становления среднесарматской культуры. В: *Раннесарматская и среднесарматская культуры*, 37—58.

Синика В.С., Закордонец О.А. 2018. Раковины из скифских погребений Северо-Западного Причерноморья. *Вестник Удмуртского университета. Серия История и филология* 28.1, 81—87.

Синицын И.В. 1960. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954—1955 гг.). В: Крупнов Е.И., Смирнов К.Ф. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья.* Москва: АН СССР, 10—168. (МИА 78. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. II).

Скаков А.Ю., Джопуа А.И., Хондзия З.Г. 2018. Новый комплекс эпохи раннего железа из села Абгархук (Абхазия). В: *Причерноморье в античное и раннесредневековое время*, 76—98.

Скворцов Н.Б., Скрипкин А.С. 2008. Погребение сарматской знати из Волгоградского Заволжья. *НАВ* 9, 98—116.

Скрипкин А.С. 1974: Позднесарматское катакомбное погребение из Черноярского района Астраханской области. *КСИА* 140, 57—63.

Скрипкин А.С. 1984. *Нижнее Поволжье в первые века нашей эры.* Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. 1990. *Азиатская Сарматия.* Саратов: Саратовский университет.

Скрипкин А.С. (ред.). 2013. *Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского областного краеведческого музея*. Волгоград: Издатель.

Скуднова В.М. 1988. *Архаический* некрополь *Ольвии. Публикация одной коллекции*. Ленинград: Искусство.

Смагулов Е.А. 2001. Амулетные наборы из погребений некрополя городища Коныртобе в Отрарском оазисе. *ИМКУ* 32, 90—100.

Смагулов Е.А., Ержигитова А.А. 2019. Золото древнего Туркестана (предварительное сообщение). *Қазақстан археологиясы* 4(6), 7—18.

Смирнов К.Ф. 1984. *Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии.* Москва: Наука.

Соенов В.И., Винокурова Г.А. 2000. Бусы из могильников гунно-сарматского времени Курайка и Верх-Уймон. В: *Итоги и перспективы геологического изучения Горного Алтая.* Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжное издательство, 151—155.

Соенов В.И., Константинова Е.А. 2015. Обработка камня у населения Алтая во II в. до н.э. — V в. н.э. *Историческая и социально-образовательная мысль*. Т. 7. № 5. Ч. 1, 53—57. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.053-057.

Сокольский Н.И. 1954. Боспорские мечи. В: Кобылина М.М. (ред.)., *Материалы и исследования по археологии Северного Причерноморья в античную эпоху.* Т. II. Москва: АН СССР, 123—196 (МИА 33).

Столярова Е.К. 2001. Бусы могильника Бельбек IV. В: Гущина И.И., Журавлев Д.В. (ред.). *Поздние скифы Крыма*. Москва: ГИМ, 194—222 (Труды ГИМ 118).

Стоянова А.А. 2012. *Детские погребения из могильника Опушки (по результатам раскопок 2003—2009 гг.).* Симферополь: Доля.

Тельнов Н.П., Четвериков, И.А., Синика, В.С. 2016. *Скифский могильник III—II вв. до н.э. у с. Глиное.* Тирасполь: Stratum plus.

Толстов С.П. 1962. *По древним дельтам Окса и Яксарта.* Москва: Восточная литература.

Торгоев А.И., Кольченко В.А. 2017. Погребение позднесарматского времени с ювелирными украшениями на городище Красная речка. В: Киджи В.В., Поскачева И.В., Царев Н.В. (сост.). *Ювелирное искусство и материальная культура.* Санкт-Петербург: Государственный Эрмитаж, 166—174.

Трапш М.М. 1969. *Древний Сухуми*. Сухуми: Алашара.

Трейстер М.Ю. 1996. Троянские клады (атрибуции, хронология, исторический контекст. В: Кат. Москва 1996, 197—240.

Трейстер М.Ю. 2007. Торевтика и ювелирное дело в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э. (эллинистическая традиция). В: Мордвинцева В.И., Трейстер М.Ю. *Произведения торевтики и ювелирного искусства в Северном Причерноморье. II в. до н.э. — II в. н.э.* Т. 1. Симферополь; Бонн: Тарпан, 15—194.

Трейстер М.Ю. 2012а. Сосуды из драгоценных металлов ахеменидского круга из Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 50—87.

Трейстер М.Ю. 2012б. Алебастровые сосуды из Южного Приуралья. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 1. Москва: Таус, 98—105.

Трейстер М.Ю. 2018. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. — III в. н.э.). *МАИАСП* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004.

Трейстер М.Ю. 2019. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре. *ДБ* 24, 553—580.

Трейстер М.Ю. 2020. Бронзовые сосуды позднереспубликанского времени из погребений кочевников Азиатской Сарматии. *ПИФК* 4, 41—109.

Трейстер М.Ю. 2021. Коралловые украшения и элементы декора в ювелирных изделиях и предметах торевтики из погребений кочевников Азиатской Сарматии в контексте торговли экзотическими материалами в Евразии. *ВДИ* (в печати).

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012а. А11. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Прохоровка. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 65—76.

Трейстер М.Ю., Шемаханская М.С., Яблонский Л.Т. 2012б. А13. Комплексы с предметами ахеменидского круга могильника Филипповка-I. В: Трейстер М.Ю., Яблонский Л.Т. (ред.). *Влияния ахеменидской культуры в Южном Приуралье (V—III вв. до н.э.).* Т. 2. Москва: Таус, 84—156.

Трифанова С.В., Соенов В.И. 2012. Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени (II в. до н.э. — V в. н.э.). *Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики* 10(24), 192—195.

Трифанова С.В., Соенов В.И. 2019. *Украшения населения Алтая гунно-сарматского времени.* Горно-Алтайск: Горно-Алтайский государственный университет.

Трудновская С.А. 1952. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала. В: Толстов С.П., Жданко Т.А. (ред.). *Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции, 1945—1948*. Москва: АН СССР, 119—134 (Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. Т. I).

Труфанов А.А. 2014. Могильник I—III вв. н.э. у с. Холмовка и впускные погребения первых веков н.э. в курганах Юго-Западного Крыма. *История и археология Крыма* I, 183—209.

Труфанов А.А. 2016. Наконечники копий из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* IV, 47—60.

Труфанов А.А. 2018. Подбойная могила с детским погребением из Усть-Альминского некрополя. *История и археология Крыма* VII, 132—148.

Труфанов А.А., Медведев Г.В., Соломоненко А.Е., Лысенко В.А., Деваев А.С. 2019. Исследования Усть-Альминского некрополя в 2018 г. *История и археология Крыма* XI, 265—268.

Ульские курганы 2015: *Ульские курганы. Культово- погребальный комплекс скифского времени на Северном Кавказе.* Москва; Берлин; Бордо: Палеограф (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. T. 2).

Федосеев Н.Ф., Пономарев Л.Ю. 2017. Погребальный и жилищно-хозяйственный комплекс склепа № 7 Кызаульского некрополя (Крым). *История и археология Крыма* V, 82—132.

Храпунов И.Н., 2008. *Позднескифский могильник Фонтаны (по результатам раскопок 2000—2001 гг.)*. Симферополь: Доля.

Храпунов И.Н. 2020. Склеп с монетами III в. н.э. из могильника Опушки. *НАВ* 19. № 2, 247—278. DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13.

Храпунов И.Н., Мульд С.А., Стоянова А.А. 2009. *Позднескифский склеп из могильника Опушки.* Симферополь: Доля.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2016. Первые погребения в могильнике Нейзац. *История и археология Крыма* III, 200—234.

Храпунов И.Н., Стоянова А.А. 2020. Каменный склеп Опушкинского могильника. В: Храпунов И.Н. (ред.). *Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. — IV в. н.э.)* VI. Симферополь: Салта ЛТД, 66—112.

Хршановский В.А. 2010. Новые погребальные памятники на Илуратском плато. *ΣΥΜΒΟΛΑ* 1, 254—256.

Чугунов К.В. 2010. Янтарь среди золота кочевнических владык. Царский курган раннескифского времени Аржан-2 в Туве. В: Кат. Ст. Петербург 2010, 47—53.

Чугунов К.В. 2011. Дискретность постройки «царских» мемориалов Тувы и хронология раннескифского времени. В: Молодин В.И., Хансен С. (ред.). *«Terra Scythica»: Материалы международного симпозиума «Terra Scythica».* Новосибирск: Институт археологии и этнографии СО РАН, 358—369.

Шилов В.П. 1959. Калиновский курганный могильник. В: Крупнов Е.И. (ред.). *Древности Нижнего Поволжья*. Т. 1. Москва: АН СССР, 323—523 (МИА 60. Итоги работ Сталинградской археологической экспедиции. Т. I).

Шилов В.П. 1968. Позднесарматское погребение у с. Старица. В: Гайдукевич В.Ф. (ред.). *Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья.* Ленинград: Наука, 310—323.

Шкорпил В.В. 1910. Отчет о раскопках в г. Керчи и на Таманском полуострове в 1907 г. *ИАК* 35, 12—47.

Шкорпил В.В. 1916. Отчет о раскопках в Керчи, на Таманском полуострове и в Алуште в 1912 г. *ИАК* 60, 7—35.

Шрамко И.Б. 2017. Новый погребальный комплекс раннескифского времени в могильнике Скоробор. *Археологія і давня історія України* 2(23), 368—380.

Яблонский Л.Т. 2010. *Прохоровка. У истоков сарматской археологии.* Москва: Таус.

Яблонский Л.Т. 2015. Новые необыкновенные находки из кургана 1 могильника Филипповка-1. *АЭАЕ* 43.2, 97—108.

Яблонский Л.Т. 2016. Новые археологические данные об ахеменидских влияниях на Южном Урале. *ВДИ* 76.3, 744—766.

Ягодин В.Н., Ходжайов, Т.К. 1970. *Некрополь древнего Миздахкана.* Ташкент: Фан.

Язиков С.В., Свиридов А.Н., Алейников С.В. 2019. Раскопки могильника первых веков новой эры Фронтовое 3. В: Внуков С.Ю., Шаров О.В. (ред.). *Крым — Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017—2018 гг.* Т. 2. Москва: Институт археологии РАН, 277—313.

Atasoy S. 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey. *American Journal of Archaeology* 78, 255—263.

Bagherpour Kashani N. 2011. *Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran.* Diss. … Doctor of Philosophy. Bochum.

Bagherpour Kashani N., Roustaei K., Stöllner T. 2011. Iron Age Amber Beads from Vešnave / Iran. *AMIT* 43, 71—78.

Baird J. 2016. Everyday Life in Roman Dura-Europos. In: Kaizer T. (ed.). *Religion, Society and Culture at Dura-Europos*. Cambridge: Cambridge University Press, 30—56. (Yale Classical Studies). DOI: 10.1017/9781316403488.004.

Bassignano M.S. 1994. L'ambre: de l'Europe centrale en Cisalpine: J. Kolendo, L'ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee; H. Galsterer, Nutrire Roma. L'approvvigionamento della metropoli in età imperiale. *Dialogues d'histoire ancienne* 20.1, 357—364.

Baughan E.P. 2013. *Couched in Death: Klinai and Identity in Anatolia and Beyond*. Madison: The University of Wisconsin Press.

Beck C.W., Hartnett H.E. 1993. Sicilian Amber. In: Beck C.W., Bouzek J., Dreslerová D. (eds.). *Proceedings of the Second Conference on Amber in Archaeology*. Liblice: Institute of Archaeology, Czech Academy of Sciences, 36—47.

Beck C.W., Stout E.C. 1999. Amber from Liaoning Province and Liao Amber Artifacts. In: Bunker E.C., White J., So J.F. (eds.). *Adornment for the Body and Soul: Ancient Chinese Ornaments from the Mengdiexuan Collection*. Hong Kong: The University of Hong Kong; University of Museum and Art Gallery, 167—172.

Beck H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publication (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).

Beglova E.A. 2005. The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41—84.

Berezanskaja S.S., Kločko V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka*. Rahden/Westf.: Marie Leidorf GmbH. (Archäologie in Eurasien 5).

Bespaly E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR Intern. Ser. 278).

Blečić Kavur M., Kavur B. 2017. Many Shades of Translucent: Amphoriskos-shaped Glass Beads from Vičja luka. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 110-1, 93—112.

Bochnak T. 2010. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemie polskie — zarys problematyki. In: Gediga B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie, 391—419 (Biskupińskie Prace Arch. 8).

Bochnak T. 2015. Chihlimbarul, dar şi ce altceva pe drumul chihlimbarului? Mărfurile căutate de celţi în nordul Carpaţilo. *Istros* XXI, 343—380.

Bochnak T., Harasim P. 2012. Interregional and Multidirectional Contacts of Local Elites: A Case of Scabbards with Crossbars Decorated with Three or More S-Figures in Northern Poland. *Archaeologia baltica* 18, 59—82.

Božič D. 1998. Neues über die Kontakte längs der Bernsteinstraße während der Spätlatènezeit. *Arheološki vestnik* 49, 141—156.

Brosseder U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349—424.

Brosseder U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: *Complexity of Interaction*, 199—332.

Bunker E.C., Watt Y.C.Y., Zhisun Sun 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and other New York Collections.* New York; New Haven; London: Metropolitan Museum of Art.

Buora M. 2014. Bernstein im römischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 56—64.

Calligaro T.F. 2010. Materialanalysen: Untersuchungen an Steineinlagen und Gold aus Tillya Tepe. In: Kat. Bonn 2010, 277—279.

Calvi M.C. 2005. *Le ambre romane di Aquileia*. Treviso: Associazione Nazionale per Aquileia (Pubblicazioni dell'Associazione Nazionale per Aquileia 10).

Castor A. 2009. An Early Hellenistic Jewellery Hoard from Poggio Colla. *Memoirs of the American Academy at Rome* 54, 245—262 (Vicchio di Mugelo).

Cat. Belgrade 2006: Palavestra A., Krstić V. *The Magic of Amber.* Belgrade: Narodni muzej—Beograd.

Cat. Belgrade 2018: Ardjanliev P., Chukalev K., Cvjetićanin T., Damyanov M., Krstić V., Papazovska A., Popov H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.

Cat. Bologna 2010: Orsini B. (ed.). *Le lacrime 7 delle ninfe. Tesori d'ambra nei musei dell'Emilia-Romagna*. Bologna: Istituto per i beni artistici culturali e naturali della Regione Emilia-Romagna (Istituto per i beni artistici culturali e naturali della regione Emilia-Romagna. Dossier 8).

Cat. Istanbul 2008: Seipel W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos-Verlag.

Cat. London 2017: Simpson St John, Pankova S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson; The British Museum.

Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni.* Venezia: Mondadori Electa.

Cat. Napoli 2007: Nava M.L., Salerno A. (eds.). *Ambre: Trasparenze dall'antico trasparenze dall'antico; Napoli, Museo Archeologico Nazionale, 26 marzo - 10 settembre 2007.* Milano: Ministero per i Beni e le Attività Culturali.

Cat. New York 2012: Stark S., Rubinson K.S. (eds.). *Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. New York; Princeton: Princeton University Press.

Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milano: Mondadori Electa.

Cat. Rome 2005: Anisimova L., Bonora G.L., Franchi C., Karavaeva L., Plakhov V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams.

Cat. San Diego 2006: Chang D. (ed.). *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. San Diego: Foundation for International Arts and Education.

Cat. Thessaloniki 1985: Βοκοτοπουλου Ι. (ed.). *Σινδος: καταλογος της εκθεσης.* Thessalonike: Αρχαιολογικο Μουσειο Θεσσαλονικης.

Cat. Ulaanbaatar 2011: Ėrėgzėn G. (ed.). *Treasures of the Xiongnu* / Эрэгзэн Г. (ред.). *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences.

Causey F. 2011. *Ancient Carved Ambers in the J. Paul Getty Museum*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Chen D., Zeng Q., Yuan Y., Cui B., Luo W. 2019. Baltic Amber or Burmese Amber: FTIR Studies on Amber Artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta.* Pt. A. *Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2019 Nov; 222:117270.

Chrysostomou A. 2016. Fibules et épingles féminines archaïques de la nécropole occidentale d'Archontiko de Pella. In: Chryssanthaki-Nagle K., Descamps-Lequime S., Guimier-Sorbets A.-M. (eds.). *La Macédoine du vie siècle avant J.-C. à la conquête romaine. Formation et rayonnement culturels d'une monarchie grecque.* Paris: Éditions de Boccard, 93—110.

Chrysostomou A., Chrysostomou P. 2002. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού Πέλλας κατά το 2002. *Τό ἀρχαιολογικό ἔργο στη Μακεδονία και στη Θράκη* 16*,* 465—478.

Chrysostomou P., Chrysostomou A. 2012. *The Lady of Archontiko*. In: Stampolidis N.Chr. (ed.). *"Princesses" of the Mediterranean in the Dawn of History*. Athens: Museum of Cycladic Art, 366—387.

Chytráček M., Chvojka O., Metlička M., Michálek J., Golec M. 2017. Bernstein der älteren Eisenzeit und die Frage des Verlaufs der Bernsteinstraßen in Mitteleuropa. In: *Fines Transire* 26, 173—182.

Cool H.E.M. 2016. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995—2006*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 17).

Croom A.T. 2018. Amber Beads in Roman Britain. URL: https://www.academia.edu/41062706 /Amber_beads_in_Roman_Britain (accessed 01.10.2020).

Čugunov K.V., Parzinger H., Nagler A. 2010. *Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva*. Mainz: von Zabern (Archäologie in Eurasien 26; Steppenvölker Eurasiens 3).

Cultraro M. 2007. Evidence of Amber in Bronze Age Sicily: Local Sources and the Balkan Mycenaean Connection. In: *Between the Aegean*, 377—389.

Cultraro M. 2016. Undercurrents: Cultural Interactions Between Southern Caucasus and Northern Aegean during the Early and Middle Bronze Age. In: *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop. September 23-25, 2016 Georgia. Proceedings*. Tbilisi: Mtsignobari, 49—61.

Cwaliński M. 2014. The Influx of Amber to the Circum-Adriatic Areas during the Bronze Age. Proposition of an Interpretative model. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 50.2, 183—199.

Czebreszuk J. 2007. Amber between the Baltic and the Aegean in the Third and Second Millennium BC (an Outline of Major Issues). In: *Between the Aegean*, 363—369.

Czebreszuk J. 2009. Ways of Amber in the Northern Pontic Area. An Outline of Issues. *Baltic-Pontic Studies* 14, 87—102.

Dasen V. 2015. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity. In: Boschung D., Bremmer J.N. (eds.). *The Materiality of Magic*. Paderborn: Wilhelm Fink, 177—204 (Morphomata 20).

Del Socorro N. 2017. *Rites funéraires dans le royaume Téménide et ses régions environnantes à la période archaïque.* Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris.

Demirer Ü. 2019. Telesphoros'un köken sorunu. *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* 9 (18), 53—67.

Deo S.B. 2000. *Indian Beads: A Cultural and Technological Study*. Pune: Deccan College Postgraduate and Research Institute.

Despini Ai., 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία.

De Waele A. 2007. The Beads of ed-Dur (Umm al-Qaiwain, UAE). Papers from the Fortieth Meeting of the Seminar for Arabian Studies held in London, 27—29 July 2006. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 37, 297—308.

Drda P., Rybová A. 1995. Prostorové razložení specializovaného řemesla v zástavbě keltského oppida. *Arch. Rozhledy* 48, 596—613.

Ebert M. 1929. Südrußland. In: Ebert M. (Hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte.* Bd. XIII. Berlin: Walter de Gruyter, 32—114.

Echt R. 1999. *Das Fürstinnengrab von Reinheim*. Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 69).

Eger C., Khalil L. 2013. Bead Jewellery of Late-Roman and Byzantine Time in the Province of Arabia: the Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan. *Zeitschrift für Orient-Archäologie* 6, 156—181.

Egiimaa T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 112—129.

Erdenbaatar D. 2011. A Glass Bowl. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 186—187.

Erdenbaatar D., Iderkhangai T.-O., Galbadrakh B., Minzhiddorzh E., Orgilbaiar S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: *Xiongnu Archaeology*, 303—314.

Erezgen G. 2013. Belt Decoration. In *Encyclopaedia Xiongnu*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, 25—26.

Ernée M. 2017. Ostseeküste — Mykene — und was dazwischen? Eine vergessene Bernsteinstraße. In: *Fines Transire* 26, 111—131.

Fischer J. 1990. Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg. *Germania* LXVIII, 115—127.

Gagetti E. 2000. Anelli di età romana scolpiti in ambra e in pietra dura dalla collezione di Toppo presso i Civici Musei di Udine. *Aquileia Nostra* 76, 193—250.

Gagetti E. 2001. Anelli di età romana in ambra e in pietre dure. In: Sena Chiesa G. (ed.). *Arte e materia. Studi su oggetti d'ornamento di età romana* (Quaderni di "Acme", 49). Milano: Cisalpino, 191—485.

Gergova D. 2009. Amber in Ancient Thrace. In: *Amber in Archaeology*, 178—189.

Gershevitch I. 1969. Amber at Persepolis. *Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliano Oblata* 29, 167—251.

Gestoso Singer G.M. 2008. Amber in the Ancient Near East. *i-Medjat* 2, 17—19.

Gestoso Singer G.M. 2016. Amber Exchange in the Late Bronze Age Levant in Cross-cultural Perspective. *Aula Orientalis* 34/2, 251—264.

Guguev V.K., Treister M.Ju. 1992. Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *Revue Archéologique* 2, 243—271.

Harasim P. 2013. Studia nad lateńskimi oraz prowincjonalnorzymskimi importami w kulturze oksywskiej. *Wiadomości Archeologiczne* LXIV, 3—48.

Henkelmann W.F.M. 2012. The Achaemenid Heartland: An Archaeological — Historical Perspective. In: Potts D.T. (ed.). *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East*. Chichester: Wiley-Blackwell, 931—962.

Honneychurch W. 2015. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honneychurch W. (ed.). *Inner Asia and the Spatial Politics of Empire: Archaeology, Mobility, and Culture Contact*. New York, NY: Springer, 261—296. DOI: 10.1007/978-1-4939-1815-7_9.

Horváth A.M. 2017. A Beads and Birds. Special Finds from the La Tène Cemetery at Csepel Island. *Budapest Régiségei* 50, 53—67.

Horváth A.M. 2019. A Preliminary Study of a Rare Fibula Type (the so called Altmark Fibulae) from the La Tène cemetery of Csepel. *Studia Historica Nitriensia* 23 Supplementum, 107—124.

Hyeung-Won Y., Eun-Jeong C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 261—274.

Iderkhangai T., Orgilbayar S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. В: Редькин А.Г., Ротанова И.Н. (ред.). *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. Материалы XIII Международной научной конференции. Барнаул, 20-22 сентября 2017 г.* Барнаул; Ховд: Издательство Алтайского Государственного Университета, 208—213.

Ignatiadou D. 2007. Amber and Glass Inlays. A Chronological Sequence. In: Kaplanidou D., Chioti I. (eds.). *Ancient Macedonia VII. Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 473—483.

Ivanova S., Kuleff I. 2009. Archaeological Amber from the Late Bronze and Iron Ages from the Territory of Present Bulgaria. *Archaeologia Bulgarica* XIII, 3, 23—46.

Jevtić M., Lazić M., Sladić M. 2006. *Židovarsko blago ostava srebrnog nakita iz naselja Skordiska* / *The Židovar treasure. Silver jewelry hoard from the settlement of Scordisci*, Vršac: Gradski muzej; Beograd: Filozofski fakultet.

Jyotsna M. 2000. *Distinctive Beads in Ancient India*. Oxford: Archaeopress (BAR International Series 864).

Kacharava D. 2005. Recent Finds at Vani. In: *Dialogues d'histoire ancienne. Supplément n°1. Hommage à Pierre Lévêque*. Besançon: Universite de Franche-Comte, 291—309.

Kacharava D., Kvirkvelia G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Institute for the Study of the Ancient World.

Kacharava D., Kvirkvelia G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *ACSS* 14, 237—315.

Kakhidze A. 2007. *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari* (Pichvnari II). Batumi; Oxford: Ashmolean Museum.

Karwowski M. 2018. The Celtic Weinviertel on the Crossroads. From the Study of Eastern Celtic Late La Tene Fibulae. In: Guštin M., David W. (eds.). *The Clash of Cultures? — The Celts and the Macedonian World. Proceedings of the conferences "Going south" in Piran 2013 and "Going north" in Manching 2014*. Manching: Kelten Römer Museum, 269—278 (Schriften des Kelten Römer Museums Manching 9).

Kat. Berlin 1988. Demakopoulou K. (Hrsg.). *Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.

Kat. Bochum 2005: Yalcın U., Pulak C., Slotta R. (Hrsg.). *Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren*. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bochum 2013: Stöllner T., Samašev Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens*. *Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bonn 2010: *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der BRD.

Kaur S., Stout E., Kaur T., Estridge V. 2012. Infrared Spectroscopy of Amber Samples from the Artemision Excavations of 1904/1905. *Anatolia antiqua* 20, 39—43.

Klochko L.S. 2009. Amber in Garments of Populations of Scythia (Ways and Forms of Receptions). *Baltic-Pontic Studies* 14, 415—438.

Knigge U. 1976. *Der Südhügel.* Berlin: Walter de Gruyter (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9).

Kolendo J. 1981. *A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego (Studia Antiqua 3).

Kolendo J. 1993. L' ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee. *La ricostruzione dell'ambiente antico attraverso lo studio e l'analisi del terreno e dei manufatti* 8. Padova: Centro stampa Palazzo Maldura (Archeologia strumenti 1).

Korom A. 2018a. Archaeological Study of Face Beads excavated from an Early Sarmatian Grave. In: Rácz Z., Koncz I., Gulyás B. (eds.). "*Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság — kereskedelem — kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy — trade — craftsmanship*. Budapest: Eötvös Loránd University, Institute of Archaeological

Sciences, 21—32 (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Supplementum 2).

Korom A. 2018b. Korai szarmata sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: Korom A. (Hrsg.). *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy)*. Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem, Régészettudományi Intézet; Budapesti Történeti Múzeum, 175—202 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9).

Koryakova L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz J., Farkas A., Valtz Fino E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koster A. 2014. Römische Bernsteinkunst aus der Provinz Germania inferior. In: *Die Bernsteinstraße,* 65—71.

Krefter F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen 3).

LaBaume P. 1968. Römische Bernsteinarbeiten in Köln. In: Claus M., Haarnagel W., Raddatz K. (Hrsg.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Festschrift H. Jankuhn.* Neumünster: Karl Wachholtz, 108—114.

Lehmann K. 1953. Samothrace*:* Sixth Preliminary Report. *Hesperia* 22, 1—24.

Lekishvili D. 2005. Amber Beads in Late Classical Burials of Mtskheta. *Iberia-Colchis* 2, 142—147.

Ljuština M. 2013. Southern Fringe of the Carpathian Basin during the 4th Century BC and the First Contacts with the La Tène World: the Case Study of the Belgrade Confluence, Serbia. *Acta Archaeologica Carpathica* 48, 87—110.

Lojacono A. 2019. Pendagli in ambra dalla necropoli peuceta di Santo Stefano a Gravina in Puglia. Il caso della tomba 28. *LANX* 27, 184—194.

Lordkipanidze N. 2015. *Ancient Georgian Jewellery* (in Georgian with summary in English). Tbilisi: Karchkhadze Publishing.

Lorenz H. 2004. *Chorologische Untersuchungen in dem spätkeltischen Oppidum bei Manching am Beispiel der Grabungsflächen der Jahre 1965—1967 und 1971*. Stuttgart: Franz Steiner (Die Ausgrabungen in Manching 16).

Łuczkiewicz P. 2012. Fragen zu Handelsrouten und Fernkontakten im ostgermanischen Raum am Ende der vorrömischen Eisenzeit. In: Tappert C., Later C., Fries-Knoblach J., Ramsl P.C., Trebsche P., Wefers S., Wiethold J. (Hrsg.). *Wege und Transport. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der 80. Verbandstagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Nürnberg 2010*. Langenweißbach: Beier & Beran; Archäologische Fachliteratur, 111—130 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 69).

Machicek M.L. 2011. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. In: *Xiongnu Archaeology*, 173—180.

Maciałowicz A., Rudnicki M., Strobin A. 2016. With Gold and Sword. Contacts of Celts and early Germanics in central Europe. The Historical Background: 3rd — 1st c. BC. In: Rzeszotarska-Nowakiewicz A. (ed.). *The Past Societies. Polish Lands from the First Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages 4: 500 BC — 500 AD*. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 134—161.

Mangani L. 1982. Adria (Rovigo) — necropoli in loc. Ca' Garzoni. Prima campagna di scavo, 1966. *Notizie degli Scavi di antichità* Ser. 8, 36, 5—107.

Maran J. 2013. Bright as the Sun: The Appropriation of Amber Objects in Mycenaean Greece. In: Hahn H.P., Weiss H. (eds.). *Mobility, Meaning and the Transformations of Things.* Oxford: Oxbow Books, 147—169.

Marshall J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.

Mastrocinque A. 1991. *L'ambra e l'Eridano: Studi sulla letteratura e sul commercio dell'ambra in eta preromana.* Este: Zielo.

Metzler J., Gaeng C. 2009. *Goeblange-Nospelt — une nécropole aristocratique trévire*. Luxembourg: Musée national d'histoire et d'art (Doss. Arch. Mus. Nat. Hist. et Art 13).

Miller B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559—578.

Miller B.K. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. In: *Complexity of Interaction*, 127—198.

Miller B.K., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C., 2006. A Xiongnu Tomb complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002—2005). *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology* 2.2(271), 1—21.

Miller B.K., Bayarsaikhan J., Konovalov P.B., Egiimaa T., Logan J., Machicek M. 2009. Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008. *The Silk Road* 7, 8—20.

Montanaro A.C. 2012. *Ambre figurate. Amuletti e gioielli dalla Puglia preromana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 184).

Montanaro A.C. 2015a. Le ambre figurate in Italia meridionale tra VIII e V sec. a.C. Note sui centri di produzione e sulle botteghe. *Taras* XXXV, 35—64.

Montanaro A.C. 2015b. *Ornamenti e lusso nell'antica Peucezia. Le aristocrazie tra VII e III secolo a.C. e I rapport con Greci ed Etruschi* (Studia archeologica 201). Roma: L'Erma di Bretschneider.

Moorey P.R.S. 1999. *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence.* Winona Lake: Eisenbrauns.

Mordvintseva V.I., Zaitsev Y.P. 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea. *ACSS* 9, 193—257.

Mukherjee A., Roßberger E., James M., Pfälzner P., Higgitt C., White R., Peggie D.A., Azar D., Evershed R. 2008. The Qatna lion: Scientific confirmation of Baltic amber in late Bronze Age Syria. *Antiquity* 82(315), 49—59.

Murillo-Barroso M., Peñalver E., Bueno P., Barroso R, de Balbín R., Martinón-Torres M. 2018. Amber in prehistoric Iberia: New data and a review. *PLoS ONE* 13(8): e0202235. DOI: 10.1371/journal.pone.0202235.

Musche B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.

Naso A. 2007. Klinai lignee intarsiate dalla Ionia all'Europa centrale. *RM* 113, 9—34.

Naso A. 2013. Amber for Artemis. Preliminary Report on the Amber Finds from the Sanctuary of Artemis at Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 82, 259—278.

Niculiţă I., Zanoci A., Matveev S., Băţ M. 2011. Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare. In: Măgureanu D., Măndescu D., Matei S. (eds.). *Archaeology: Making of and Practice. Studies in Honor of Mircea Babeş at the 70th Anniversary.* Piteşti: Ordessos, 193—204.

Nüsse H.-J. 2011. Bernstein in Mitteleuropa. Apotropaion und Prestigeobjekt zwischen Latènezelt und frühem Mittelalter. *EurA* 17, 233—250.

Oculicz-Kozaryn J., Nowakowski W. 1996. In Search of the Amber Routes: Traces of Contacts Between South-Eastern Coasts of the Baltic Sea and the Celto-Illyrian and Dacian Territories. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 157—172.

Odbaatar Ts. 2011. Xiongnu Belts. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 130—141.

Palavestra A. 2007. Was there an Amber Route? *Aegaeum* 27, 349—355.

Palavestra A. 2018. Amber in Trebenishte. In: Cat. Belgrade 2018, 115—121.

Park J., Yun E., Kang H., Ahn J., Kim G. 2016. IR and py/GC/MS Examination of Amber Relics excavated from 6th Century Royal Tomb in Korean Peninsula. *Spectrochimica acta. Pt. A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2016 Aug; 165:114—119. DOI: 10.1016/j.saa.2016.04.015.

Pfälzner P. 2011. Goldplaketten und andere prestigehaltige Einzelobjekte aus Gold, Silber und Bernstein aus der Königsgruft von Qaṭna im Kontext von Bestattung und Ritual. In: *Interdisziplinäre Studien*, 137—190.

Pfrommer M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks* (Istanbuler Forschungen 37). Tübingen: Wasmuth.

Pieniążek M. 2016. Amber and Carnelian: Two Different Careers in the Aegean Bronze Age. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 52, 51—66.

Pieniążek M. 2020. Carnelian, Agate, Amber and Other Gemstones: Production and Exchange in Late Bronze Age Alalakh. In: Yener K.A., Ingman T. (eds.). *Alalakh and its Neighbours. Proceedings of the 15th Anniversary Symposium at the New Hatay Archaeology Museum, 10-12 June 2015*. Leuven; Paris; Bristol, CT.: Peeters Publishers, 117—140 (Ancient Near Eastern Studies Supplement 55).

Poppa R. 1978. *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof.* Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 18).

Prêtre Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: Ecole française d'Athènes (Études Thasiennes 23).

Przybyła M.J., Rydzewska E. 2019. Amber as Passage Money on the Journey to the Afterlife: the Role of Jutland Amber in the Late Roman and Early Migrations Periods (ca. 160—450 AD). In: Annaert R. (ed.). *Early Medieval Waterscapes Risks and oOpportunities for (im)material Cultural Exchange*. Wendeburg: Braunschweigisches Landesmuseum, 153—172 (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 8).

Pulinetti I. 2019. Ornamenti da una tomba di infante dalla necropoli peuceta di Strada Santo Stefano a Gravina in Puglia. *LANX* 27, 195—203.

Puzdrovskij A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.

Puzdrovskij A.E., Zajcev Ju.P. 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *EurA* 10, 229—267.

Quast D. 2014. Bernsteinnutzung in der frühen Eisenzeit zwischen Ostsee und Alpen. In: *Die Bernsteinstraße*, 29—33.

Quast D. 2017. Amber and Beaver Furs: Trade with Raw Material for the Production of Luxury Goods. In: Hilgner A., Greiff S., Quast D. (Hrsg.). *Gemstone in the First Millennium AD. Mines, Trade, Workshops and Symbolism*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 59—70 (RGZM — Tagungen. Bd. 30. Römisch-Germanischen Zentralmuseums).

Rahmstorf L. 2014. Von Nordeuropa bis in den Orient: Bernstein in der Bronzezeit. In: *Die Bernsteinstraße,* 24—28.

Rapin C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan 33).

Rapin C. 1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum.* New Delhi: Centre de Sciences Humaines.

Rice K.E. 2016. *A tomb with a view*: *Constructing place and identity in the funerary monuments of Hellenistic Anatolia.* Diss. … Chapel Hill.

Rienjang W.K., Kenoyer J.M., Sax M. 2017. Stone Beads from the Relic Deposits: A Preliminary Morphological and Technological Analysis. In: Errington E. (ed.). *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1833—1835.* London: The British Museum, 52—57.

Roßberger E. 2011. Der Perlenschmuck aus der Königsgruft von Qaṭna: Verteilung, Rekonstruktion und Funktion. In: *Interdisziplinäre Studien*, 121—135.

Roßberger E. 2015. *Schmuck für Lebende und Tote. Form und Funktion des Schmuckinventars der Königsgruft von Qatna in seinem soziokulturellen Umfeld* (Qaṭna-Studien 4). Wiesbaden: Harrassowitz.

Rudnicki M. 2009. Besiedlungs- und Kulturveränderungen in Kleinpolen während der späten Latènezeit und zu Beginn der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Salač V., Bemmann J. (Hrsg.). *Mitteleuropa zur Zeit Marbods*. Praha: Archeologicky ústav Akademie věd České republiky; Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 289—330.

Russel Nelson A., Honeychurch W., Amartuvshin C. 2011. Caught in the Act: Understanding Xiongnu Site Formation Processes at Baga Gazaryn Chuluu, Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 213—228.

Rustoiu A. 2015. Amphora-Shaped Glass and Coral Beads. Distant Cultural Connections in the Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45, 365—377.

Rustoiu A. 2017. Silver Jewellery in the Early La Tène Cemeteries from Banat. The Hybridization of Bodily Ornaments. *Dacia* N.S. 61, 183—205.

Rybová A., Drda P. 1994. *Hradiště by Stradonice. Rebirth of a Celtic Oppidum*. Prague: Institute of Archaeology.

Sarianidi V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora.

Sazcı G. 2007. *The Treasures of Troia*. Istanbul: Aygaz.

Schiltz V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker.* München: C.H. Beck.

Schmidt E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP XXI).

Schmidt E.F. 1957. *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP LXIX).

Sens U. 2009. *Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: griechische Funde in Kolchis und Iberien: Kontexte und Interpretationen.* Langenweißbach: Beier & Beran (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 15).

Sevinç N., Treister M. 2003. Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215—260.

Seyrig H. 1952. Antiquités syriennes. 53. Antiquités de la nécropole d'Émèse. *Syria* 29, 204—250.

Sgouritsa Polychronakou P., Nikolentzos K. 2016. The Amber in Greece during the Late Bronze Age and its Presence at Kakovatos, Western Greece. In: Cellarosi P.L., Chellini R., Martini F., Montanaro A.C., Sarti L. (eds.). *The Amber Roads*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche Edizione, 233—246.

Sgourou M., Agelarakis A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—355.

Shedrinsky A.M., Wampler T.P., Chugunov K.V. 2004. The Examination of Amber Beads from the Collection of the State Hermitage Museum found in Arzhan-2 Burial Memorial Site. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis* 71.1. 69—81. DOI: 10.1016/S0165-2370(03)00099-8.

Shedrinsky A.M., Lightfoot C.S. 2012. *A Byzantine Amber Bead. In: Ivison E.A., Lightfoot C.S. The Lower City Enclosure. Finds Reports and Technical Studies*. Istanbul: The Amorium Excavations Project, 451—453 (Amorium Reports 3).

Shramko I.B., Zadnikov S.A. 2016. Rich Grave of Early Scythian Period at Bilsk Necropolis Skorobor. *Ukrainian Archaeology*, 43—49.

Sivers S. 2013. Die Kleinfunde. In: Sievers S., Leicht M., Ziegaus B. *Ergebnisse der Ausgrabungen in Manching-Altenfeld (1996—1999)*. Wiesbaden: Reichert, 163—242 (Die Ausgrabungen in Manching 18).

Skvorcov N., Skripkin A. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *EurA* 12, 251—267.

Stahl C. 2006. *Mitteleuropäische Bernsteinfunde von der Frühbronze- bis zur Frühlatènezeit. Ihre Verbreitung, Formgebung, Zeitstellung und Herkunft.* Dettelbach: Röll.

Stronach D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press.

Strong D.E. 1966. *Catalogue of the Carved Amber in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. London: The British Museum.

Tasmagambetov I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads.* Almaty: SF „Berel“.

Tempelmann-Maczyńska M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: von Zabern.

Themelis P. 1994. Ὁ τάφος τῆς ἠλείας Φιλημήνας. In: *Γ΄Επιστηονικη σψναντηση για την ελλενιστικη. Χρονολογημενα συνοδα — εργαστηρια. 24-27 σεπτεμβριου 1991. Θεσσαλονικη.* Athens: Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας, 146—158.

Then-Obłuska J., Pleşa A.D. 2019. Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50—74.

Thomas R., Acosta C. 2018. Jewellery and Mirrors. In Naukratis: Greeks in Egypt. URL: https://www.academia.edu/35861544/Naukratis_Jewellery_and_mirrors_R._I._Thomas_and_C._Acosta_2018 (accessed 01.10.2020).

Todd J.M. 1985. Baltic Amber in the Ancient Near East: A Preliminary Investigation. *Journal of Baltic Studies* 16,3, 292—301.

Toll N. 1946. *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936*. New Haven: Yale University Press (Excavations at Dura Europos. Pt. II).

Treister M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.

Treister M. 2010. “Achaemenid” and “Achaemenid-inspired” Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid Impact in the Black Sea. Communication of Powers*. Aarchus: Aarchus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).

Tünde H. 1999. Contribution to the Study of the Hungarian Amber-Finds. *Savaria — A Vas Megyei Múzeumok Értesítője* 24 (3), 277—289.

Turmanidze M. 2005. Beads from the Fifth-Century BC Greek Necropolis of Pichvnari. In: *Pont-Euxin et polis: polis hellenis etpolis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23-26 septembre 2002: Hommage à Otar Lordkipanidzé etPierre Lévêque*. Besançon: Presses Universitaires Franc-Comtoises, 283—292.

Vaday A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: Csécs T., Takács M. (eds.). *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr: Lekri Group Kft, 757—793.

Verger S. 2006. La grande tombe de Hochdorf, mise en scène funéraire d’un *cursus honorum* tribal hors pair. *Siris* 7, 5—44.

Waldhauser J. 1996. Gold und Bernstein der Hallstatt- und Latènezeit in Böhmen und Ihre Kontakte zur “Bernsteinstraße” aufgrund der Mobilität. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 77—95.

Weidig J. 2014. Kunsthandwerkliche Verarbeitung im vorrömischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 34—45.

Wielowiejski P. 1996. Bernstein aus den latènezeitlichen und frührömischen Fundstellen Mihovo, Idria, Baška (Veglia), Hradischt (Stradonice, Böhmen) im Naturhistorischen Museum Wien. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 47—56.

Xu X. 2009. Multi-cultural characteristics of Liao amber and the source of raw material: amber from the tomb of princess Chen and her consort. In: *Amber in archaeology*, 238—249.

Yablonsky L.T., Treister M. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals. *ACSS* 25.1, 79—161.

Yan Liu 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.

Yeivin S. 1933. The Tombs found at Seleucia (Seasons 1929—30 and 1931—32). In: Waterman L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq, conducted by the University of Michigan, the Toledo Museum of Art and the Cleveland Museum of Art*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 33—64.

Zygouris T. 2019. Amber in the Mycenaean world and in the Balkan Peninsula during the 2nd Millennium BC: Perspectives of an Imported Material. *Be-JA Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplementa* 7, 177—189.

References

Abramova, M.P. 1987. *Podkumskiy mogil'nik (Podkumskiy Necropolis).* Moscow: Nauka (in Russian).

Abramova, M.P. 1993. *Tsentral'noe Predkavkaz'e v sarmatskoe vremya (III v. do n.e. — IV v. n.e.) (Central Cis-Caucasus in the Sarmatian Period (3rd Century BCE — 4th Century CE)).* Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1975. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 1. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses G1-12) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 1978. *Antichnye busy Severnogo Prichernomor'ya (Ancient Beads of the North Pontic Area)*. Pt. 2. Moscow: Nauka (Corpus of Archaeological Sourses G1-12) (in Russian).

Alekseeva, E.M. 2010. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 1, 361—376 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2008. In: Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The steppe population of the South Urals in the Late Sarmatian period (after the materials from the Pokrovka 10 burial-ground))*. Moscow: Vostochnaya literatura, 114—117 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2010. In: Yablonskiy, L.T. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the sources of the Sarmatian archaeology)*. Moscow: Taus, 324—334 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2016. In: Luk'yashko, S.I. (ed.). *Antichnaya tsivilizatsiya i varvarskiy mir Ponto-Kaspiyskogo regiona. Materialy Vserossiyskoy nauchnoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoy 70-letnemu yubileyu B.A. Raeva. Kagal'nik, 20-21 oktyabrya 2016 g. (Ancient Civilization and Barbarian World of the Ponto-Caspian region. Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation, dedicated to the 70th anniversary of B.A. Raev. Kagal'nik, 20-21 October 2016).* Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, 20—28 (in Russian).

Anikeeva, O.V. 2017. In: Zaykov, V.V. (ed.). *Geoarkheologiya i arkheologicheskaya mineralogiya-2017. Materialy IV Vserossiyskoy molodezhnoy nauchnoy shkoly (Geoarcheology and Archaeological Mineralogy-2017. Materials of the 4th All-Russian Youth Scientific School).* Ekaterinburg: Institute of Mineralogy Ural Dept. of the Russian Academy of Sciences, 92—95 (in Russian).

Anikeeva, O.V. Buyanovskaya, A.G. 2010. In: Yablonskiy, L.T. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the Sources of the Sarmatian Archaeology)*. Moscow: Taus, 335—357 (in Russian).

Anikeeva, O.V., Yablonskiy, L.T. 2007. In: Skripkin, A.S. (ed.). *Problemy arkheologii Nizhnego Povolzh'ya. II Mezhdunarodnaya Nizhnevolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya (Problems of Archeology of the Lower Volga Region. 2nd International Lower Volga Archaeological Conference)*. Volgograd: Volgograd State University, 226—229 (in Russian).

Arsen'eva, T.M. 1977. *Nekropol' Tanaisa (Necropolis of Tanais).* Moscow: Nauka (in Russian).

Arsen'eva, T.M., Bezuglov, S.I., Tolochko, I.V. 2001. *Nekropol' Tanaisa. Raskopki 1981—1995 gg. (Necropolis of Tanais. Excavations of 1981—1995).* Moscow: Palaeograph (in Russian).

Bagrikov, G.I., Senigova, T.N. 1968. In: *Izvestiya Akademii Nauk Kazakhskoi SSR. Seriya obshchestvennye nauki (Bulletin of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Social Science Series)* 2, 71—89 (in Russian).

Baypakov, K.M., Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2005. *Rannesrednevekovye nekropoli Yuzhnogo Kazakhstana (Early Medieval Necropoleis of South Kazakhstan)*. Pts. 1—2. Almaty: Baur (in Russian).

Baypakov, K.M., Taymagombetov, Zh.K. 2006. *Arkheologiya Kazakhstana (Archaeology of Kazakhstan)*. Almaty: Kazak universiteti (in Russian).

Balabanova, M.A. (ed.). 2014: Balabanova, M.A. (ed.). *Kurgannyi mogil'nik Peregruznoe I: rezul'taty mezhdistsiplinarnykh issledovanii (Kurgan Necropolis Peregruznoe I: Results of Interdisciplinary Studies)*. Volgograd: Volgograd Dept. of the Russian Academy Russian Academy of National Economy and Public Administration (in Russian).

Beglova, E.A. 2005. In: Noskova, L.M. (ed.). *Material'naya kul'tura Vostoka (Material Culture of the East)* 4. Moscow: State Oriental Museum, 166—181 (in Russian).

Beglova, E.A., Erlikh, V.A. 2018: *Meoty Zakuban'ya v sarmatskoe vremya. Po materialam Tenginskogo gruntovogo mogil'nika (The Maoitians of the Trans-Kuban Region. After the Materials of the Tenginskiy Burial-Ground)*. Moscow: Nestor-Istoriya (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 169—192 (Materials and Researches on Archeology of Don 1) (in Russian).

Bezuglov, S.I. 2017. In *Vestnik Tanaisa (Tanais Bulletin)* 4, 84—127 (in Russian).

Berestnev, R.S. 2017. *Sarmaty v mezhdurech'e Khopra i Volgi (Sarmatians in the Interfluve of Khoper and Volga).* PhD Thesis. Voronezh.

Bespalyy, G.E., Vereshchagin, V.V. 2013. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria)* 1. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 136—177 (Phanagoria. Results of Archaeological Investigations 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I. 2000. In: Guguev, Yu.K. (ed.). *Sarmaty i ikh sosedi na Donu (Sarmatians and their Neighbors on the Don)*. Rostov-on-Don: Terra, 156—168 (Materials and Researches on Archeology of Don 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Bespalaya, N.E., Raev, B.A. 2007: *Drevnee naselenie Nizhnego Dona. Kurgannyy mogil'nik "Valovyy 1"* (*The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan cemetery "Valovyy 1")* Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 2) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2008. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Vysochino (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Vysochino)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and researches on archeology of the South of Russia 1) (in Russian).

Bespalyy, E.I., Luk'yashko, S.I. 2018. *Drevnee naselenie mezhdurech'ya Dona i Kagal'nika. Kurgannyy mogil'nik u s. Novoaleksandrovka (The Ancient Population of the Lower Don. Kurgan Cemetery near the Village of Novoaleksandrovka)*. Rostov-on-Don: South Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (Materials and Researches on Archeology of the South of Russia 1.2) (in Russian).

Bidzilya, V.I., Polin, S.V. 2012. *Skifskiy tsarskiy kurgan Gaymanova Mogila (Scythian Royal Burial-mound Gaymanova Mogila).* Kiev: Skif (in Russian).

Bogdanov, E.S., Novikova, O.I. 2017. In *Problemy arkheologii, etnografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorii (Problems of Archeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and adjacent Territories)* XXIII, 275—278 (in Russian).

Botalov, S.G., Gutsalov, S. Yu. 2000. *Gunno-sarmaty Uralo-Kazakhstanskikh stepei (Hunno-Sarmatians of the Ural-Kazakhstan Steppes).* Chelyabinsk: Rifey (in Russian).

Bubnova, M.A., Polovnikova, I.A. 2001. In: Sedov, A.V. (ed.). *Drevnie tsivilizatsii Evrazii. Istoriya i kul'tura (Ancient Civilizations of Eurasia. History and Culture).* Moscow: Vostochnaya literatura, 124—135 (in Russian).

Bykova, N.V., Kazantseva, O.A. 2012. In *Vestnik Permskogo Universiteta. Istoriya (Journal of the Perm University. History)* 1(18), 93—104 (in Russian).

Vadetskaya, E.B. 1999. *Tashtykskaya epokha v drevney istorii Sibiri (Tashtyk Period of the Ancient History of Siberia)*. Saint Petersburg: Center "Peterburgskoe vostokovedenie" (in Russian).

Vaynberg, B.I. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period)*. Moscow: Nauka, 116—122 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1992. In: Moshkova, M.G. (ed.). *Stepnaya polosa aziatskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya (Steppe Belt of the Asian Part of the USSR in the Scytho-Sarmatian Period)*. Moscow: Nauka, 47—61 (Archaeology of the USSR) (in Russian).

Vaynberg, B.I., Levina, L.M. 1993. *Chirikrabatskaya kul'tura (Chirikrabat Culture).* Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences (Lower Reaches of Syr Darya in Antiquity I) (in Russian).

Vasil'eva, E.E. 2009. In: Marchenko, I.I. (ed.). *5-ya Kubanskaya arkheologicheskaya konferentsiya (5th Kuban Archaeological Conference).* Krasnodar: Kuban State University, 35—39 (in Russian).

Vasil'eva, E.E. 2010. In: Cat. St. Petersburg 2010, 25—34 (in Russian).

Vinogradov, Yu.A. 1998. In: *Tamanskaya starina (Taman Antiquities).* Saint Petersburg: State Hermitage, 62—68 (in Russian).

Vinokurov, N.I. 2014. *Nekropol' antichnogo gorodishcha Artezian v Krymskom Priazov'e (The Necropolis of the Ancient Fortified Settlement Artezian in the Crimean Azov Region)*. Simferopol; Kerch: Crimean Dept. of the Institute of Oriental Studies named after A.E. Krymskiy (Bosporan Studies. Supplementum 12) (in Russian).

Vlasova, E.V. 2004. In: Khodza, E.N. (ed.). *Ellinisticheskie shtudii v Ermitazhe. Sbornik statey. K shestidesyatiletiyu Mikhaila Borisovicha Piotrovskogo (Hellenistic Studies in the Hermitage. Collection of Articles. On the Sixtieth Birthday of Mikhail Borisovich Piotrovskiy).* Saint Petersburg: State Hermitage, 158—174 (in Russian).

Vlasova, E.V. 2010. In: Bongard-Levin, G.M., Kuznetsov, V.D. (eds.). *Antichnoe nasledie Kubani (Ancient Heritage of Kuban).* III. Moscow: Nauka, 198—262 (in Russian).

Voroshilov, A.N., Voroshilova, O.N. 2015. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Zoloto Fanagorii (The Gold of Phanagoria)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 29—76 (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria 2) (in Russian).

Vysotskaya, T.N., Ryzhova, L.A. 1998. In *Drevnosti (Antiquities)* 1997—1998, 116—133 (in Russian).

Gavrilov, A.V., Trufanov, A.A. 2012 In: Mayko V.V. (ed.). *Drevnyaya i srednevekovaya Tavrika (Ancient and Medieval Tauride)*. Donetsk: Donbass, 43—70 (Archaeological Almanac 28) (in Russian).

Gavritukhin, I.O., Sviridov, A.N., Yazikov, S.V. 2020. In *Rossiyskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 91—110 (in Russian).

Gadzhiev, M.S. 1997. *Mezhdu Evropoy i Aziey. Iz istorii torgovykh scyazey Dagestana v albano-sarmatskiy period (Between Europe and Asia. From the History of Trade Relations of Dagestan in the Albano-Sarmatian Period).* Makhachkala: Institute of History, Archaeology and Ethnography (in Russian).

Gigolashvili, E.G. 1983. In: Lordkipanidze, O.D. (ed.). *Vani. Arkheologicheskie raskopki (Vani. Archaeological Excavations)* VII. Tbilisi: Metsniereba, 96—112, 150—152 (in Georgian with summary in Russian).

Glebov, V.P. 2002. In *Donskaya arkheologiya (Archaeology of the Don Area)* 1—2, 28—41 (in Russian).

Glebov, V.P. 2006: In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* (*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*) 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 59—68 (in Russian).

Glebov, V.P., Il'ashenko, S.M., Tolochko, I.V. 2005. In *Drevnosti Bospora (Antiquities of the Bosporus)* 8, 52—97 (in Russian).

Gopkalo, O.V. 2008. *Busy i podveski chernyakhovskoy kul'tury (Beads and Pendants of the Chernyakhov Culture).* Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Gorbenko, A.A., Kosyanenko, V.M. 2011. *Nekropol' Paniardisa (Necropolis of Paniardis)*. Azov: Azov Museum-Reserve Publ. House (Don antiquities 11) (in Russian).

Grach, N.L. 1999. *Nekropol' Nimfeya (Necropolis of Nymphaion)*. Saint Petersburg: Nauka (in Russian).

Guguev, V.K., Nechiporuk, A.A. 2020 In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 189—214 (in Russian).

Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. 2016. *Nekropol' rimskogo vremeni Bel'bek IV v Yugo-Zapadnom Krymu* (*Necropolis of the Roman Period Belbek IV in Southwestern Crimea)*. Moscow: State Historical Museum (Proceedings of the State Historical Museum 205) (in Russian).

Gushchina, I.I., Zasetskaya, I.P. 1994. *"Zolotoe kladbishche" rimskoy epokhi v Prikuban'e ("Golden Cemetery"of the Roman Period in the Kuban Area).* Saint Petersburg: Farn (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2007. In *Arkheologiya, etnografiya i antrpologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 2, 75—92 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 306—324 (in Russian).

Gutsalov, S.Yu., Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 39—44 (in Russian).

Daragan, M.N. 2011. *Nachalo rannego zheleznogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi (The beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right Bank Forest-steppe).* Kiev: KNT (in Russian).

Dashevskaya, O.D. 2014. *Nekropol' Belyausa (Necropolis of Belyaus).* Simferopol: Phoenix Enterprise (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Malinovskaya, N.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1977. In: Fedorov-Davydov, G.A. (ed.), *Drevnosti Astrakhanskogo kraya (The Antiquities of the Astrakhan Region).* Moscow: Nauka, 3—77 (in Russian).

Dvornichenko, V.V., Fedorov-Davydov, G.A. 1989. In: Smirnov, K.A. (ed.). *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya (The Treasure of the Sarmatian Chieftains and Ancient Cities of the Volga Basin)*. Moscow: Nauka, 14—132 (in Russian).

Dzneladze, E.S. 2016. *Busy i podveski sarmatov Severnogo Prichernomor'ya (Beads and Pendants of the Sarmatians of the North Pontic area).* PhD Thesis. Kiev.

Dovgalyuk, N.P. 2008. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Aspurgiane na yugo-vostoke aziatskogo Bospora: po materialam Tsemdolinskogo mogil'nika (The Aspurgians in the South-east of the Asian Bosporus: after the Materials of the Tsemdolina Necropolis)*. Moscow: Grif & K, 188—243 (Necropoleis of the Pontic area 2) (in Russian).

Dovgalyuk, N.P.2011. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Naselenie predgoriy Severo-Zapadnogo Kavkaza v rimskuyu epokhu po materialam nekropolya Shirokaya Balka (The Population of the Foothills of the North-western Caucasus in the Roman Period based on Materials from the Shirokaya Balka Necropolis).* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 303—368 (Necropoleis of the Pontic area 4) (in Russian).

Elikhina, Yu.K. 2018. *Sokrovishcha kurganov Noin-uly (Severnaya Mongoliya). Nakhodki ekspeditsii P.K. Kozlova 1923—1926 gg., khranyashchiesya v Gosudarstvennom Ermitazhe (The Treasures of the Noin-ula Burial-mounds (Northern Mongolia). Finds by the Expedition of P.K. Kozlov 1923—1926, kept in the State Hermitage).* Beau Bassin: Lambert Academic Publishing (in Russian).

Efimov, K.Yu. 1998. In: Medvedev, A.P. (ed.). *Arkheologicheskie pamyatniki Verkhnego Podon'ya I tysyacheletiya n.e. (Archaeological Sites of the Upper Don in the 1st Millennium AD)*. Voronezh: Voronezh State University, 19—35 (Archaeology of Eastern European Forest-Steppe Zone 12) (in Russian).

Zaytsev, Yu.P., Mordvintseva, V.I. 2003. In *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient History)* 3, 61—99 (in Russian).

Zanoch, A. 2012. In: Tel'nov, N.P. (ed.). *Drevnosti Severnogo Prichernomor'ya III—II vv. do n.e. (Antiquities of the North Pontic Area of the 3rd — 2nd Centuries BCE).* Tiraspol: T.G. Shevchenko Transnistria State University, 73—80 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 1993. In *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii (Materials on Archaeology, History and Ethnography of Tavria)* III, 23—104 (in Russian).

Zasetskaya, I.P. 2019. *Iskusstvo zverinogo stilya sarmatskoy epokhi (II v. do n.e. — nachalo II v. n.e.) (The Art of the Animal Style of the Sarmatian Period (2nd Century BCE — early 2nd Century CE))*. Simferopol: Antiqua (Archaeological Monuments of the North Pontic Area 1) (in Russian).

Il'yukov, L.S. 2018. In: Malyshev, A.A. (ed.). *Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya* "*Novoe v issledovaniyakh rannego zheleznogo veka Evrazii: problemy, otkrytiya, metodiki*". *Tezisy dokladov (International Scientific Conference "New in Research the Early Iron Age of Eurasia: Problems, Discoveries, Methods". Abstracts of Papers.* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 71—72 (in Russian).

Il'yukov, L.S., Vlaskin, M.V. 1992. *Sarmaty mezhdurech'ya Sala i Manycha (Sarmatians between the Sal and Manych rivers).* Rostov-on-Don: Rostov State University (in Russian).

Istvánovits, E., Kulcsár, V., Stoyanova, A. 2020 In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 10—43 (in Russian).

Itina, M.A. 1998. In *Rossijskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 2, 164—168 (in Russian).

Kalaly-gyr 2 2004: Vajnberg, B.I. (ed.). *Kalaly-gyr 2: kul'tovyy tsentr v Drevnem Khorezme IV—II vv. do n.e. (Kalaly-gyr 2: Cult center in Ancient Chorasmia of the 4th — 2nd Centuries BCE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Kalashnik, Yu.P. 2014. *Grecheskoe zoloto v sobranii Ermitazha. Pamyatniki antichnogo yuvelirnogo iskusstva iz Severnogo Prichernomor'ya (Greek Gold in the Collection of the Hermitage. Items of Ancient Jewelry Art from the North Pontic Region)*. Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Cat. Moscow 1996. Treister, M.Yu. (ed.). *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana. Katalog vystavki. GMII im. A.S. Pushkina (The Treasures of Troy from the Excavations of Heinrich Schliemann. Exhibition catalogue. Pushkin State Museum of Fine Arts).* Moscow: Leonardo arte (in Russian).

Cat. Novocherkassk 1979: *Katalog arkheologicheskikh kollektsiy. Muzey istorii donskogo kazachestva (The Catalogue of Archaeological Collections. The Museum of History of Don Cossacks).* Novocherkassk: The Museum of History of Don Cossacks (in Russian).

Cat. St. Petersburg 2010. Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Collection of the State Hermitage. Exhibition Catalogue).* Saint Petersburg: State Hermitage (in Russian).

Kacharava, D.D., Mzhvanadze, Z.K. 1986. In: Lordkipanidze, O.D. (ed.). *Vani (Vani)* VIII. Tbilisi: Metsniereba, 9—33 (in Georgian with summary in Russian).

Kerefov, B.M. 1985. In: Batchaev, V.M., Bartseva, T.B., Kerefov, B.M. *Pamyatniki epokhi pozdney bronzy i rannego zheleza (IX–VII vv. do n.e. – II v. n.e.) (Monuments of the Late Bronze and Early Iron Age (9th — 7th Centuries BCE — 2nd Century CE))* Nalchik: El'brus, 135—259 (Archaeological Investigations in the Construction Areas of Kabardino-Balkaria 2) (in Russian).

Kilunovskaya, M.E., Leus, P.M. 2020. In *Nauchnoe obozrenie Syano-Altaya (Sayan-Altai Scientific Review)* 1(25), 97—125 (in Russian).

Klochko, V.I. 2008. In: Bednarczyk, J. (ed.). *Na pograniczu światów. Studia z praziejów międzymorza baltycko-pontyjskiego ofiarowane Profesorowi Aleksandrowi Kośko w 60. rocznicę urodzin.* Poznań: Wydawnictwo Poznańskie, 239—249 (in Ukrainian).

Kovpanenko, G.T. 1986. *Sarmatskoe pogrebenie I v. n.e. na Yuzhnom Buge (A Sarmatian Burial of the 1st Century CE in the South Bug Region).* Kiev: Naukova dumka (in Russian).

Kosyanenko, V.M. 2008. *Nekropol' Kobyakova gorodishcha (po materialam raskopok 1956—1962 gg.) (Necropolis of the Kobyakovo Fortified Settlement (after the Materials of 1956—1962 Excavations)*. Azov: Azov Historical-Archaeological Museum-Reserve (Don antiquities 9) (in Russian).

Kropotov, V.V. 2016. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 15.1, 22—39 (in Russian).

Kubyshev, A.I., Bessonova, S.S., Kovalev, N.V. 2009. *Bratolyubovskiy kurgan (Bratolyubovskiy Burial-mound)*. Kiev: Institute of Archaeology of National Academy of Sciences of the Ukraine (in Russian).

Larenok, V.A. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (The Black Sea area in the Ancient and Medieval periods).* Iss. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova (To the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov).* Rostov-on-Don: Educational Museum of Archeology of the Southern Federal University; Society Heritage, 432—449 (in Russian).

Levina, L.M. 1996. *Etnokul'turnaya istoriya Vostochnogo Priaral'ya. I tysyacheletie do n.e. — I tysyacheletie n.e. (Ethnocultural History of the Eastern Aral Sea Region. 1st Millennium BCE — 1st Millennium CE)*. Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Levina, L.M., Dovgalyuk, N.P. 1995. In: *Dzhetyasarskaya kul'tura (Dzhetyasar culture)*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of Russian Academy of Sciences, 202—228 (Lower Reaches of Syr Darya in antiquity 5) (in Russian).

Lee Ji Eun 2010. *Kitaiskiy import v pamyatnikakh Yuga Rosii (I v. do n. e. — III v. n. e.) (Chinese Import in Southern Russian Sites: 1st Century BCE — 3rd Century CE).* PhD Thesis. Rostov-on-Don.

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, N.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ.*

Ancient World of the North Pontic area. The Newest Finds and Discoveries) 1. Moscow; Kiev: Triumph Print, 152—163 (in Russian).

Limberis, N.Yu., Marchenko, I.I. 2012. *Meotskie drevnosti Prikuban'ya VI—V vv. do n.e. (Maiotian Antiquities of the Kuban Region of the 6th — 5th Centuries BCE).* Krasnodar: Kuban State University (in Russian).

Lorenz, A., Treister, M. 2008. In: Treister, M. (ed.). *Trekhbratnie kurgany. Kurgannaya gruppa vtoroy poloviny IV—III vv. do n.e. v Vostochnom Krymu. Three-brothers Burial-mounds. A Kurgan Group of the Second Half of the 4th — 3rd Centuries BCE in the Eastern Crimea*. Simferopol; Bonn: Universum, 13—60 (in Russian).

Maksimenko, V.E. 1983. *Savromaty i sarmaty na Nizhnem Donu (The Sauromatians and Sarmatians in the Lower Don Area)*. Rostov-on-Don: Rostov University (in Russian).

Maksimenko, V.E. 1998. *Sarmaty na Donu (arkheologiya i problemy etnicheskoy istorii) (The Sarmatians on the Don (Archaeology and the Problems of the Ethnic History))*. Azov: Azov Local Lore Museum (Don antiquities 6) (in Russian).

Malashev, V.Yu. 2016. *Pamyatniki srednesarmatskoy kul'tury severokavkazskikh stepei i ikh traditsii v kurgannykh mogil'nikakh Severo-Vostochnogo Kavkaza vtoroi poloviny II — serediny V v. n.e. (The Monuments of the Middle-Sarmatian Culture of the North-Caucasian Steppes and their Traditions in the Kurgan Necropoleis of the North-Eastern Caucasus of the Second Half of the 2nd — Mid-5th Centuries CE)*. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences (in Russian).

Malashev, V.Yu., Yablonskiy, L.T. 2008. *Stepnoe naselenie Yuzhnogo Priural'ya v pozdnesarmatskoe vremya (po materialam mogil'nika Pokrovka 10) (The Steppe Population of the South Urals in the Late Sarmatian Period (after the Materials of Pokrovka 10 Cemetery)*. Moscow: Taus (in Russian).

Mamontov, V.I. 1971. In *Sovetskaya arkheologiya (Soviet archaeology)* 1, 209—216 (in Russian).

Mamontov, V.I. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* (*Lower Volga Archaeological Bulletin*) 9, 170—197 (in Russian).

Mamontov, V.I., Shinkar', O.A. 2014. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 14, 132—144 (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1966. *Kochevniki na puti v Indiyu (Nomads on their Way to India).* Moscow; Leningrad: Nauka (Materials and Studies in the Archaeology of the USSR 136) (in Russian).

Mandel'shtam, A.M. 1975. *Pamyatniki kochevnikov kushanskogo vremeni v Severnoy Baktrii (The Monuments of the Nomads of the Kushan Period in North Bactria)*. Leningrad: Nauka (in Russian).

Mastykova, A.V. 1999. In: Levada, M. E. (ed.). *Sto let cherniakhovskoy kul'ture (One Hundred Years of the Chernyakhov Culture)*. Kiev: Society of Archeology and Anthropology, 171—202 (in Russian).

Mastykova, A.V. 2016. In *Stratum plus* 4, 173—189 (in Russian).

Matyukhin, A.D. 1997. In: *Arkheologicheskoe nasledie Saratovskogo kraya. Okhrana i issledovaniya v 1996 godu (Archaeological Heritage of the Saratov Region. Protection and Research in 1996)*. Iss. 2. Saratov: Committee for Historical and Cultural Heritage under the Government of the Saratov Region, 182—198 (in Russian).

Matyukhin, A.D., Lyakhov, S.V. 1991. In: *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi (Archaeology of the East-European Steppe).* Iss. 2. Saratov: Saratov State University, 135—152 (in Russian).

Matyushchenko, V.I., Tataurova, L.V. 1997. *Mogil'nik Sidorovka v Omskom Priirtysh'e (The Sidorovka Burial-ground in the Omsk Region on the Irtysh River)*. Novosibirsk: Nauka (in Russian).

Medvedev, A.P. 2013. In: Kuznetsov, V.D. (ed.). *Materialy po arkheologii i istorii Fanagorii (Materials on the Archaeology and History of Phanagoria)* 1. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 330—402 (Phanagoria. Results of Archaeological Investigations 1) (in Russian).

Meshcherykov, D.V., Morgunova, N.L., Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S. 2012. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 11—19 (in Russian).

Minyaev, S.S. 2007: *Durestuyskiy mogil'nik (Durestuy Necropolis)*. 2nd rev. ed. Saint Petersburg: Philological Faculty of the Saint Petersburg State University (Archaeological Monuments of Xiongnu 3) (in Russian).

Mozolevskiy, B.N. 1987. In: Chernenko, E.V. (ed.). *Skify Severnogo Prichernomor'ya (The Scythians of the North Pontic Area)*. Kiev: Naukova dumka, 63—74 (in Russian).

Morgunova, N.L., Meshcherykov, D.V. 1999. In *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monuments of the Orenburg Region)* 3, 124—146 (in Russian).

Morgunova, N.L., Meshcherykov, D.V. 2012. In *Arkheologicheskie pamyatniki Orenburzh'ya (Archaeological Monuments of the Orenburg Region)* 10, 211—218 (in Russian).

Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. 2007. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e. (Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE).* Vols. I—III. Simferopol; Bonn: Tarpan (in Russian).

Mosheeva, O.N. 1995. In: Mamontov, V.I. (ed.). *Drevnosti Volgo-Donskikh stepey (Antiquities of the Volga-Don steppes).* Iss. 5. Volgograd: Peremena, 40—45 (in Russian).

Moshkova, M.G. 1963: *Pamyatniki prokhorovskoy kul'tury (Monuments of the Prokhorovka culture)* Moscow: Nauka (Corpus of archaeological sources D1—10) (in Russian).

Moshkova, M.G. 2009. In: Furas'ev, A.G. (ed.). *Gunny, goty i sarmaty mezhdu Volgoy i Dunaem (Huns, Goths and Sarmatians between the Volga and Danube).* Saint Petersburg: Philology and Art Faculty of the Saint Petersburg State University, 99—113 (in Russian).

Moshkova, M.G., Kushaev, G.A. 1973. In: Smirnov, A.P. (ed.). *Problemy arkheologii Urala i Sibiri. Sbornik statey, posvyashchennyy pamyati Valeriya Nikolaevicha Chernetsova (Problems of Archeology of the Urals and Siberia. Collection of Articles dedicated to the Memory of Valery Nikolaevich Chernetsov)*. Moscow: Nauka, 258—268 (in Russian).

Nikolaev, N.N. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Hermitage Collection)*. Saint Petersburg: State Hermitage, 54—59 (in Russian).

Ochir-Goryaeva, M.A. 2009. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 10, 363—371 (in Russian).

Ongaruly, A., Ol'khovskiy, V., Astaf'ev, A., Darmenov, R. 2017. *Drevnie svyatilishcha Ustyurta i Vostochnogo Priaral'ya (Ancient Sanctuaries of Ustyurt and Eastern Aral Region)*. Almaty: A.Kh. Margulan Institute of Archaeology (in Russian).

Petrenko, V.G. 2006. *Krasnoznamenskiy mogil'nik. Elitnye kurgany ranneskifskoy epokhi na Severnom Kavkaze (Krasnoznamensky Necropolis. Elite Burial-mounds of the Early Scythian Period in the North Caucasus).* Moscow; Berlin; Bordeaux: Palaeograph, 2006 (in Russian).

Podol'skiy, M.L. 2002. In: Savinov, D.V. (ed.). *Klady: sostav, khronologiya, interpretatsiya (Hoards: Compostion, Chronology, Interpretation)*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University, 229—234 (in Russian).

Podushkin, A.N. 2014. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 14, 118—129 (in Russian).

Podushkin, A.N. 2018. In *Mir Bol'shogo Altaya. Mezhdunarodnyy nauchnyy zhurnal (World of the Great Altai. International research journal)* 4(1), 61—101 (in Russian).

Polin, S.V. 2014. *Skifskiy Zolotobalkovskiy kurgannyy mogil'nik V—IV vv. do n.e. na Khersonshchine* (*Skythian Kurgan Necropolis Zolotaya Balka of the 5th— 4th Centuries BCE in Kherson Region*. Kiev: Oleg Filyuk (in Russian).

Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2015. *Kurgany Sutszukte (Noin-Ula, Mongoliia) (The Suzukteh Burial-mounds (Noin-Ula, Mongolia)*. Pt. 1. Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Polos'mak, N.V., Bogdanov, E.S. 2016. *Noin-ulinskaia kollektsiya. Rezul'taty raboty rossiysko-mongol'skoi ekspeditsii, 2006—2012 gg. (The Noin-Ula Collection: Results of Fieldworks of the Russian-Mongolian Expedition, 2006—2012).* Novosibirsk: Infolio (in Russian).

Prokopenko, Yu.A. 2014. *Skify, sarmaty i plemena kobanskoy kul'tury v Tsentral'nom Predkavkaz'e vo vtoroy polovine I tys. do n.e. (Scythians, Sarmatians and the Tribes of Koban Culture in the Central Ciscaucasia in the Second Half of the 1st Millennium BCE).* Pts. 1—2. Stavropol: North Caucasian Federal University (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2007. *Krymskaya Skifiya. II v. do n.e. — III v. n.e. Pogrebal'nye pamyatniki (Crimean Scythia. 2nd century BCE — 3rd century CE. Funeral Monuments)*. Simferopol: Biznes-Inform (in Russian).

Puzdrovskiy, A.E. 2015. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* II, 186—199 (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 1983. *Kul'tura rannikh kochevnikov Yuzhnogo Urala (The Culture of the Early Nomads of the South Urals)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Pshenichnyuk, A.Kh. 2012. *Filippovka: Nekropol' kochevoy znati IV veka do n.e. na Yuzhnom Urale (Filippovka: Necropolis of the Nomadic Nobility of the 4th Century BCE in the South Urals).* Ufa: Institute

of History, Language and Literature of Ufa Scientific Center of Russian Academy of Sciences (in Russian).

P'yankov, A.V., Anfimov, I.N. 2014. In *Vestnik Rossiyskogo Universiteta druzhby narodov. Seriya Vseobschaya istoriya (Russian University of the People's Friendship Bulletin. World History Series)* 4, 84—101 (in Russian).

Rostovtsev, M.I. 1913. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 49, 1—62, 133—140 (in Russian).

Rtveladze, E.V. 2012. *Velikiy indiyskiy put': iz istorii vazhneyshikh torgovykh dorog Evrazii (Great Indian Road: from the History of the Most Important Trade Routes of Eurasia).* Saint Petersburg: Nestor-Istoriya (in Russian).

Rumyantseva, O.S. 2009. In: Gabuev, T.A., Malashev, V.Yu. *Pamyatniki rannikh alan tsentral'nykh raionov Severnogo Kavkaza (Monuments of the Early Alans of the Central Regions of the North Caucasus).* Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences; Taus, 341—437 (in Russian).

Ryabkova, T.V. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye* proizvedeniya iz sobraniya Ermitazha (Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Hermitage Collection). Saint Petersburg: State Hermitage, 35—42 (in Russian).

Sadykova, M.Kh. 1962. In: Kuzeev, R.G., Sal'nikov, K.V. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and ethnography of Bashkiria)*. Vol. I. Ufa: Bashkirian Branch of USSR Academy of Sciences, 88—122 (in Russian).

Sedov, A.V. 1987. *Kobadian na poroge rannego srednevekov'ya (Kobadian on the Threshold of the Early Middle Ages)*. Moscow: Nauka (in Russian).

Seytkaliev, M.K. 2014. In *Stratum plus* 4, 141—148 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 1998. In *Rossijskaya arheologiya (Russian Archaeology)* 4, 150—159 (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2000. *Sarmatskie kurgany na Ilovle (Sarmatian Burial-mounds on Ilovlya)*. Volgograd: Volgograd University (in Russian).

Sergatskov, I.V. 2006. In: Klepikov, V.M. (ed.). *Rannesarmatskaya i srednesarmatskaya kul'tury: problemy sootnosheniya* (*Early Sarmatian and Middle Sarmatian Cultures. Problems of Correlation*) 1. Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, 37—58 (in Russian).

Sinika, V.S., Zakordonets, O.A. 2018. In *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya Istoriya i filologiya (The Journal of the Udmurt university. Series History and Philology)* 28.1, 81—87 (in Russian).

Sinitsyn, I.V. 1960. In: Krupnov, E.I., Smirnov, K.F. (eds.). *Drevnosti Nizhnego Povolzh'ya (Antiquities of the Lower Volga Region)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 10—168 (The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition II; Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 78) (in Russian).

Skakov, A.Yu., Dzhopua, A.I., Khondziya, Z.G. 2018. In: Kovalenko, A.N. (ed.). *Prichernomor'e v antichnoe i rannesrednevekovoe vremya (The Black Sea area in the Ancient and Medieval periods).* Iss. 2. *K 70-letiyu professora Viktora Pavlovicha Kopylova (To the 70th Anniversary of Professor Viktor Pavlovich Kopylov).* Rostov-on-Don: Educational Museum of Archeology of the Southern Federal University; Society Heritage, 76—98 (in Russian).

Skvortsov, N.B., Skripkin, A.S. 2008. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 9, 98—116 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1974. In *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii (Brief Reports of the Institute of Archaeology)* 140, 57—63 (in Russian).

Skripkin, A.S. 1984. *Nizhnee Povolzh'e v pervye veka nashey ery (Lower Volga Area in the First Centuries AD)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A.S. 1990. *Aziatskaya Sarmatiya (The Asian Sarmatia)*. Saratov: Saratov University (in Russian).

Skripkin, A.S. (ed.). 2013. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya (The Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Regional Local Lore Museum).* Volgograd: Izdatel'. (in Russian).

Skudnova, V.M. 1988. *Arkhaicheskiy nekropol' Ol'vii. Publikatsiya odnoy kollektsii (Archaic Necropolis of Olbia. Publication of one Collection).* Leningrad: Iskusstvo (in Russian).

Smagulov, E.A. 2001. In *Istoriya material'noy kul'tury Uzbekistana (The History of the Material Culture of Uzbekistan)* 32, 90—100 (in Russian).

Smagulov, E.A., Erzhigitova, A.A. 2019. In *Kazakstan arkheologiyasy (Archaeology of Kazakhstan)* 4(6), 7—18 (in Russian).

Smirnov, K.F. 1984. *Sarmaty i utverzhdenie ikh politicheskogo gospodstva v Skifii (The Sarmatians and the Assertion of their Political Domination in Scythia).* Moscow: Nauka (in Russian).

Soyonov, V.I., Vinokurova, G. A. 2000. In: *Itogi i perspektivy geologicheskogo izucheniya Gornogo Altaya (Results and Perspectives of the Geological Study of Gorny Altai)*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altai book publishing house, 151—155 (in Russian).

Soyonov, V.I., Konstantionova, E.A. 2015. In *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' (Historical and Socio-educational Thought).* Vol. 7. No. 5. Pt. 1, 53—57. DOI: 10.17748/2075-9908.2015.7.5/1.053-057 (in Russian).

Sokol'skiy, N.I. 1954. In: Kobylina, M.M. (ed.). *Materialy i issledovaniya po arkheologii Severnogo Prichernomor'ya v antichnuyu epokhu (Materials and Studies on the archeology of the North Pontic Area in the Antiquity)* II. Moscow: USSR Academy of Sciences, 123—196 (Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 33) (in Russian).

Stolyarova, E.K. 2001. In: Gushchina, I.I., Zhuravlev, D.V. (eds.). *Pozdnie skify Kryma (Late Scythians of the Crimea).* Moscow: State Historical Museum, 194—222 (Proceedings of the State Historical Museum 118) (in Russian).

Stoyanova, A.A. 2012. *Detskie pogrebeniya iz mogil'nika Opushki (po rezul'tatam raskopok 2003—2009 gg.) (Children's Burials from the Opushka Burial-ground (after the results of 2003—2009 excavations).* Simferopol: Dolya (in Russian).

Telnov, N.P., Chetverikov, I.A., Sinika, V.S. 2016. *Skifskiy mogil'nik III—II vv. do n.e. u s. Glinoe (Scythian Necropolis of the 3rd — 2nd Centuries BCE near the Village of Glinoe).* Tiraspol: Stratum plus (in Russian).

Tolstov, S.P. 1962. *Po drevnim del'tam Oksa i Yaksarta (Along the Ancient Deltas of Oxus and Jaxartes).* Moscow: Vostochnaya literatura (in Russian).

Torgoev, A.I., Kol'chenko, V.A. 2017. In: *Yuvelirnoe iskusstvo i material'naya kul'tura (Jewelry Art and Material Culture).* Saint Petersburg: State Hermitage, 166—174 (in Russian).

Trapsh, M.M. 1969. *Drevniy Sukhumi (Ancient Sukhumi)*. Sukhumi: Alashara (in Russian).

Treister, M.Yu. 1996. In: Treister, M.Yu. (ed.). *Sokrovishcha Troi iz raskopok Genrikha Shlimana. Katalog vystavki. GMII im. A.S. Pushkina (The Treasures of Troy from the Excavations of Heinrich Schliemann. Exhibition catalogue. Pushkin State Museum of Fine Arts)*. Moscow: Leonardo arte, 197—240 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2007. In: Mordvintseva, V.I., Treister, M.Yu. *Proizvedeniya torevtiki i yuvelirnogo iskusstva v Severnom Prichernomor'e. II v. do n.e. — II v. n.e.* (*Toreutics and Jewelry Objects from the North Pontic Area. 2nd Century BCE — 2nd Century CE*). Vol. I. Simferopol; Bonn: Tarpan, 15—194 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 50—87 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 1. Moscow: Taus, 98—105 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2018. In *Materialy po arkheologii i istorii antichnogo i srednevekovogo Prichernomor'ya (Materials in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region)* 10, 118—210. DOI: 10.24411/2219-8857-2018-00004 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2019. In *Drevnosti Bospora (Antiquties of the Bosporus)* 24, 553—580 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2020. In *Problemy istorii, filologii, kul'tury (Problems of History, Philology and Culture)* 4, 41—109 (in Russian).

Treister, M.Yu. 2021. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* (in Russian).

Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012a. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 65—76 (in Russian).

Treister, M.Yu., Shemakhanskaya, M.S., Yablonskiy, L.T. 2012b. In: Treister, M.Yu., Yablonskiy, L.T. (eds.). *Vliyaniya akhemenidskoy kul'tury v Yuzhnom Priural'e (V—III vv. do n.e.) (Influences of Achaemenid Culture in the South Urals (5th — 3rd centuries BCE)).* Vol. 2. Moscow: Taus, 84—156 (in Russian).

Trifanova, S.V., Soyonov, V.I. 2012. In *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki (Historical, Philosophical, Political and Legal*

Sciences, Cultural Studies and Art History. Questions of Theory and Practice) 10(24), 192—195 (in Russian).

Trifanova, S.V., Soyonov, V.I. 2019. *Ukrasheniya naseleniya Altaya gunno-sarmatskogo vremeni (Jewelry of the Population of Altai of the Hunno-Sarmatian Period).* Gorno-Altaisk: Gorno-Altai State University (in Russian).

Trudnovskaya, S.A. 1952. In: Tolstov, S.P., Zhdanko, T.A. (eds.). *Arkheologicheskie i etnograficheskie raboty Khorezmskoy ekspeditsii, 1945—1948 (Archaeological and Ethnographic Investigations of the Chorasmian Expedition, 1945—1948)*. Moscow: USSR Academy of Sciences, 119—134 (Proceedings of Chorasmian archaeologo-etnographical expedition I) (in Russian).

Trufanov, A.A. 2014. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* I, 183—209 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* IV, 47—60 (in Russian).

Trufanov, A.A. 2018. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* VII, 132—148 (in Russian).

Trufanov, A.A., Medvedev, G.V., Solomonenko, A.E., Lysenko, V.A., Devaev, A.S. 2019. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* XI, 265—268 (in Russian).

Ul'skie kurgany 2015: *Ul'skie kurgany. Kul'tovo- pogrebal'nyi kompleks skifskogo vremeni na Severnom Kavkaze (Ulskie Burial-mounds. The Cult-burial Complex of the Scythian Period in the North Caucasus).* Moscow; Berlin; Bordeaux: Palaeograph. (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum 2) (in Russian).

Fedoseev, N.F., Ponomarev, L.Yu. 2017. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* V, 82—132 (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2008. *Pozdneskifskiy mogil'nik Fontany (po rezul'tatam raskopok 2000—2001 gg.) (Late Scythian Burial-ground Fontany (after the Results of 2000—2001 Excavations)).* Simferopol: Dolya (in Russian).

Khrapunov, I.N. 2020. In *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik (Lower Volga Archaeological Bulletin)* 19.2, 247—278 (in Russian). DOI: https://doi.org/10.15688/nav.jvolsu.2020.2.13 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Mul'd, S.A., Stoyanova, A.A. 2009. *Pozdneskifskiy sklep iz mogil'nika Opushki (Late Scythian Burial-vault from the Necropolis Opushki).* Simferopol: Dolya (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2016. In *Istoriya i arkheologiya Kryma (History and Archaeology of the Crimea)* III, 200—234 (in Russian).

Khrapunov, I.N., Stoyanova, A.A. 2020. In: Khrapunov, I.N. (ed.). *Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n.e. — IV v. n.e.) (The Crimea in the Sarmatian Period (2nd Century BCE — 4th Century CE))* VI. Simferopol: Salta Ltd., 66—112 (in Russian).

Khrshanovskiy, V.A. 2010. In: Maslennikov, A.A., Gavrilyuk, N.A., Zavoykin, A.A. (eds.). *ΣΥΜΒΟΛΑ. Antichnyy mir Severnogo Prichernomor'ya. Noveyshie nakhodki i otkrytiya (ΣΥΜΒΟΛΑ. Ancient World of the North Pontic area. The Newest Finds and Discoveries)* 1. Moscow; Kiev: Triumph Print, 254—256 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2010. In: Fedoseenko, O.A. (ed.). *Yantar' v drevnikh kul'turakh. Khudozhestvennye proizvedeniya iz sobraniya Gosudarstvennogo Ermitazha. Katalog vystavki* (*Amber in Ancient Cultures. Works of Art from the Collection of the State Hermitage. Exhibition Catalogue*). Saint Petersburg: State Hermitage, 47—53 (in Russian).

Chugunov, K.V. 2011. In: Molodin, V.I., Hansen, S. (eds.). *"Terra Scythica": Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma "Terra Scythica" ("Terra Scythica": Materials of the International Symposium "Terra Scythica").* Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, 358—369 (in Russian).

Shilov, V.P. 1959: In: Krupnov, E.I. (ed.). *Pamyatniki Nizhnego Povolzh'ya (Monuments of the Lower Volga region)*. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 323—523 (The Results of Works of the Stalingrad Archaeological Expedition I; Materials and Studies on the Archaeology of the USSR 60) (in Russian).

Shilov, V.P. 1968. In: Gaydukevich, V.F. (ed.). *Antichnaya istoriya i kul'tura Sredizemnomor'ya i Prichernomor'ya (Antique History and Culture of the Mediterranean and Black Sea Regions).* Leningrad: Nauka, 310—323 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1910. In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 35, 12—47 (in Russian).

Shkorpil, V.V. 1916: In *Izvestiya arkheologicheskoy komissii (Reports of the Archaeological Commission)* 60, 7—35 (in Russian).

Shramko, I.B. 2017. In *Arkheologiya i davnya istoriya Ukraïni (Archaeology and Ancient History oft the Ukraine)* 2(23), 368—380 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2010. *Prokhorovka. U istokov sarmatskoy arkheologii (Prokhorovka. At the Sources of the Sarmatian archaeology)*. Moscow: Taus (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2015. In *Arkheologiya, etnografiya i antrpologiya Evrazii (Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia)* 43.2, 97—108 (in Russian).

Yablonskiy, L.T. 2016. In *Vestnik drevney istorii (Bulletin of Ancient History)* 76.3, 744—766 (in Russian).

Yagodin, V.N., Khodzhayov, T.K. 1970. *Nekropol' drevnego Mizdakhkana (The Necropolis of Ancient Mizdakhkan)*. Tashkent: Fan (in Russian).

Yazikov, S.V., Sviridov, A.N., Aleynikov, S.V. 2019. In: Vnukov, S.Yu., Sharov, O.V. (eds.). *Krym — Tavrida. Arkheologicheskie issledovaniya v Krymu v 2017—2018 gg. (Crimea — Taurida. Archaeological Researches in the Crimea in 2017—2018).* Vol. 2. Moscow: Institute of Archaeology of Russian Academy of Sciences, 277—313 (in Russian).

Atasoy, S. 1974. The Kocakizlar Tumulus in Eskisehir, Turkey. *American Journal of Archaeology* 78, 255—263.

Bagherpour Kashani, N. 2011. *Studies of Ancient Depositional Practices and related Jewellery Finds, based on the Discoveries at Veshnaveh: A Source for the History of Religion in Iran.* Diss. Bochum.

Bagherpour Kashani, N., Roustaei, K., Stöllner, T. 2011. Iron Age amber beads from Vešnave / Iran. *AMIT* 43, 71—78.

Baird, J. 2016. Everyday Life in Roman Dura-Europos. In: Kaizer, T. (ed.). *Religion, Society and Culture at Dura-Europos*. Cambridge: Cambridge University Press, 30—56 (Yale Classical Studies). DOI: 10.1017/9781316403488.004.

Bassignano, M.S. 1994. L'ambre: de l'Europe centrale en Cisalpine: J. Kolendo, L'ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee; H. Galsterer, Nutrire Roma. L'approvvigionamento della metropoli in età imperiale. *Dialogues d'histoire ancienne* 20.1, 357—364.

Baughan, E.P. 2013. *Couched in Death: Klinai and Identity in Anatolia and Beyond*. Madison: The University of Wisconsin Press.

Beck, C.W., Hartnett, H.E. 1993. Sicilian Amber. In: Beck, C.W., Bouzek, J., Dreslerová, D. (eds.). *Proceedings of the Second Conference on Amber in Archaeology*. Liblice: Institute of Archaeology; Czech Academy of Sciences, 36—47.

Beck, C.W., Stout, E.C. 1999. Amber from Liaoning Province and Liao Amber Artifacts. In: Bunker, E.C., White, J., So, J.F. (eds.). *Adornment for the Body and Soul: Ancient Chinese Ornaments from the Mengdiexuan Collection*. Hong Kong: The University of Hong Kong; University of Museum and Art Gallery, 167—172.

Beck, H.C. 1941. *The Beads from Taxila*. Delhi: Manager of Publication (Memoirs of the Archaeological Survey of India 65).

Beglova, E.A. 2005. The First Ritual Complex of the Tenginskii Burial-Ground. *ACSS* 11, 41—84.

Berezanskaja, S.S., Kločko, V.I. 1998. *Das Gräberfeld von Hordeevka*. Rahden/Westf.: Verlag Marie Leidorf GmbH (Archäologie in Eurasien 5).

Bespaly, E.I. 1986. Barrows with Roman Imports excavated by the Expedition of the Azov Regional Museum in 1979—84. In: Raev B.A. *Roman Imports in the Lower Don Basin*. Oxford: British Archaeological Reports, 75—78 (BAR International Series 278).

Blečić Kavur, M., Kavur, B. 2017. Many shades of translucent: amphoriskos-shaped glass beads from Vičja luka. *Vjesnik za arheologiju i historiju dalmatinsku* 110-1, 93—112.

Bochnak, T. 2010. Północna droga napływu importów celtyckich na ziemie polskie — zarys problematyki. In: Gediga B. (ed.). *Rola głównych centrów kulturowych w kształtowaniu oblicza kulturowego Europy Środkowej we wczesnych okresach epoki żelaza*. Biskupin; Wrocław: Muzeum Archeologiczne w Biskupinie, 391—419 (Biskupińskie Prace Arch. 8).

Bochnak, T. 2015. Chihlimbarul, dar şi ce altceva pe drumul chihlimbarului? Mărfurile căutate de celţi în nordul Carpaţilo. *Istros* XXI, 343—380.

Bochnak, T., Harasim, P. 2012. Interregional and Multidirectional Contacts of Local Elites: A Case of Scabbards with Crossbars Decorated with Three or More S-Figures in Northern Poland. *Archaeologia baltica* 18, 59—82.

Božič, D. 1998. Neues über die Kontakte längs der Bernsteinstraße während der Spätlatènezeit. *Arheološki vestnik* 49, 141—156.

Brosseder, U. 2011. Belt Plaques as an Indicator of East-West Relations in the Eurasian Steppe at the Turn of the Millennia. In: *Xiongnu Archaeology*, 349—424.

Brosseder, U. 2015. A Study on the Complexity and Dynamics of Inter-Action and Exchange in Late Iron Age Eurasia. In: *Complexity of Interaction*, 199—332.

Bunker, E.C., Watt, Y.C.Y., Zhisun Sun 2002. *Nomadic Art of the Eastern Eurasian Steppes. The Eugene V. Thaw and other New York Collections.* New York; New Haven; London: Metropolitan Museum of Art.

Buora, M. 2014. Bernstein im römischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 56—64.

Calligaro, T.F. 2010. Materialanalysen: Untersuchungen an Steineinlagen und Gold aus Tillya Tepe. In: Kat. Bonn 2010, 277—279.

Calvi, M.C. 2005. *Le ambre romane di Aquileia*. Treviso: Associazione Nazionale per Aquileia (Pubblicazioni dell'Associazione Nazionale per Aquileia 10).

Castor, A. 2009. An Early Hellenistic Jewellery Hoard from Poggio Colla (Vicchio di Mugelo). *Memoirs of the American Academy at Rome* 54, 245—262.

Cat. Belgrade 2006: Palavestra, A., Krstić, V. *The Magic of Amber.* Belgrade: Narodni muzej—Beograd.

Cat. Belgrade 2018: Ardjanliev, P., Chukalev, K., Cvjetićanin, T., Damyanov, M., Krstić, V., Papazovska, A., Popov, H. (eds.). *100 Years of Trebenishte*. Sofia: National Archaeological Institute with Museum.

Cat. Bologna 2010: Orsini, B. (ed.). *Le lacrime 7 delle ninfe. Tesori d'ambra nei musei dell'Emilia-Romagna*. Bologna: Istituto per i beni artistici culturali e naturali della Regione Emilia-Romagna. Dossier 8).

Cat. Istanbul 2008: Seipel, W. (Hrsg.). *Das Artemision von Ephesos. Heiliger Platz einer Göttin*. Wien: Phoibos-Verlag.

Cat. London 2017: Simpson, St John, Pankova, S. (eds.). *The BP exhibition. Scythians. Warriors of Ancient Siberia*. London: Thames & Hudson, The British Museum.

Cat. Mantua 1998: *L'uomo d'oro. La cultura delle steppe del Kazakhstan dall'età del bronzo alle grandi migrazioni.* Venezia: Mondadori Electa.

Cat. Napoli 2007: Nava, M.L., Salerno, A. (eds.). *Ambre: Trasparenze dall'antico trasparenze dall'antico; Napoli, Museo Archeologico Nazionale, 26 marzo — 10 settembre 2007.* Milano: Ministero per i Beni e le Attività Culturali.

Cat. New York 2012: Stark, S., Rubinson, K.S. (eds.). *Nomads and Networks. The Ancient Art and Culture of Kazakhstan*. New York; Princeton: Princeton University Press.

Cat. Rimini 1995: *Dal Mille al Mille. Tesori e popoli dal mar Nero. Rimini, 5 marzo — 25 giugno 1995*. Milano: Mondadori Electa.

Cat. Rome 2005: Anisimova, L., Bonora, G.L., Franchi, C., Karavaeva, L., Plakhov, V.V. (eds.). *I Tesori della steppa di Astrakhan*. Milano: Electa.

Cat. San Antonio 1999: Reeder, E.D. (ed.). *Scythian Gold. Treasures from Ancient Ukraine*. New York: Harry Abrams.

Cat. San Diego 2006: Chang, D. (ed.). *Of Gold and Grass. Nomads of Kazakhstan*. San Diego: Foundation for International Arts and Education.

Cat. Thessaloniki 1985: Βοκοτοπουλου, Ι. (ed.). *Σινδος: καταλογος της εκθεσης.* Thessalonike: Αρχαιολογικο Μουσειο Θεσσαλονικης.

Cat. Ulaanbaatar 2011: Ėrėgzėn, G. (ed.). *Treasures of the Xiongnu* / Эрэгзэн, Г. (ред.). *Хүннүгийн өв*. Улаанбаатар / Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences.

Causey, F. 2011. *Ancient Carved Ambers in the J. Paul Getty Museum*. Los Angeles: The J. Paul Getty Museum.

Chen, D., Zeng, Q., Yuan, Y., Cui, B., Luo, W. 2019. Baltic Amber or Burmese Amber: FTIR Studies on Amber Artifacts of Eastern Han Dynasty unearthed from Nanyang. *Spectrochimica acta. Pt. A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy.* 2019 Nov; 222:117270. DOI: 10.1016/j.saa.2019.117270.

Chrysostomou, A. 2016. Fibules et épingles féminines archaïques de la nécropole occidentale d'Archontiko de Pella. In: Chryssanthaki-Nagle K., Descamps-Lequime S., Guimier-Sorbets A.-M. (eds.). *La Macédoine du vie siècle avant J.-C. à la conquête romaine. Formation et rayonnement culturels d'une monarchie grecque.* Paris: Éditions de Boccard, 93—110.

Chrysostomou, A., Chrysostomou, P. 2002. Ανασκαφή στη δυτική νεκρόπολη του Αρχοντικού Πέλλας κατά το 2002. *Τό ἀρχαιολογικό ἔργο* στη *Μακεδονία* και στη *Θράκη* 16*,* 465—478.

Chrysostomou, P., Chrysostomou, A. 2012. *The Lady of Archontiko*. In: Stampolidis, N.Chr. (ed.). *"Princesses" of the Mediterranean in the Dawn of History*. Athens: Museum of Cycladic Art, 366—387.

Chytráček, M., Chvojka, O., Metlička, M., Michálek, J., Golec, M. 2017. Bernstein der älteren Eisenzeit und die Frage des Verlaufs der Bernsteinstraßen in Mitteleuropa. In: *Fines Transire* 26, 247—260.

Čižmárová, J. 1996. Bernstein auf dem keltischen Oppidum Staré Hradisko in Mähren. *Arheološki vestnik* 47, 173—182.

Cool, H.E.M. 2016. *The Small Finds and Vessel Glass from Insula VI.1 Pompeii: Excavations 1995—2006*. Oxford: Archaeopress (Archaeopress Roman Archaeology 17).

Croom, A.T. 2018. Amber Beads in Roman Britain. URL: https://www.academia.edu/41062706/Amber_beads_in_Roman_Britain (accessed 01.10.2020).

Čugunov, K.V., Parzinger, H., Nagler, A. 2010. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in *Tuva*. Mainz: von Zabern (Archäologie in Eurasien 26; Steppenvölker Eurasiens 3).

Cultraro, M. 2007. Evidence of amber in Bronze Age Sicily: local sources and the Balkan Mycenaean connection. In: *Between the Aegean*, 377—389.

Cultraro, M. 2016. Undercurrents: Cultural Interactions Between Southern Caucasus and Northern Aegean during the Early and Middle Bronze Age. In: *Aegean World and South Caucasus: Cultural Relations in the Bronze Age. International Workshop. September 23-25, 2016 Georgia. Proceedings*. Tbilisi: Mtsignobari, 49—61.

Cwaliński, M. 2014. The influx of amber to the circum-Adriatic areas during the Bronze Age. Proposition of an interpretative model. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 50.2, 183—199.

Czebreszuk, J. 2007. Amber between the Baltic and the Aegean in the Third and Second Millennium BC (an Outline of Major Issues). In: *Between the Aegean*, 363—369.

Czebreszuk, J. 2009. Ways of Amber in the Northern Pontic Area. An Outline of Issues. *Baltic-Pontic Studies* 14, 87—102.

Dasen, V. 2015. Probaskania: Amulets and Magic in Antiquity. In: Boschung, D., Bremmer, J.N. (eds.). *The Materiality of Magic.* Paderborn: Wilhelm Fink Verlag, 177—204 (Morphomata 20).

Del Socorro, N. 2017. *Rites funéraires dans le royaume Téménide et ses régions environnantes à la période archaïque.* Thèse de doctorat: Histoire et archéologie des mondes anciens. Paris.

Demirer, Ü. 2019. Telesphoros'un köken sorunu. *Trakya Üniversitesi Edebiyat Fakültesi Dergisi* 9 (18), 53—67. DOI: 10.33207/trkede.597882.

Deo, S.B. 2000. *Indian Beads: A Cultural and Technological Study*. Pune: Deccan College Postgraduate and Research Institute.

Despini, Ai., 2016. *Σίνδος: το νεκροταφείο. Ανασκαφικές έρευνες 1980—1982*. I—III. Athens: Αθήναις Αρχαιολογική Εταιρεία.

De Waele, A. 2007. The Beads of ed-Dur (Umm al-Qaiwain, UAE). Papers from the Fortieth Meeting of the Seminar for Arabian Studies held in London, 27-29 July 2006. *Proceedings of the Seminar for Arabian Studies* 37, 2007, 297—308.

Drda, P., Rybová, A. 1995. Prostorové razložení specializovaného řemesla v zástavbě keltského oppida. *Arch. Rozhledy* 48, 596—613.

Ebert, M. 1929. Südrußland. In: Ebert, M. (Hrsg.). *Reallexikon der Vorgeschichte.* Bd. XIII. Berlin: Walter de Gruyter, 32—114.

Echt, R. 1999. *Das Fürstinnengrab von Reinheim*. Bonn: Habelt (Saarbrücker Beiträge zur Altertumskunde 69).

Eger, C., Khalil, L. 2013. Bead Jewellery of Late-Roman and Byzantine Time in the Province of Arabia: the Beads and Pendants of Glass, Stone, and Organic Materials from the Rock chamber Necropolis at Khirbat Yajuz, Jordan. *Zeitschrift für Orient-Archäologie* 6, 156—181.

Egiimaa, T.S. 2011. Adornments of the Xiongnu. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 112—129.

Erdenbaatar, D. 2011. A Glass Bowl. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 186—187.

Erdenbaatar, D., Iderkhangai, T.-O., Galbadrakh, B., Minzhiddorzh, E., Orgilbaiar, S. 2011. Excavations of Satellite Burial 30, Tomb 1 Complex, Gol Mod 2 Necropolis. In: *Xiongnu Archaeology*, 303—314.

Erezgen, G. 2013. Belt Decoration. In *Encyclopaedia Xiongnu*. Ulaanbaatar: Institute of Archaeology Mongolian Academy of Sciences, 25—26.

Ernée, M. 2017. Ostseeküste — Mykene — und was dazwischen? Eine vergessene Bernsteinstraße. In: *Fines Transire* 26, 111—131.

Fischer, J. 1990. Zu einer griechischen Kline und weiteren Südimporten aus dem Fürstengrabhügel Grafenbühl, Asperg, Kr. Ludwigsburg. *Germania* LXVIII, 115—127.

Gagetti, E. 2000. Anelli di età romana scolpiti in ambra e in pietra dura dalla collezione di Toppo presso i Civici Musei di Udine. *Aquileia Nostra* 76, 193—250.

Gagetti, E. 2001. Anelli di età romana in ambra e in pietre dure. In: Sena Chiesa, G. (ed.). *Arte e materia. Studi su oggetti d.ornamento di età romana.* Milano: Cisalpino, 191—485 (Quaderni di "Acme" 49).

Gergova, D. 2009. Amber in Ancient Thrace. In: *Amber in Archaeology*, 178—189.
Gershevitch, I. 1969. Amber at Persepolis. *Studia Classica et Orientalia Antonio Pagliano Oblata* 29, 167—251.
Gestoso Singer, G.M. 2008. Amber in the Ancient Near East. *i-Medjat* 2, 17—19.
Gestoso Singer, G.M. 2016. Amber exchange in the Late Bronze Age Levant in Cross-cultural Perspective. *Aula Orientalis* 34/2, 251—264.
Guguev, V.K., Treister, M.Ju. 1992. Une oenochoé de bronze a scènes mythologiques provenant d'un kourgane sarmate de la région de Rostov. *Revue Archéologique* 2, 243—271.
Harasim, P. 2013. Studia nad lateńskimi oraz prowincjonalnorzymskimi importami w kulturze oksywskiej. *Wiadomości Archeologiczne* LXIV, 3—48.
Henkelmann, W.F.M. 2012. The Achaemenid Heartland: An Archaeological — Historical Perspective. In: Potts. D.T. (ed.). *A Companion to the Archaeology of the Ancient Near East*. Chichester: Wiley-Blackwell, 931—962.
Honneychurch, W. 2015. Not of Place, but of Path: Nomads on the World Stage. In: Honneychurch, W. (ed.). *Inner Asia and the spatial politics of empire: archaeology, mobility, and culture contact*. New York, NY: Springer, 261—296. DOI: 10.1007/978-1-4939-1815-7_9.
Horváth, A.M. 2017. A beads and birds. Special finds from the La Tène cemetery at Csepel Island. *Budapest Régiségei* 50, 53—67.
Horváth, A.M. 2019. A preliminary study of a rare fibula type (the so called Altmark fibulae*)* from the La Tène cemetery of Csepel. *Studia Historica Nitriensia* 23 Supplementum, 107—124.
Hyeung-Won, Y., Eun-Jeong, C. 2011. Excavations of Xiongnu Tombs at Duurlig Nars Cemetery in Eastern Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 261—274.
Iderkhangai, T., Orgilbayar, S. 2018. Some Issue on Glass Ribbed Bowls and Hunnu Empire Foreign Relations. In: Red'kin, A.G., Rotanova, I.N. (eds.). Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov. Materialy XIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Barnaul, 20-22 sentyabrya 2017 g. (*Natural Conditions, History and Culture of Western Mongolia and Adjacent Regions. Materials of the XIII International Scientific Conference. Barnaul, September 20-22, 2017*). Barnaul; Khovd: Altai State University, 208—213.
Ignatiadou, D. 2007. Amber and Glass Inlays. A Chronological Sequence. In: Kaplanidou, D., Chioti, I. (eds.). *Ancient Macedonia VII. Macedonia from the Iron Age to the Death of Philip II*. Thessaloniki: Institute for Balkan Studies, 473—483.
Ivanova, S., Kuleff, I. 2009. Archaeological Amber from the Late Bronze and Iron Ages from the Territory of Present Bulgaria. *Archaeologia Bulgarica* XIII, 3, 23—46.
Jevtić, M., Lazić, M., Sladić, M. 2006. *Židovarsko blago ostava srebrnog nakita iz naselja* Skordiska / The Židovar treasure. Silver jewelry hoard from the settlement of Scordisci. Vršac: Gradski muzej; Beograd: Filozofski fakultet.
Jyotsna, M. 2000. *Distinctive Beads in Ancient India*. Oxford: Archaeopress (BAR International Series 864).
Kacharava, D. 2005. Recent finds at Vani. In: *Dialogues d'histoire ancienne.* Supplément 1. *Hommage à Pierre Lévêque*, 291—309.
Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2008. *Wine, Worship, and Sacrifice: The Golden Graves of Ancient Vani.* Princeton: Institute for the Study of the Ancient World.
Kacharava, D., Kvirkvelia, G. 2009. Recent Archaeological Finds on the Upper Terrace of the Vani Site. *ACSS* 14, 237—315.
Kakhidze, A. 2007. *The Classical World in the Eastern Black Sea Area. The Fifth Century BC Greek Necropolis at Pichvnari*. Batumi; Oxford: Ashmolean Museum (Pichvnari II).
Karwowski, M. 2018. The Celtic Weinviertel on the Crossroads. From the study of eastern Celtic Late La Tene fibulae. In: Guštin, M., David, W. (eds.). *The Clash of Cultures? — The Celts and the Macedonian World. Proceedings of the conferences "Going south" in Piran 2013 and "Going north" in Manching 2014*. Manching: Kelten Römer Museum, 269—278 (Schriften des Kelten Römer Museums Manching 9).
Kat. Berlin 1988. Demakopoulou, K. (Hrsg.). *Das mykenische Hellas. Heimat der Helden Homers*. Berlin: Dietrich Reimer Verlag.
Kat. Bochum 2005. Yalcın, U., Pulak, C., Slotta, R. (Hrsg.). *Das Schiff von Uluburun. Welthandel vor 3000 Jahren. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 15. Juli 2005 bis 16. Juli 2006.* Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bochum 2013. Stöllner, T., Samašev, Z. (Hrsg.). *Unbekanntes Kasachstan: Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museum Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013*. Bochum: Deutsches Bergbau-Museum.

Kat. Bonn 2010. *Gerettete Schätze Afghanistan. Die Sammlung des Nationalmuseums in Kabul.* Bonn: Kunst- und Ausstellungshalle der BRD.

Kaur, S., Stout, E., Kaur, T., Estridge, V. 2012. Infrared Spectroscopy of Amber Samples from the Artemision Excavations of 1904/1905. *Anatolia antiqua* 20, 39—43.

Klochko, L.S. 2009. Amber in Garments of Populations of Scythia (Ways and Forms of Receptions). *Baltic-Pontic Studies* 14, 415—438.

Knigge, U. 1976. *Der Südhügel.* Berlin: Walter de Gruyter (Kerameikos. Ergebnisse der Ausgrabungen 9).

Kolendo, J. 1981. *A la recherche de l'ambre baltique. L'expédition d'un chevalier romain sous Neron*. Warszawa: Wydawnictwa Uniwersytetu warszawskiego (Studia Antiqua 3).

Kolendo, J. 1993. L' ambra e i rapporti tra Cisalpina e regioni centro europee. In *La ricostruzione dell'ambiente antico attraverso lo studio e l'analisi del terreno e dei manufatti* 8. Padova: Centro stampa Palazzo Maldura (Archeologia strumenti 1).

Korom, A. 2018a. Archaeological study of face beads excavated from an Early Sarmatian grave. In: Rácz, Z., Koncz, I., Gulyás, B. (eds.). *"Hadak útján" A népvándorláskor fiatal kutatóinak XXVI. konferenciája gazdaság — kereskedelem — kézművesség / 26th Conference of Young Scholars on the Migration Period economy — trade — craftsmanship*. Budapest: Eötvös Loránd University; Institute of Archaeological Sciences, 21—32 (Dissertationes Archaeologicae ex Instituto Archaeologico Universitatis de Rolando Eötvös nominatae. Supplementum 2).

Korom, A. 2018b. Korai szarmata sír Dunakeszi határából (Ein frühsarmatisches Frauengrab in der Gemarkung von Dunakeszi [Kom. Pest]). In: Korom, A. (Hrsg.). *Relationes rerum. Régészeti tanulmányok Nagy Margit tiszteletére (Relationes rerum. Archäologische Studien zu Ehren von Margit Nagy).* Budapest: Pázmány Péter Katolikus Egyetem; Régészettudományi Intézet; Budapesti Történeti Múzeum, 175—202 (Studia ad Archaeologiam Pazmaniensia 9).

Koryakova, L. 2006. On the Northern Periphery of the Nomadic World: Research in the Trans-Ural Region. In: Aruz, J., Farkas, A., Valtz Fino, E. (eds.). *The Golden Deer of Eurasia. Perspectives on the Steppe Nomads of the Ancient World.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 102—113.

Koster, A. 2014. Römische Bernsteinkunst aus der Provinz Germania inferior. In: *Die Bernsteinstraße,* 65—71.

Krefter, F. 1971. *Persepolis Rekonstruktionen*. Berlin: Gebr. Mann (Teheraner Forschungen 3).

La Baume, P. 1968. Römische Bernsteinarbeiten in Köln. In: Claus, M., Haarnagel, W., Raddatz, K. (Hrsg.). *Studien zur europäischen Vor- und Frühgeschichte. Festschrift H. Jankuhn.* Neumünster: Karl Wachholtz, 108—114.

Lehmann, K. 1953. Samothrace*:* Sixth Preliminary Report. *Hesperia* 22, 1—24.

Lekishvili, D. 2005. Amber Beads in Late Classical Burials of Mtskheta. *Iberia-Colchis* 2, 142—147.

Ljuština, M. 2013. Southern Fringe of the Carpathian Basin during the 4th Century BC and the First Contacts with the La Tène World: the Case Study of the Belgrade Confluence, Serbia. *Acta Archaeologica Carpathica* 48, 87—110.

Lojacono, A. 2019. Pendagli in ambra dalla necropoli peuceta di Santo Stefano a Gravina in Puglia. Il caso della tomba 28. *LANX* 27, 184—194.

Lordkipanidze, N. 2015. *Ancient Georgian Jewellery*. Tbilisi: Karchkhadze Publishing (in Georgian with summary in English).

Lorenz, H. 2004. *Chorologische Untersuchungen in dem spätkeltischen Oppidum bei Manching am Beispiel der Grabungsflächen der Jahre 1965—1967 und 1971*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag (Die Ausgrabungen in Manching 16).

Łuczkiewicz, P. 2012. Fragen zu Handelsrouten und Fernkontakten im ostgermanischen Raum am Ende der vorrömischen Eisenzeit. In: Tappert C., Later C., Fries-Knoblach J., Ramsl P.C., Trebsche P., Wefers S., Wiethold J. (Hrsg.). *Wege und Transport. Beiträge zur Sitzung der AG Eisenzeit während der 80. Verbandstagung des West- und Süddeutschen Verbandes für Altertumsforschung e.V. in Nürnberg 2010*. Langenweißbach: Beier & Beran, Archäologische Fachliteratur, 111—130 (Beiträge zur Ur- und Frühgeschichte Mitteleuropas 69).

Machicek, M.L. 2011. Reconstructing Life Histories of the Xiongnu. An Overview of Bioarchaeological Applications. In: *Xiongnu Archaeology*, 173—180.

Maciałowicz, A., Rudnicki, M., Strobin, A. 2016. With Gold and Sword. Contacts of Celts and early Germanics in central Europe. The Historical Background: 3rd — 1st c. BC. In: Rzeszotarska-Nowakiewicz

A. (ed.). *The Past Societies. Polish Lands from the First Evidence of Human Presence to the Early Middle Ages 4: 500 BC — 500 AD*. Warszawa: Institute of Archaeology and Ethnology Polish Academy of Sciences, 134—161.

Mangani, L. 1982. Adria (Rovigo) — necropoli in loc. Ca' Garzoni. Prima campagna di scavo, 1966. *Notizie degli Scavi di antichità* Ser. 8, 36, 5—107.

Maran, J. 2013. Bright as the sun: The appropriation of amber objects in Mycenaean Greece. In: Hahn H.P., Weiss H. (eds.). *Mobility, Meaning and the Transformations of Things.* Oxford: Oxbow Books, 147—169.

Marshall, J. 1951. *Taxila.* Cambridge: Cambridge University Press.

Mastrocinque, A. 1991. *L'ambra e l'Eridano: Studi sulla letteratura e sul commercio dell'ambra in eta preromana.* Este: Zielo.

Metzler, J., Gaeng, C. 2009. *Goeblange-Nospelt — une nécropole aristocratique trévire*. Luxembourg: Musée national d'histoire et d'art (Doss. Arch. Mus. Nat. Hist. et Art 13).

Miller, B.K. 2011. Permutations of Peripheries in the Xiongnu Empire. In: *Xiongnu Archaeology*, 559—578.

Miller, B.K. 2015. The Southern Xiongnu in Northern China: Navigating and Negotiating the Middle Ground. In: *Complexity of Interaction*, 127—198.

Miller, B.K., Allard F., Erdenebaatar D., Lee C., 2006. A Xiongnu tomb complex: Excavations at Gol Mod 2 Cemetery, Mongolia (2002—2005). *Mongolian Journal of Anthropology, Archaeology and Ethnology* 2.2(271), 1—21.

Miller, B.K., Bayarsaikhan, J., Konovalov, P.B., Egiimaa, T., Logan, J., Machicek, M. 2009. Xiongnu Constituents of the High Mountains: Results of the Mongol-American Khovd Archaeology Project, 2008. *The Silk Road* 7, 8—20.

Montanaro, A.C. 2012. *Ambre figurate. Amuletti e gioielli dalla Puglia preromana*. Roma: L'Erma di Bretschneider (Studia archeologica 184).

Montanaro, A.C. 2015a. Le ambre figurate in Italia meridionale tra VIII e V sec. a.C. Note sui centri di produzione e sulle botteghe. *Taras* XXXV, 35—64.

Montanaro, A.C. 2015b. *Ornamenti e lusso nell'antica Peucezia. Le aristocrazie tra VII e III secolo a.C. e I rapport con Greci ed Etruschi* (Studia archeologica 201). Roma: L'Erma di Bretschneider.

Moorey, P.R.S. 1999. *Ancient Mesopotamian Materials and Industries. The Archaeological Evidence.* Winona Lake: Eisenbrauns.

Mordvintseva, V.I., Zaitsev, Y.P. 2003. The Nogaichik Burial-Mound in the Steppes of the Crimea. *ACSS* 9, 193—257.

Mukherjee, A., Roßberger, E., James, M., Pfälzner, P., Higgitt, C., White, R., Peggie, D.A., Azar, D., Evershed, R. 2008. The Qatna lion: Scientific confirmation of Baltic amber in late Bronze Age Syria. *Antiquity* 82(315), 49—59.

Murillo-Barroso, M., Peñalver, E., Bueno, P., Barroso, R, de Balbín, R., Martinón-Torres, M. 2018. Amber in prehistoric Iberia: New data and a review. *PLoS ONE* 13(8): e0202235. DOI: 10.1371/journal.pone.0202235.

Musche, B. 1988. *Vorderasiatischer Schmuck zur Zeit der Arsakiden und der Sasaniden*. Leiden; New York; København; Köln: Brill.

Naso, A. 2007. Klinai lignee intarsiate dalla Ionia all'Europa centrale. *RM* 113, 9—34.

Naso, A. 2013. Amber for Artemis. Preliminary Report on the Amber Finds from the Sanctuary of Artemis at Ephesos. *Jahreshefte des Österreichischen Archäologischen Instituts* 82, 259—278.

Niculiţă, I., Zanoci, A., Matveev, S., Băţ, M. 2011. Piese de port, podoabă şi de toaletă din aşezarea traco-getică Saharna Mare. In: Măgureanu D., Mândescu D., Matei S. (eds.). *Archaeology: Making of and Practice. Studies in Honor of Mircea Babeş at the 70th Anniversary.* Piteşti: Ordessos, 193—204.

Nüsse, H.-J. 2011. Bernstein in Mitteleuropa. Apotropaion und Prestigeobjekt zwischen Latènezelt und frühem Mittelalter. *EurA* 17, 233—250.

Oculicz-Kozaryn, J., Nowakowski, W. 1996. In Search of the Amber Routes: Traces of Contacts Between South-Eastern Coasts of the Baltic Sea and the Celto-Illyrian and Dacian Territories. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 157—172.

Odbaatar, Ts. 2011. Xiongnu Belts. In: Cat. Ulaanbaatar 2011, 130—141.

Palavestra, A. 2007. Was there an Amber Route? *Aegaeum* 27, 349—355.

Palavestra, A. 2018. Amber in Trebenishte. In: Cat. Belgrade 2018, 115—121.

Park, J., Yun, E., Kang, H., Ahn, J., Kim, G. 2016. IR and py/GC/MS Examination of Amber Relics excavated from 6th Century Royal Tomb in Korean Peninsula. *Spectrochimica acta. Part A, Molecular and Biomolecular Spectroscopy*. 2016 Aug; 165:114—119. DOI: 10.1016/j.saa.2016.04.015.

Pfälzner, P. 2011. Goldplaketten und andere prestigehaltige Einzelobjekte aus Gold, Silber und Bernstein aus der Königsgruft von Qaṭna im Kontext von Bestattung und Ritual. In: *Interdisziplinäre Studien*, 137—190.

Pfrommer, M. 1990. *Untersuchungen zur Chronologie früh- und hochhellenistischen Goldschmucks*. Tübingen: Wasmuth (Istanbuler Forschungen 37).

Pieniążek, M. 2016. Amber and Carnelian: Two Different Careers in the Aegean Bronze Age. *Fontes Archaeologici Posnanienses* 52, 51—66.

Pieniążek, M. 2020. Carnelian, Agate, Amber and Other Gemstones: Production and Exchange in Late Bronze Age Alalakh. In: Yener K.A., Ingman T. (eds.). *Alalakh and its Neighbours. Proceedings of the 15th Anniversary Symposium at the New Hatay Archaeology Museum, 10-12 June 2015*. Leuven; Paris; Bristol, CT.: Peeters (Ancient Near Eastern Studies Supplement 55), 117—140.

Poppa, R. 1978. *Kamid el-Loz 2. Der eisenzeitliche Friedhof*. Bonn: Habelt.

Prêtre, Cl. 2016. *La fibule et le clou. Ex-voto et instrumentum de l'Artémision*. Athènes: Ecole française d'Athènes (Études Thasiennes 23).

Przybyła, M.J., Rydzewska, E. 2019. Amber as Passage Money on the Journey to the Afterlife: the role of Jutland Amber in the Late Roman and Early Migrations Periods (ca. 160—450 AD). In: Annaert R. (ed.). *Early Medieval Waterscapes Risks and oOpportunities for (im)material Cultural Exchange*. Wendeburg: Braunschweigisches Landesmuseum, 153—172 (Neue Studien zur Sachsenforschung. Bd. 8).

Pulinetti, I. 2019. Ornamenti da una tomba di infante dalla necropoli peuceta di Strada Santo Stefano a Gravina in Puglia. *LANX* 27, 195—203.

Puzdrovskij, A. 2013. Ust'-Al'ma: Die Siedlung und Nekropole. In: LVR — Landesmuseum Bonn (Hrsg.). *Die Krim. Goldene Insel im Schwarzen Meer. Griechen — Skythen — Goten.* Bonn: LVR — Landesmuseum Bonn, 290—323.

Puzdrovskij, A.E., Zajcev Ju.P. 2004. Prunkbestattungen des 1. Jh. n. Chr. in der Nekropole Ust'-Al'ma, Krim. Die Grabungen des Jahres 1999. *EurA* 10, 229—267.

Quast, D. 2014. Bernsteinnutzung in der frühen Eisenzeit zwischen Ostsee und Alpen. In: *Die Bernsteinstraße*, 29—33.

Quast, D. 2017. Amber and Beaver Furs: Trade with Raw Material for the Production of Luxury Goods. In: Hilgner A., Greiff S., Quast D. (Hrsg.). *Gemstone in the First Millennium AD. Mines, Trade, Workshops and Symbolism*. Mainz: Römisch-Germanisches Zentralmuseum, 59—70 (RGZM — Tagungen. Bd. 30. Römisch-Germanischen Zentralmuseums).

Rahmstorf, L. 2014. Von Nordeuropa bis in den Orient: Bernstein in der Bronzezeit. In: *Die Bernsteinstraße,* 24—28.

Rapin, C. 1992. *La trésorerie du palais hellénistique d'Aï Khanoum*. Paris: Diffusion de Boccard (Fouilles d'Aï Khanoum 8; Mémoires de la délegation archéologique française en Afghanistan 33).

Rapin, C. 1996. *Indian Art from Afghanistan. The Legend of Shakuntalâ and the Indian Treasure of Eucratides at Ai Khanum.* New Delhi: Centre de Sciences Humaines.

Rice, K.E. 2016. *A tomb with a view*: *Constructing place and identity in the funerary monuments of Hellenistic Anatolia.* Diss. Chapel Hill.

Rienjang, W.K., Kenoyer, J.M., Sax, M. 2017. Stone Beads from the Relic Deposits: A Preliminary Morphological and Technological Analysis. In: Errington, E. *Charles Masson and the Buddhist Sites of Afghanistan: Explorations, Excavations, Collections 1833—1835.* London: The British Museum, 52—57.

Roßberger, E. 2011. Der Perlenschmuck aus der Königsgruft von Qaṭna: Verteilung, Rekonstruktion und Funktion. In: *Interdisziplinäre Studien*, 121—135.

Roßberger, E. 2015. *Schmuck für Lebende und Tote. Form und Funktion des Schmuckinventars* der Königsgruft von Qatna in seinem soziokulturellen Umfeld. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag (Qaṭna-Studien 4).

Rudnicki, M. 2009. Besiedlungs- und Kulturveränderungen in Kleinpolen während der späten Latènezeit und zu Beginn der älteren Römischen Kaiserzeit. In: Salač V., Bemmann J. (Hrsg.). *Mitteleuropa zur Zeit Marbods*. Praha: Archeologicky ústav Akademie věd České republiky; Bonn: Vor- und Frühgeschichtliche Archäologie der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität, 289—330.

Russel Nelson, A., Honeychurch, W., Amartuvshin, C. 2011. Caught in the Act: Understanding Xiongnu Site Formation Processes at Baga Gazaryn Chuluu, Mongolia. In: *Xiongnu Archaeology*, 213—228.

Rustoiu, A. 2015. Amphora-Shaped Glass and Coral Beads. Distant Cultural Connections in the Carpathian Basin at the Beginning of the Late Iron Age. *Archäologisches Korrespondenzblatt* 45, 365—377.

Rustoiu, A. 2017. Silver Jewellery in the Early La Tène Cemeteries from Banat. The Hybridization of Bodily Ornaments. *Dacia* N.S. 61, 183—205.

Rybová, A., Drda, P. 1994. *Hradiště by Stradonice. Rebirth of a Celtic Oppidum*. Prague: Institute of Archaeology.
Sarianidi, V.I. 1985. *Baktrisches Gold*. Leningrad: Aurora.
Sazcı, G. 2007. *The Treasures of Troia*. Istanbul: Aygaz.
Schiltz, V. 1994. *Die Skythen und andere Steppenvölker.* München: C.H. Beck.
Schmidt, E.F. 1939. *The Treasury of Persepolis and other Discoveries in the Homeland of the Achaemenians*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP XXI).
Schmidt, E.F. 1957. *Persepolis II. Contents of the Treasure and Other Discoveries*. Chicago: The Oriental Institute of the University of Chicago (OIP LXIX).
Sens, U. 2009. *Kulturkontakt an der östlichen Schwarzmeerküste: griechische Funde in Kolchis und Iberien: Kontexte und Interpretationen*. Langenweißbach: Beier & Beran (Schriften des Zentrums für Archäologie und Kulturgeschichte des Schwarzmeerraumes 15).
Sevinç, N., Treister, M. 2003. Metalwork from the Dardanos Tumulus. *Studia Troica* 13, 215—260.
Seyrig, H. 1952. Antiquités syriennes. 53. Antiquités de la nécropole d'Émèse. *Syria* 29, 204—250.
Sgouritsa Polychronakou, P., Nikolentzos, K. 2016. The Amber in Greece during the Late Bronze Age and its Presence at Kakovatos, Western Greece. In: Cellarosi P.L., Chellini R., Martini F., Montanaro A.C., Sarti L. (eds.). *The Amber Roads*. Roma: Consiglio Nazionale delle Ricerche Edizione, 233—246.
Sgourou, M., Agelarakis, A.P. 2001. Jewellery from Thasian Graves. *BSA* 96, 327—355.
Shedrinsky, A.M., Wampler, T.P., Chugunov, K.V. 2004. The Examination of Amber Beads from the Collection of the State Hermitage Museum found in Arzhan-2 Burial Memorial Site. *Journal of Analytical and Applied Pyrolysis* 71.1, 69—81. DOI: 10.1016/S0165-2370(03)00099-8.
Shedrinsky, A.M., Lightfoot, C.S. 2012. A Byzantine Amber Bead. In: Ivison, E.A., Lightfoot, C.S. *The Lower City Enclosure. Finds Reports and Technical Studies*. Istanbul: The Amorium Excavations Project, 451—453 (Amorium Reports 3).
Shramko, I.B., Zadnikov, S.A. 2016. Rich Grave of Early Scythian Period at Bilsk Necropolis Skorobor. *Ukrainian Archaeology*, 43—49.
Sivers, S. 2013. Die Kleinfunde. In: Sievers, S., Leicht, M., Ziegaus, B. *Ergebnisse der Ausgrabungen in Manching-Altenfeld (1996—1999)*. Wiesbaden: Reichert, 163—242 (Die Ausgrabungen in Manching 18).
Skvorcov, N., Skripkin, A. 2006. Eine sarmatische Adelsbestattung aus dem Wolgograder Wolgagebiet. *EurA* 12, 251—267.
Stahl, C. 2006. *Mitteleuropäische Bernsteinfunde von der Frühbronze- bis zur Frühlatènezeit. Ihre Verbreitung, Formgebung, Zeitstellung und Herkunft.* Dettelbach: Röll.
Stronach, D. 1978. *Pasargadae: A Report on the Excavations conducted by the British Institute of Persian Studies from 1961 to 1963*. Oxford: Clarendon Press.
Strong, D.E. 1966. *Catalogue of the carved amber in the Department of Greek and Roman Antiquities, British Museum*. London: The British Museum.
Tasmagambetov, I. 2003. *The Centaurs of the Great Steppe. The Art Culture of Ancient Nomads.* Almaty: SF Berel.
Tempelmann-Maczyńska, M. 1985. *Die Perlen der römischen Kaiserzeit und der frühen Phase der Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum*. Mainz am Rhein: von Zabern.
Themelis, P. 1994. Ὁ τάφος τῆς ἠλείας Φιλημήνας. In: *Γ΄Επιστηονικη σψναντηση για την ελλενιστικη. Χρονολογημενα συνοδα — εργαστηρια. 24-27 σεπτεμβριου 1991. Θεσσαλονικη.* Athens: Βιβλιοθήκη της εν Αθήναις Αρχαιολογικής Εταιρείας, 146—158.
Then-Obłuska, J., Pleşa, A.D. 2019. Roman to Islamic Beads and Pendants from Matmar and Mostagedda, Middle Egypt. *BEADS: Journal of the Society of Bead Researchers* 31, 50—74.
Thomas, R., Acosta, C. 2018. Jewellery and Mirrors. In Naukratis: Greeks in Egypt. URL: https://www.academia.edu/35861544/Naukratis_Jewellery_and_mirrors_R.I._Thomas_and_C._Acosta_2018_ (accessed 01.10.2020).
Todd, J.M. 1985. Baltic Amber in the Ancient Near East: A Preliminary Investigation. *Journal of Baltic Studies* 16,3, 292—301.
Toll, N. 1946. *The Necropolis. Preliminary Report of the Ninth Season of Work 1935—1936*. New Haven: Yale University Press (Excavations at Dura Europos. Pt. II).
Treister, M. 2007. The Toreutics of Colchis in the 5th — 4th centuries BC. Local Traditions, Outside Influences, Innovations. *ACSS* 13, 67—107.
Treister, M. 2010. "Achaemenid" and "Achaemenid-inspired" Gold- and Silverware, Jewellery and Arms and their Imitations to the North of the Achaemenid Empire. In: Nieling J., Rehm E. (eds.). *Achaemenid*

Impact in the Black Sea. Communication of Powers. Aarchus: Aarchus University Press, 223—279 (Black Sea Studies 11).

Tünde, H. 1999. Contribution to the Study of the Hungarian Amber-Finds. *Savaria — A Vas Megyei Múzeumok Értesítője* 24(3), 277—289.

Turmanidze, M. 2005. Beads from the Fifth-Century BC Greek Necropolis of Pichvnari. In: *Pont-Euxin et polis: polis hellenis etpolis barbaron. Actes du Xe Symposium de Vani, 23-26 septembre 2002: Hommage à Otar Lordkipanidzé etPierre Lévêque*. Besançon: Presses Universitaires Franc-Comtoises, 283—292.

Vaday, A. 2016. A szarmata Barbaricum határvidékén (Am Grenzengebiet des Sarmatischen Barbaricums). In: Csécs T., Takács M. (eds.). *Beatus homo qui invenit sapientiam. Ünnepi kötet Tomka Péter 75. születésnapjára*. Győr: Lekri Group Kft, 757—793.

Verger, S. 2006. La grande tombe de Hochdorf, mise en scène funéraire d'un *cursus honorum* tribal hors pair. *Siris* 7, 5—44.

Waldhauser, J. 1996. Gold und Bernstein der Hallstatt- und Latènezeit in Böhmen und Ihre Kontakte zur „Bernsteinstraße" aufgrund der Mobilität. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 77—95.

Weidig, J. 2014. Kunsthandwerkliche Verarbeitung im vorrömischen Italien. In: *Die Bernsteinstraße,* 34—45.

Wielowiejski, P. 1996. Bernstein aus den latènezeitlichen und frührömischen Fundstellen Mihovo, Idria, Baška (Veglia), Hradischt (Stradonice, Böhmen) im Naturhistorischen Museum Wien. In: *Kontakte längs der Bernsteinstraße*, 47—56.

Xu, X. 2009. Multi-cultural characteristics of Liao amber and the source of raw material: amber from the tomb of princess Chen and her consort. In: *Amber in archaeology*, 238—249.

Yablonsky, L.T., Treister, M. 2019. New Archaeological Data on Achaemenid Influences in the Southern Urals. *ACSS* 25.1, 79—161.

Yan Liu, 2020. The Han Empire and the Hellenistic World: Prestige Gold and the Exotic Horse. *Mediterranean Archaeology and Archaeometry* 20.3, 175—198. DOI: 10.5281/zenodo.4016080.

Yeivin, S. 1933. The tombs found at Seleucia (Seasons 1929—30 and 1931—32). In: Waterman L. (ed.). *Second Preliminary Report upon the Excavations at Tel Umar, Iraq, conducted by the University of Michigan, the Toledo Museum of Art and the Cleveland Museum of Art.* Ann Arbor: University of Michigan Press, 33—64.

Zygouris, T. 2019. Amber in the Mycenaean world and in the Balkan Peninsula during the 2nd millennium BC: perspectives of an imported material. *Be-JA Bulgarian e-Journal of Archaeology Supplementa* 7, 177—189.

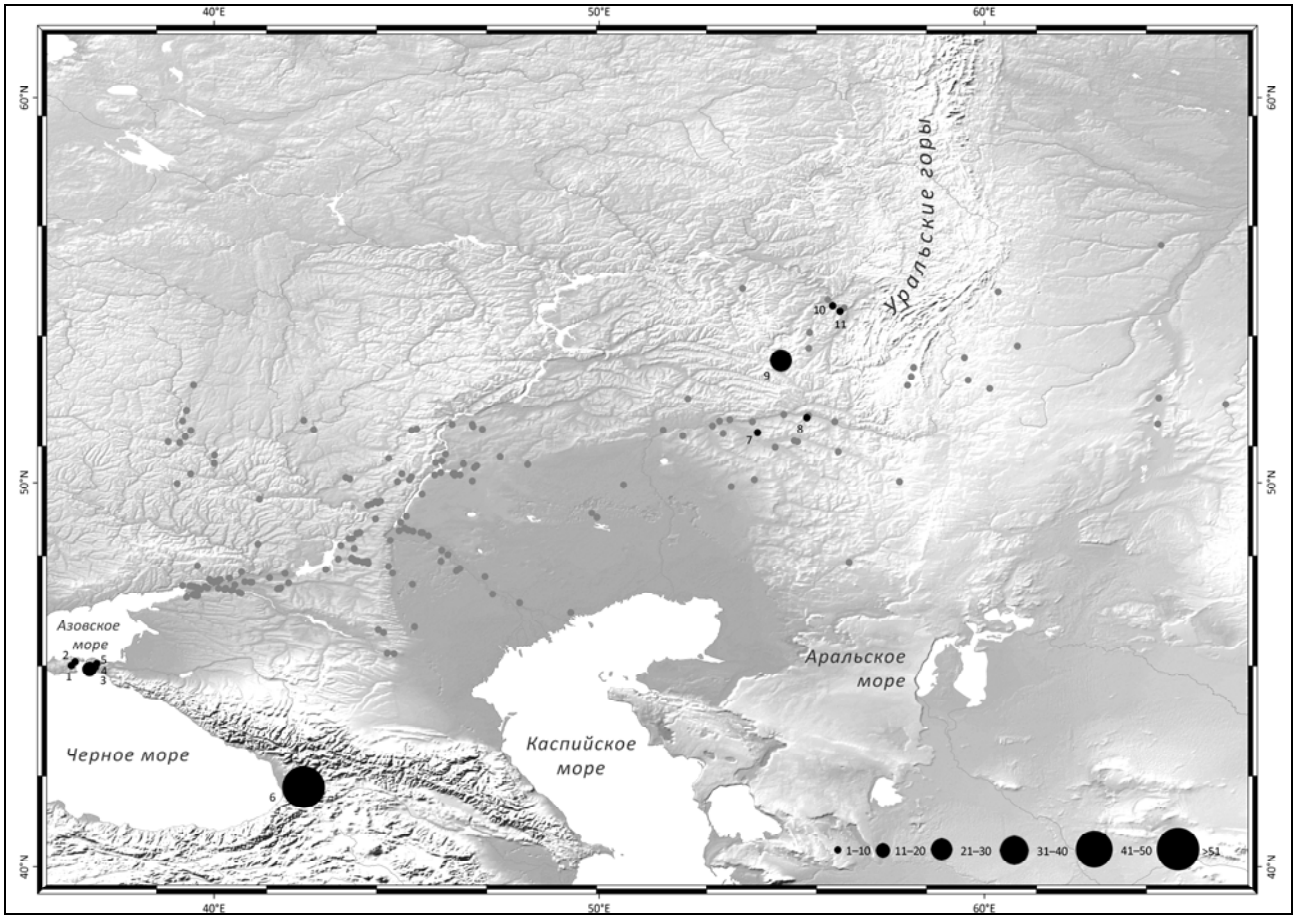

Рис. 1. Находки янтарных бус и вставок IV—III вв. до н.э.: *1* — Трехбратний курган № 2; *2* — Пантикапей; *3* — Зеленской курган; *4* — Васюрина гора; *5* — Фанагория; *6* — Вани, *7* — Филипповка-1; *8* — Бердянка-V; *9* — Прохоровка; *10* — Старые Киишки; *11* — Бишунгарово. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 1. Finds of amber beads and inlays of the 4th — 3rd centuries BCE: *1* — Three Brothers Burial-mound no. 2; *2* — Pantikapaion; *3* — Zelenskoi Burial-mound; *4* — Vasyurina gora; *5* — Phanagoria; *6* — Vani; *7* — Filippovka-1; *8* — Berdyanka-V; *9* — Prokhorovka; *10* — Starye Kiishki; *11* — Bishungarovo. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

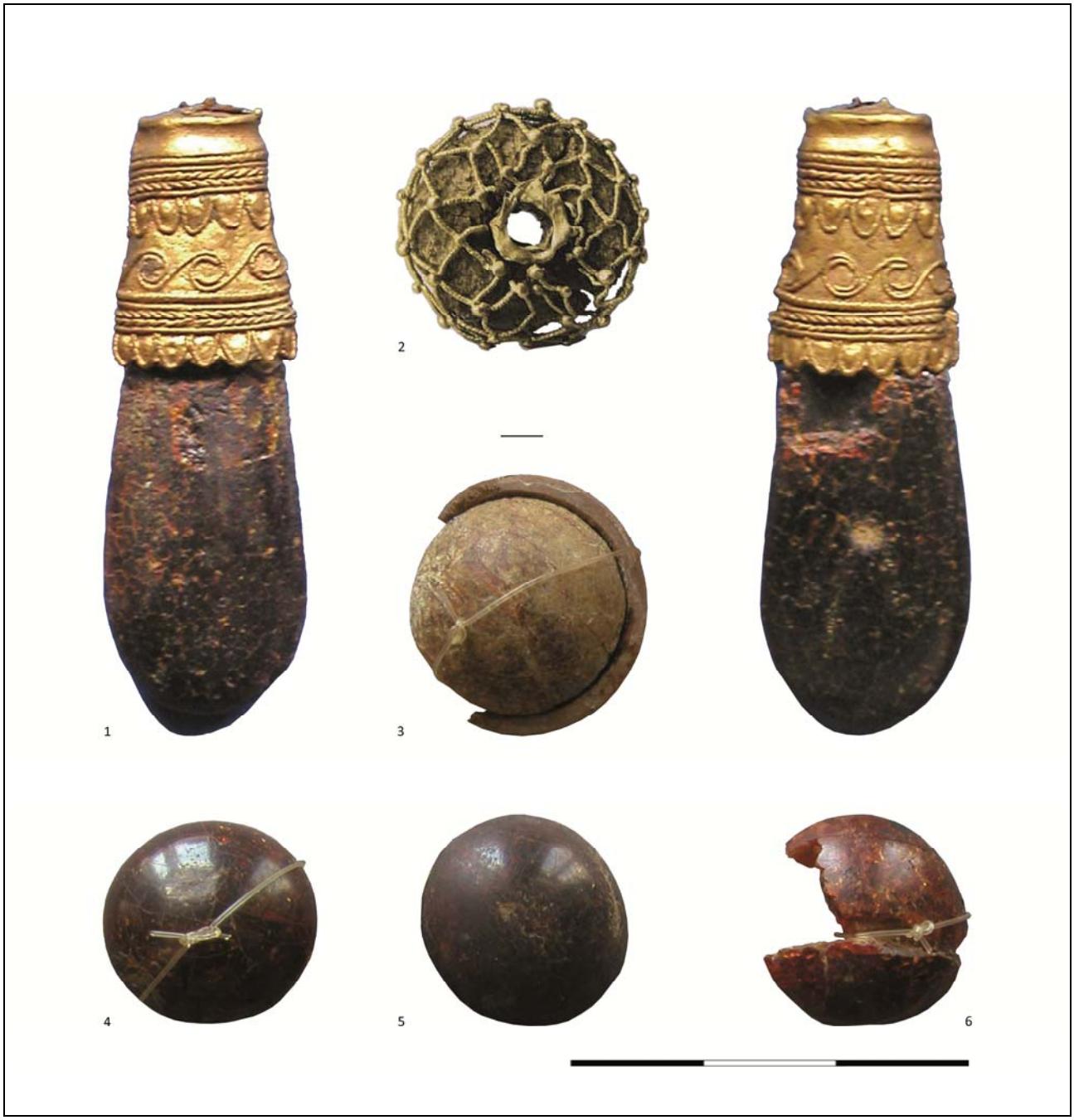

Рис. 2. Янтарные украшения и инкрустации с территории Боспора и Прикубанья: *1* — Мерджаны. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № 2521/7; *2* — Васюрина гора. Средней курган № 1. Плитовая гробница. Санкт-Петербург, ГЭ, инв. № Вас. 33; *3—6* — Трехбратний курган № 2/1967. Гробница № 3. Керчь, ВКИКМЗ, инв. № Б-1135-1138. Фото М.Ю. Трейстера (*1, 3—6*), Гос. Эрмитажа (*2*).

Fig. 2. Amber jewelry and inlays from the Bosporan Kingdom and the Kuban area: *1* — Merdzhany. St. Petersburg, State Hermitage, inv. no. 2521/7; *2* — Vasyurina gora. Middle Burial-mound no. 1. Stone slab tomb. St. Petersburg, State Hermitage, inv. no. Vas. 33; *3—6* — Three Brothers Burial-mound no. 2/1967. Tomb no. 3. Kerch, East-Crimean Historical-Cultural Museum-Reserve, inv. no. Б-1135-1138. Photos by: M.Yu. Treister (*1, 3—6*), State Hermitage (*2*).

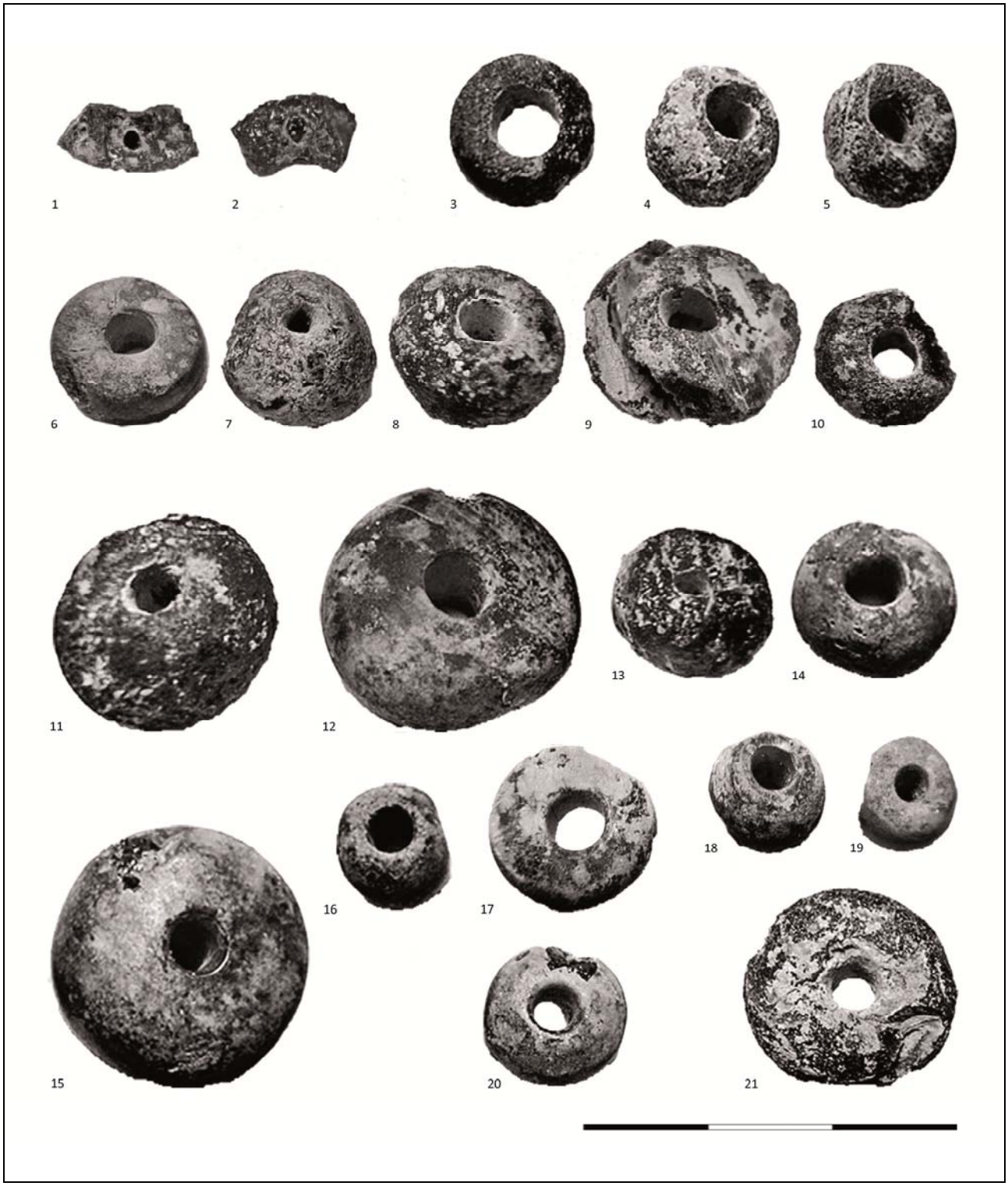

Рис. 3. Янтарные бусы. Прохоровка: Курган Б. *1—2* — Погребение № 1; *3—21* — Погребение № 3: *3—13* — бусы с правого запястья; *14—21* — бусы с левого запястья. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18873/809-849 (по Аникеева 2017).

Fig. 3. Amber beads. Prokhorovka: Burial-mound Б. *1—2* — Burial no. 1; *3—21* — Burial no. 3: *3—13* — beads from the right wrist; *14—21* — beads from the left wrist. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. ОРОМ 18873/809-849 (after Anikeeva 2017).

Рис. 4. Янтарные бусы: *1* — Прохоровка. Курган Б. Погребение № 3. С левого запястья. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18873/809-849; *2* — Бердянка-V. Курган № 4/1995. Погребение № 5. Оренбург, ОГПУ, археологический музей, инв. № Бр95-39; *3* — Майеровский-III. Курган № 4/2002. Погребение 3Б. Москва, ГИМ, инв. № 112873. Оп. Б 2078/62; *4* — Совхоз им. Шаумяна. Курган № 13/1996. Танаис, АМЗТ, инв. № 333, АО 17; *5* — Кадамовский. Разрушенный курган, 1953 г. Новочеркасск, МИДК, инв. № 9864. Фото Л.Т. Яблонского (*1*), Л.А. Краевой (*2*), ГИМ (*3*), М.Ю. Трейстера (*4—5*).

Fig. 4. Amber beads: *1* — Prokhorovka. Burial-mound Б. Burial no. 3. From the left wrist. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. ОРОМ 18873/809—849; *2* — Berdyanka-V. Burial-mound no. 4/1995. Burial no. 5. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, Archaeological Museum, inv. no. Бр95—39; *3* — Maierovskii-III. Burial-mound no. 4/2002. Burial no. 3B. Moscow, State Historical Museum, inv. no. 112873, list Б 2078/62; *4* — Shaumyan Soviet Farm. Burial-mound no. 13/1996. Tanais, Archaeological Museum-Reserve, inv. no. 333, AO 17; *5* — Kadamovskii. Destroyed Burial-mound, 1953. Novocherkassk, Museum of History of Don Kossaks, inv. no. 9864. Photos by L.T. Yablonsky (*1*), L.A. Kraeva (*2*), State Historical Museum (*3*), M.Yu. Treister (*4—5*).

Рис. 5. Находки янтарных бус в погребениях Азиатской Сарматии II—I вв. до н.э.: *1* — Шаумяна; *2* — Кадамовский; *3* — Криволиманский-I; *4* — Калиновский; *5* — Майеровский-III; *6* — Терен. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 5. Finds of amber beads from the burials of Asian Sarmatia of the 2nd — 1st centuries BCE: *1* — Shaumyan Soviet Farm; *2* — Kadamovskii; *3* — Krivolimanskii-I; *4* — Kalinovskii; *5* — Maierovskii-III; *6* — Teren. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

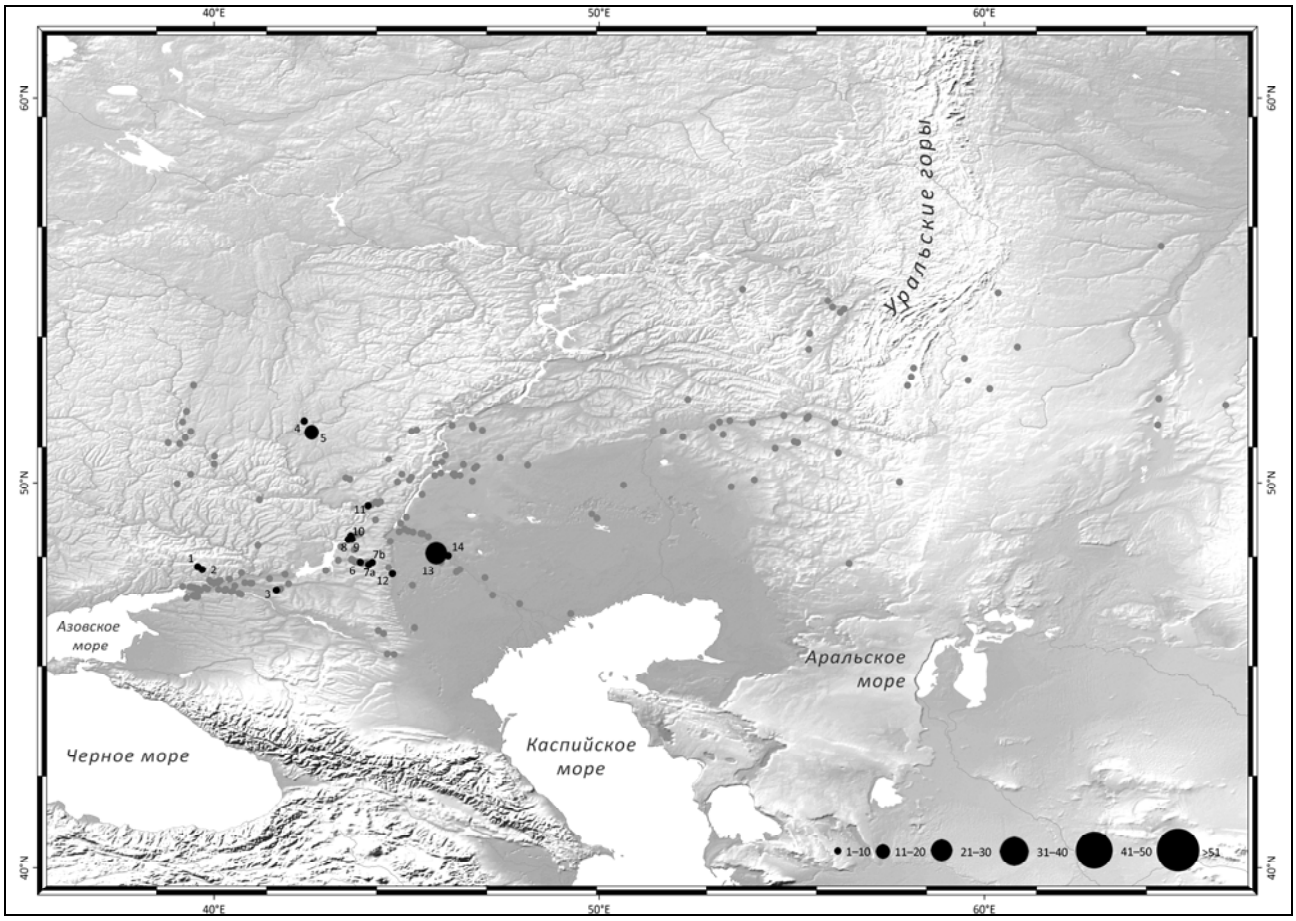

Рис. 6. Находки янтарных бус и вставок в погребениях Азиатской Сарматии I — первой половины II в. н.э.: *1* — Сладковский; *2* — Полевой стан II; *3* — Новый; *4* — Власовский-II; *5* — Третьяки; *6* — Жутово; *7a-b* — Перегрузное; *8* — Вербовский-I; *9* — Вербовский-II; *10* — Колпачки; *11* — Авиловский-II; *12* — Аршань-Зельмень-II; *13* — Старица (с учетом вставок в ожерелье); 14 — Барановка. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 6. Finds of amber beads and inlays from the burials of Asian Sarmatia of the 1st — first half of the 2nd century CE: *1* — Sladkovskii; *2* — Polevoi stan II; *3* — Novyi; *4* — Vlasovskii-II; *5* — Tret'yaki; *6* — Zhutovo; *7a-b* — Peregruznoe; *8* — Verbovskii-I; *9* — Verbovskii-II; *10* — Kolpachki; *11* — Avilovskii-II; *12* — Arshan'-Zel'men'-II; *13* — Staritsa (taking into account the inlays in the necklace); *14* — Baranovka. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

Рис. 7. Наборы бус из различных материалов, включая янтарь: *1—2* — Валовый-I. Азов, АИАПМЗ: 1 — Курган № 9/1987. Погребение № 1, инв. № 25309/215—218; *2* — Курган № 33. Погребение № 1, инв. № 25309/567, 570—572, 580, 582; *3* — Колпачки. Курган № 4/1968. Погребение № 1. Волгоград, ВОКМ, инв. 14256/1; *4* — Власовский-II. Курган № 1/1988. Погребение № 1. Пос. Грибановский, Народный краеведческий музей, без инв. номера. Фото: Азов, Музей (*1—2*); Волгоград, Музей (*3*), М.Ю. Трейстера, 2015 (*4*).

Fig. 7. Strings of beads of various materials, including amber: *1—2* — Valovyi-I. Azov, Azov Historical-Archaeological and Paleontological Museum-Reserve: *1* — Burial-mound no. 9/1987. Burial no. 1, inv. no. 25309/215—218; *2* — Burial-mound no. 33. Burial no. 1, inv. no. 25309/567, 570—572, 580, 582; *3* — Kolpachki. Burial-mound no. 4/1968. Burial no. 1. Volgograd, Regional Local Lore Museum, inv. no. 14256/1; *4* — Vlasovskii-II. Burial-mound no. 1/1988. Burial no. 1. Gribanovskii settlement, Folk Museum of Local Lore, without inv. no. Fotos by: Azov, Museum (*1—2*); Volgograd, Museum (*3*), M.Yu. Treister, 2015 (*4*).

Рис. 8. Бусы янтарные: *1* — Красный Кут. Курган № 4/1989. Погребение № 1. Таганрог, ТГЛИАМЗ, инв. № НВ-5189/24; *2* — Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/7; *3—4* — Старица. Курган № 55/1961. Погребение № 1. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. номер не известен; *5—11* — Покровка 10. Курган № 24/2000. Погребение № 1. Оренбург, ОГИКМ, инв. № ОРОМ 18337/8, 33. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 8. Amber beads: *1* — Krasnyi Kut. Burial-mound no. 4/1989. Burial no. 1. Taganrog, Taganrog State Literary and Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. HB-5189/24; *2* — Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. 11989/7; *3—4* — Staritsa. Burial-mound no. 55/1961. Burial no. 1. Astrakhan, State United Historical-Architectural Museum-Reserve, inv. no. unknown; *5—11* — Pokrovka 10. Burial-mound no. 24/2000. Burial no. 1. Orenburg, Governor's Historical and Local Lore Museum, inv. no. OPOM 18337/8, 33. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 9. Ожерелье. Старица. Курган № 11/1961. Погребение № 1. Общий вид и деталь. Астрахань, АГОИАМЗ, инв. № 11989/14. Фото М.Ю. Трейстера, 2015.

Fig. 9. Necklace. Staritsa. Burial-mound no. 11/1961. Burial no. 1. General view and detail. Astrakhan, State Joint Historical and Architectural Museum-Reserve, inv. no. 11989/14. Photos by M.Yu. Treister, 2015.

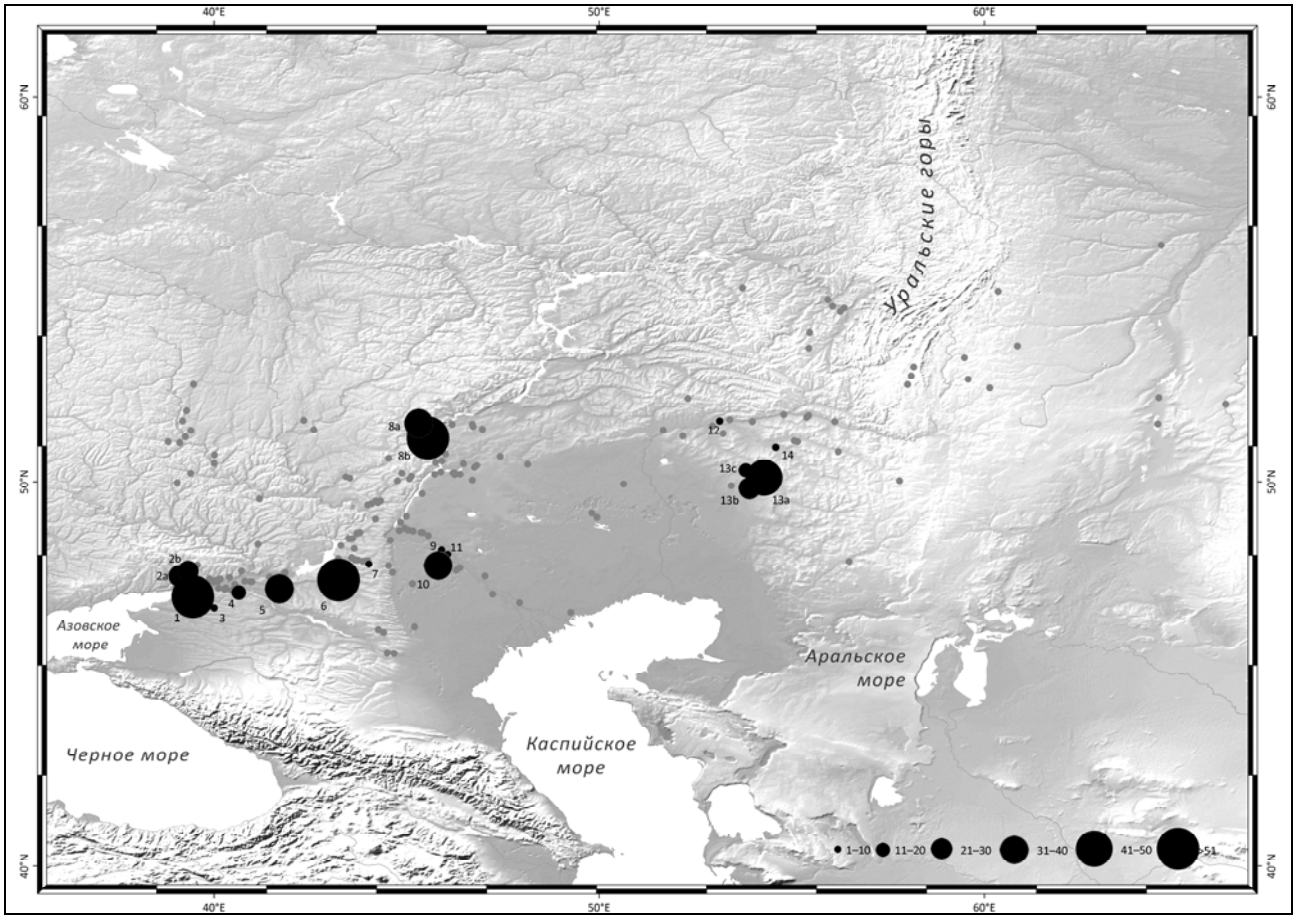

Рис. 10. Находки янтарных бус в погребениях Азиатской Сарматии второй половины II — III в. н.э.: *1* — Новоалександровка-1; *2a-b* — Валовый-I; *3* — Высочино-V; *4* — Красный Кут; *5* — Московский-I; *6* — Гремячая; *7* — Перегрузное; *8a-b* — Большая Дмитриевка; *9* — Старица; *10* — Кривая Лука-VI; *11* — Барановка; *12* — Красный Яр; *13a-c* — Лебедевка-II, III, VI; *14* — Покровка 10. Подоснова карты — Г.П. Гарбузов. Карта, М.Ю. Трейстер, 2020.

Fig. 10. Finds of amber beads from the burials of Asian Sarmatia of the second half of the 2nd — first half of the 2nd — 3rd century CE: *1* — Novoaleksandrovka-1; *2a-b* — Valovyi-I; *3* — Vysochino-V; *4* — Krasnyi Kut; *5* — Moskovskii-I; *6* — Gremyachaya; *7* — Peregruznoe; *8a-b* — Bol'shaya Dmitrievka; *9* — Staritsa; *10* — Krivaya Luka-VI; *11* — Baranovka; *12* — Krasnyi Yar; *13a-c* — Lebedevka-II, III, VI; *14* — Pokrovka 10. Subbase of the map — G.P. Garbuzov, map — M.Yu. Treister, 2020.

Рис. 11. Бусы янтарные: *1* — Большая Дмитриевка. Курган № 13/1988. Погребение № 2. Саратов, СОМК, кп 51963/62—128, инв. № 22723—22789; *2* — Лебедевка. Курган № 2/1966. Астана, НМРК. ҒОМА № 472. ҚРҰМ УҚ ТК$_2$-686. Фото: М.Ю. Трейстера (*1*), М. Шихта (*2*).

Fig. 11. Amber beads: *1* — Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 13/1988. Burial no. 2. Saratov, Regional Local Lore Museum, KP 51963/62—128, inv. no. 22723—22789; *2* — Lebedevka. Burial-mound no. 2/1966. National Museum of Republic Kazakhstan, ҒОМА № 472. ҚРҰМ УҚ ТК$_2$-686. Photos by: M.Yu. Treister (*1*), M. Schicht (*2*).

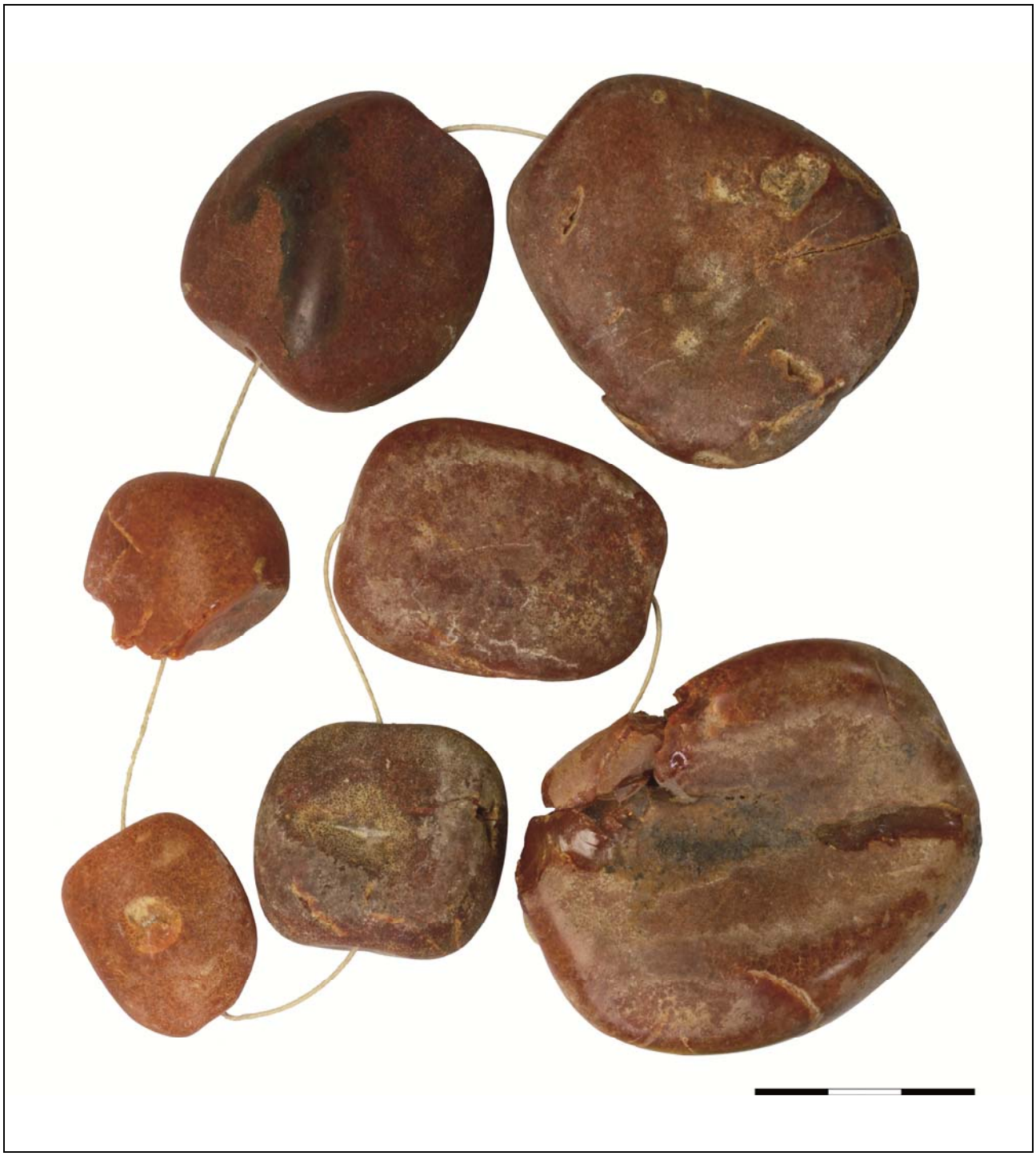

Рис. 12. Бусы янтарные: *1* — Большая Дмитриевка. Курган № 13/1988. Погребение № 2. Саратов, СОМК, кп 51963/6—12, инв. № 22700—22707. Фото М.Ю. Трейстера.

Fig. 12. Amber beads: *1* — Bol'shaya Dmitrievka. Burial-mound no. 13/1988. Burial no. 2. Saratov, Regional Local Lore Museum, KP 51963/6—12, inv. no. 22700—22707. Photo by M.Yu. Treister, 2015.

Рис. 13. Бусы янтарные: *1, 9* — Бурхан толгой (по Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142); *2, 5* — Шомбуузиин белчир. Погребение № 14 (по Egiimaa 2011: 120, nos. 139, 141); *3—4* — Знаменский клад. Государственный Эрмитаж, инв. № 2715/78—79 (фото Музея); *6—7* — Наймаа Толгой (по Egiimaa 2011: 121, no. 143).

Fig. 13. Amber beads: *1, 9* — Burkhan tolgoi (after Egiimaa 2011: 119, no. 137; 121, no. 142); *2, 5* — Shombuuzyn belchir. Burial no. 14 (after Egiimaa 2011: 120, nos. 139, 141); *3—4* — Znamenskii Hoard. State Hermitage, inv. no. 2715/78—79 (Museum photos); *6—7* — Naimaa tolgoi (after Egiimaa 2011: 121, no. 143).

Рис. 14. Навершия мечей янтарные: *1—3* — Бердянка-V. Курган № 6/1995. Погребение № 1. Оренбург, ОГПУ, археологический музей, без инв. №; *4—6* — Лебедевка-VI. Курган № 13/1979. Погребение № 2. Уральск, ЗКОИКМ, инв. № 4453/12.

Fig. 14. Amber sword hilt pommels: *1—3* — Berdyanka-V. Burial-mound no. 6/1995. Burial no. 1. Orenburg, Orenburg State Pedagogical University, Archaeological Museum, without inv. no.; *4—6* — Lebedevka-VI. Burial-mound no. 13/1979. Burial no. 2. Ural'sk, West-Kazakhstan Regional Historical and Local Lore Museum, inv. no. 4453/12.